

ИЛ

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Джессика Андерсон

Лицедеи

Jessica Anderson

The Impersonators

Джессика Андерсон

Лицедей

Роман

*Перевод с английского
Ю. Родман*

Москва
«Известия»
1990

И (Австрал)
A65

Ответственный редактор Библиотеки «ИЛ» В. Перехватов

Редактор И. Тогоева

Рецензент *И. Левидова*

Обложка художника А. Махова

A $\frac{4703000000-007}{074(02)-90}$ **67-90**

ISBN 5-206-00038-8

© Jessica Anderson, 1980

© Оформление, перевод на русский язык издательство «Известия»,
журнал «Иностранная литература», 1990

Часть первая

1

— Дочь Джека Корнока возвращается домой,— сказал Кейт Бертеншоу.

Марджори Бертеншоу сидела за туалетным столиком и колдовала над своим лицом, готовясь к очередной схватке с дневным светом.

— Я не знала, что у него есть дочь. Как ее зовут?

— Сильвия Фоли.

— Замужем, значит.

— Разведена. Вовремя возвращается, ничего не скажешь.

— Сколько ей лет?

Кейт Бертеншоу выбирал рубашку и размышлял вслух:

— Первым родился Брюс. Погиб на войне. Потом Стюарт. Потом, с большим перерывом, Сильвия. Сильно за тридцать, наверное? Наверное, так.

Марджори Бертеншоу не знала первой семьи Джека Корнока. Она познакомилась с ним, когда он уже развелся, женился вновь и перебрался на северный берег залива. Ни Джек Корнок, ни его вторая жена Грета не числились среди ее друзей.

— А Грета Корнок знает о приезде Сильвии?

— Мне это неизвестно. Я звоню ей отнюдь не каждый день.

— Иногда кажется, что каждый.

— В последнее время я действительно часто упоминаю ее имя, потому что она оказалась в затруднительном положении.

— А я думала, это Джек оказался в затруднительном положении.

— Конечно, им обоим тяжело. Хорошо бы тебе позвонить Грете.

— Мне хватает своих неприятностей.

Стоя перед зеркалом, Кейт Бертеншоу завязывал галстук, в нижней половине зеркала отражалось лицо его жены. Кейту исполнилось шестьдесят пять, сухощавый, стройный, с длинным, надменно вздернутым подбородком и чуть презрительно изогнутыми губами, он говорил спокойно и негромко:

— Я занимаюсь делами женщины, которая покупает дом в восточном пригороде. Агент по продаже — Стюарт Корнок. Во время деловых переговоров я как-то позвонил ему, и Стюарт сказал, что его сестра возвращается в Сидней.

Грета Корнок поговорила по телефону с сыном Гарри и позвонила старшей дочери Розамонде. Рядом с телефоном лежал блокнот, в ожидании ответа Грета рисовала кубики. В трубке раздавались бесконечные гудки. Грета нажала на рычаг, набрала номер младшей дочери, Гермiony, и снова принялась рисовать маленькие аккуратные кубики. Гермiona была дома.

— Гермiona, — сказала Грета, — мне только что звонил Гарри. — Она заговорила громче, потому что услышала в трубке шум проходящего поезда. — Он вчера встретил на улице Стюарта.

— На улице Стюарта? — думая о чем-то своем, повысила голос Гермiona. — Имоджин, — крикнула она, — сейчас же отпусти! Секунду, мама!

Гермiona положила трубку, высвободила свои джинсы из цепкой детской ручонки, переступила через Имоджин и закрыла балконную дверь. Месяц назад они со Стивеном продали дом и пока снимали квартиру на втором этаже рядом с Северной железной дорогой. Гермiona дала малышке сухарик и снова взяла телефонную трубку.

— Да, так ты говорила про Стюарта Корнока? Стюарт обещал подыскать нам дом, но пока не подыскал. Имоджин уже пытается вставать.

— Вы все рано начинали стоять и ходить. Стюарт сказал Гарри, что Сильвия возвращается домой.

— Да? — Гермiona явно заинтересовалась. — Когда?

— В следующую среду.

— Хотела бы я знать зачем.

— А почему бы нет?

— Хотя бы потому... Я считала, что она обосновалась в Европе насовсем, освоилась, прижилась... погоди, ты думаешь, она возвращается из-за папы?

Грета заштриховывала кубик.

— Понятия не имею.

— Ты слышала о ней что-нибудь в последнее время?

— С тех пор как заболел папа, ничего. Удивлялась, когда у меня было время удивляться.

— Что Стюарт сказал Гарри?

— Сказал, что она позвонила, сообщила номер рейса и попросила снять квартиру, больше ничего.

— Мама, скажи, пожалуйста, как папа?

Оба сына Греты называли ее мужа Джек, иногда Грозный Командир, но Розамонда и Гермiona продолжали называть его папой, как привыкли с детства.

— Без перемен, Гермiona,— ответила Грета.

— Просто ужасно. Ох эта кошка!..

— До свидания, родная.

Грета положила трубку и вышла, зацепившись наброшенной на плечи кофтой за дверь. Высокое крыльцо под крышей, затенявшей холл, выходило в сад со стороны улицы. По заросшим травой обочинам Орlando Роуд передвигались без машин только школьники, слуги из соседних домов и любители бега трусцой. В уголке сада мужчина, стоя на коленях, высаживал на клумбу Гретины любимые цветы.

— Сидди! — тихонько, с неподдельной теплотой окликнула его Грета.

Сидди поднялся и торопливо заковылял к крыльцу, в каждом его движении чувствовалось желание успокоить и утешить. На вид ему было лет пятьдесят, родился он на северо-западе Австралии, там же, где Джек Корнок, который более тридцати лет назад взял его в свой бар. У Сидди были покатые плечи, неестественно узкая голова и красные щеки. Его полосатая рабочая рубашка и толстые шерстяные брюки на подтяжках источали кислый запах немытого тела, чувствовавшийся даже в его двухкомнатном домишке в Бруклине на Хоксбери-Ривер. К нижней губе Сидди прилипла наполовину выкуренная папироса.

— Сидди, обойди дом и взгляни, как он там, хорошо?

Сидди кивнул и поплелся за дом, а Грета вернулась к телефону и снова набрала номер Розамонды. Розамонда и ее муж Тед Китчинг, самые богатые в большой семье Греты, жили на южном берегу залива в Пойнт Пайпере. Из всех детей только Розамонда походила на мать: у нее были голубые пронизательные глаза и светлые волосы. Разговаривая с Гретой, она разглядывала японский контейнеровоз, приставший к берегу, и сначала не очень вслушивалась в слова матери.

— Сильвия? Чудесно. Она написала?

— Нет. Гарри встретил на улице Стюарта.

— Я тоже его часто встречаю. Однажды я видела у него в машине Мин.

Розамонда называла свою сестру Мин или Минни.

— Сколько времени прошло с отъезда Сильвии? Подожди-ка, ей было девятнадцать, мне сейчас тридцать семь, а она на два года старше меня. Боже правый! Двадцать лет!

— Стюарт, наверное, написал ей про Джека.

— Двадцать лет! Да, я так и думала. Неужели... она приезжает из-за отца?

— Этого я, разумеется, не знаю.

— Она даже никогда ему не писала.

— Она писала мне. Ты знаешь, как отец относится к письмам. Я им рассказывала друг о друге.

— Но ведь ты не писала ей про инсульт, ты только что сказала, что ей написал Стюарт.

— Это я предоставила ему. У меня и без того хватает забот.

— Еще бы! Но послушай,— сказала Розамонда, вздернув подбородок,— я просто не представляю, откуда она взяла деньги на дорогу.

— Я тоже.

— Папа обрадовался?

— Я только собираюсь ему сказать.

— Как он, мама?

— Без перемен, Роза. Сидди теперь будет ночевать в комнате над гаражом, я попросила его.

— Гай, по-моему, вполне мог бы тебе помочь.

— Гай снова исчез.

— Когда?

— Вчера.

Два тупоносых черных буксирчика спешили к контейнеровозу. Розамонда села в кресло.

— Мама, я хочу что-то у тебя спросить.

— Да? — В голосе Греты звучало предостережение.

— Про папино завещание.

В трубке было слышно, как Грета задержала дыхание и по капле выпускала воздух с каждым произносимым словом.

— Ты... спрашиваешь... уже... восьмой... раз...

— Не говори так.— Розамонда по-прежнему не спускала глаз с буксиров, но на ее лице появилась едва заметная улыбка.— Я беспокоюсь о тебе.

— ...и уже восьмой раз я повторяю, что если папа умрет раньше меня...

— Мама, ему семьдесят шесть лет!

— ...если папа умрет, дом — мой. Как мальчики, Розамонда?

— Я знаю, что дом твой, но как ты будешь его содержать? И не только после смерти папы, а уже сейчас, сегодня. Пожалуйста, не уверяй меня, что папа продолжает давать тебе деньги.

— Ты должна понять, что это следствие его болезни.

— На этой неделе Кейт Бертеншоу приезжал к папе два раза.

— Довольно меня изводить. Папа имеет право видеться со своим адвокатом.

— Тед считает, что официальным поверенным папы следует стать тебе.

— Роза, если мне понадобится совет мужчины, у меня есть два сына.

— Ох, мама, перестань. Неужели, по-твоему, Гарри или Гай практичные люди? А Теду в этом не откажешь. Я знаю, он свинья, хам, но в практичности ему не откажешь.

Грета больше не скрывала усталости:

— Да, родная, согласна. Он это доказал. Но я буду поступать так, как считаю нужным. Я позвонила, чтобы

сказать тебе о Сильвии, а не разговаривать о деньгах.

— Но я заговорила про деньги из-за Сильвии. В конце концов Сильвия — его единственная дочь. Сильвия и Стюарт — его единственные родные дети!

— Розамонда...

— Я уверена, что Стюарту он не оставит ни гроша. Между ними вечно шла война, верно? Но Сильвия жила далеко, и папа вполне мог вообразить, что она ангел.

— Розамонда, я уже старая женщина.

— Интересно, когда ты успела постареть.

— Я старая женщина, — настойчиво повторила Грета, — и если мне достанется только дом, я справлюсь, мне этого хватит. А все мои дети устроены.

— Были устроены, — вставила Розамонда.

— О чем ты?

— Ты, конечно, видела утренние газеты.

— Да, видела. Но Тед годами твердил...

— На сей раз это правда. На сей раз серый волк настоящий, а не из песенки.

— Тед в самом деле теряет...

— В мгновение ока. Брр!

— В таком случае придется продать яхту.

— Придется.

— Знаешь, Рози, я думаю, ты скоро убедишься, что у Теда все в порядке. Тед из тех, у кого всегда все в порядке. Хотела бы я сказать то же и про Стивена и Гермиону. Они никогда не выберутся из этой квартиры. Стивен очень неудачно продал их дом в Болкхэм-Хиллзе.

— Не стоит ругать Стива, мама, Мин не терпелось переехать. Ее, впрочем, тоже не за что ругать, она такая, какая есть, обстоятельства сильнее ее.

— Я считаю, что человек в силах бороться с обстоятельствами.

— Не спорю, но если бог даровал Минни лицо богини, ему следовало поселить ее в мраморном дворце.

— Боже правый! В мраморном дворце! У них был вполне приличный дом. Все знали, что впереди трудные времена. И вдруг они заводят еще одного ребенка, пусть это даже Имоджин, — раздражение в голосе Греты мгновенно

сменилось нежностью.— Ах, Рози, какая прелестная девочка.

Розамонда вдруг услышала прерывистое дыхание, почти шипение.

— Мама? — осторожно спросила она.

Трубка молчала. Сквозь зеркальное стекло большого окна Розамонда бросала тревожные взгляды на небо, на гавань, на северный берег.

— Мама, что случилось?

— Сама не знаю,— прозвучал сухой, бесцветный голос Греты.

— Это я виновата,— сказала Розамонда.— Не надо было заводить разговор про трудные времена, про Мин, про Стива. Но Мин и Стив вроде нас с Тедом, мама. Так или иначе они выпутаются. Я не хотела говорить про Теда, но ведь ты все равно прочла бы в газете. С Гарри сейчас все в порядке, он уже не тоскует о Маргарет. А с Гаем... с Гаем ничего не поделаешь, огорчайся не огорчайся, этим ведь не поможешь, верно? Ушел вчера, ты сказала?

— Да, вчера. Выиграл деньги... в карты или на скачках, не знаю.

— Через неделю вернется. Вот увидишь.

— Я не хочу, чтобы он возвращался. Пора мне освободиться от старых привычек. Освободиться от пут.

Голос Греты постепенно обретал звучность.

— Как мальчики, Розамонда?

— Как раз явились. Привет, мои дорогие.

Розамонда внимательно оглядела сыновей с ног до головы. Шестнадцатилетний Метью и пятнадцатилетний Доминик были удивительно похожи друг на друга.

— Они надели летние шляпы.

— Передай им от меня самый сердечный привет,— с нежностью сказала Грета.

— Бабушка передает вам сердечный привет,— крикнула Розамонда в спину сыновьям.— Они тоже передают тебе привет,— сказала она в трубку.— Отправились набивать животы, поросята этикие, а потом выкурят по сигарете с марихуаной, вернее, «подышат», кажется, так это теперь называется.

— Неужели они в самом деле курят марихуану? — почти шепотом спросила Грета.

— Я знаю только одно: так пишут в газетах.

— А я знаю, что ты шутишь,— сказала Грета с возмущением, хотя и не очень уверенно.

Грета положила трубку и встала. Хотя ей уже исполнилось шестьдесят лет, дочери часто говорили, притворно вздыхая от зависти, что она сохранила прекрасное здоровье и цветущий вид. Пышные золотистые волосы поседели, но чуть раскосые глаза все еще поражали яркой голубизной, и одежда не скрывала гибкости стана. Пересекая холл, Грета что-то сердито бормотала. В последнее время ее губы часто шевелились, будто она с негодованием произносила про себя какой-то нескончаемый монолог. Она ходила быстро и обычно не смотрела по сторонам. Грета поправила ногой ковер и вошла в столовую, отделенную от холла широкой аркой. Идя мимо длинного полированного стола, она все-таки искоса взглянула на него. Восемь стульев по сторонам стола и еще несколько у стен только подчеркивали его ненужность: эта комната давным-давно превратилась в прибежище детей, считавших ее своей, когда они были маленькими, и когда подросли — тоже.

С тех пор как Грета переступила порог этого дома, она ни разу не позволила себе такой вольности, как брюки, даже когда их носили все, и ни разу не доставила себе удовольствия походить летом с голыми ногами. Сейчас, весной, она была одета с обычной строгостью: простое хлопчатобумажное платье и туфли на каучуковой подошве с низкими каблуками.

Столовая соединялась с большой светлой кухней. Здесь, в кухне, окна выходили на запад, но маркизы еще не натянули, и когда Грета прижалась лбом к стеклу, весеннее солнце высветило морщинки на истонченной синеватой коже, несколько поврежденных капилляров в глазах и две вертикальные дорожки по углам рта. Под удлинненной недоброй верхней губой нижняя казалась чуть коротковатой.

В саду за домом газон был оставлен только около кухонной двери, все остальное пространство занимали деревья

и высокий кустарник, скрывавший ограду. Под сливовым деревом, усыпанным нежно-розовыми, почти белыми цветами, Джек Корнок сидел в кресле на колесах на том месте, где час назад его оставили Грета и Сидди. Слегка раздвинутые ноги Джека лежали горизонтально, носок одного башмака чуть отклонился в сторону, а сами башмаки, начищенные до блеска, были щедро обрызганы солнцем. На Джеке Корноке был костюм в тонкую полоску с застегнутым на все пуговицы двубортным пиджаком и жесткая фетровая шляпа, щегольски надвинутая на один глаз. Джек Корнок никогда не выбрасывал одежду, а так как в юности и в зрелом возрасте он стремился быть образцом элегантности и одевался, следуя капризам вечно изменчивой моды, к старости его шкафы ломились от костюмов, шляп и обуви, приобретенных за долгую жизнь. Когда Джек женился на Грете, она раскритиковала почти весь его гардероб, чем нанесла его самоуверенности такой чувствительный удар, что он со злости отказался от своих любимых вещей, убрал их с глаз долой и обзавелся новыми. Но после короткой, оставшейся неразгаданной болезни (за два месяца до инсульта) он вновь пристрастился к одежде, от которой Грета убедила его отказаться. Каждое утро между первой болезнью и инсультом он одевался с нарочитой тщательностью, придирчиво разглядывая себя в зеркале, примеривал «шикарные» костюмы времен послевоенного бума и, наконец, будто незначай появлялся перед Гретой в пиджаке с непомерно широкими плечами, с широким шелковым галстуком и в жесткой фетровой шляпе. «Мама, он не помешался на экономии?» — спросила однажды Гермiona, но Грета с полным самообладанием мрачно ответила, что экономия здесь ни при чем. Когда Джек после инсульта вернулся из больницы домой, все решили, что теперь он наконец откажется от своих любимых костюмов, однако сперва с помощью яростных искорверканных слов, а затем не менее яростных взглядов и взмахов здоровой руки он решительно отверг более удобную одежду последних лет. «Как он перенесет январскую жару?» — спрашивала Гермiona у сестры, Розамонда в ответ лишь недоуменно поджимала губы и всем своим видом показывала, что не уверена, доживет ли Джек до январской жары.

Грета заложила руки за спину, прошла по траве между деревьями и остановилась около кресла мужа. Хотя он не мог встать без посторонней помощи, около его здоровой руки всегда стояла палка. Джек казался все таким же большим, но похудел, и пиджак с широкими подложенными плечами висел на нем как на вешалке. Толстые губы, как всегда сухие, растрескавшиеся, так побледнели, что стали почти неразличимы. Красновато-коричневые глаза прятались за стеклами очков в массивной оправе и пристально, не меняя выражения, следили за каждым движением Греты.

Она спросила, не нужно ли ему чего-нибудь. Заботливо наклонив голову, Грета предлагала мужу чай, воду, сок, суп, спрашивала, не позвать ли Сидди. Обычно Джек выражал согласие кивком головы или поднимал вверх большой палец, но сейчас, хотя он внимательно вслушивался в слова Греты и не сводил с нее глаз, ответить не пожелал. Грета немного подождала, с улыбкой подошла поближе и сняла с его темного костюма несколько розовых лепестков сливы.

— Сильвия возвращается домой,— сказала она.

Выражение лица Джека не изменилось.

— Я ведь знаю, что ты меня слышишь, Джек.

Грета встала с другой стороны. Алфавит, напечатанный на плотном картоне, красная ручка, словарь и «Сидней морнинг геральд», сложенный вчетверо, валялись на траве. Упасть сами они не могли. Врачи утверждали, что Джеку повезло: болезнь отняла у него обе ноги и полностью парализовала одну руку, но с помощью другой, здоровой руки он расписывался и сообщал, что ему нужно, указывая соответствующие буквы в алфавите или слова в словаре. Однако молчание его было нерушимо: он не мог или не хотел произнести ни слова.

Заметка о делах компаний, принадлежащих Теду Китчингу, на газетной странице, обращенной кверху (где Грета не могла ее не увидеть), была обведена неуклюжим красным кружком. Грета положила упавшие вещи и газету на столик, но не взглянула на мужа.

— Сильвия приезжает в среду. Я попрошу ее прийти как можно скорее. А если ты снова захочешь увидеть Кейта Бертеншоу, пожалуйста, не проси Сидди звонить ему. Я позво-

ню сама. Я приглашу его, как только ты этого захочешь. Уже повернувшись, чтобы уйти, Грета сказала негромко, но с угрозой:

— Что же касается других твоих желаний... Я буду сопротивляться, Джек. Я буду сопротивляться.

Она бросила кофту на садовый стул и взяла грабли. На лужайке уже высилось несколько кучек мусора, и Грета принялась сгребать их вместе. В соседних садах росло много кустов и деревьев, и разноголосые крики птиц сливались в громкий неумолчный хор, будто над садами раскинулся звучащий шатер. Грета вдруг резко подняла голову и увидела, что Джек не сводит с нее торжествующих глаз. Она решительно повернулась к мужу спиной и молча продолжала свою работу, часто двигаясь совсем не туда, куда нужно, только бы не смотреть ему в лицо. Грета сгребла весь мусор в одну большую кучу около детских качелей и аккуратно передвинула ее прямо к силосной яме. Но она не прикоснулась к осыпавшимся лепесткам сливы, как никогда не сгребала летом цветы джакаранды, красиво оттенявшие розовато-лиловые ветви обронившего их дерева.

Японский контейнеровоз медленно двигался по заливу, один буксир тащил его за нос, другой сопровождал. Розамонда разглядывала контейнеровоз и разговаривала по телефону с Гермионой.

— У нее все такое же круглое лицо и голова в кудряшках. И она все такая же худая, а живота совсем нет, мне на зависть.

— У Стюарта тоже нет,— сказала Гермиона.— Он, кстати, показал мне несколько домов, но все слишком дорогие.

— На таких женщинах любая одежда имеет вид. Я все-таки сяду на диету. Сильвия, правда, перестала заботиться об одежде.

— Раньше она просто с ума сходила из-за тряпок.

— Мы все сходили с ума.

— Но не так, как она. Молли, наверное, знает, что Сильвия возвращается.

Молли, с некоторых пор Молли Фиддис, была первой женой Джека Корнока, с которой он развелся, уличив ее

в супружеской неверности, когда захотел во что бы то ни стало жениться на Грете. Дети Греты никогда не видели Молли, но она стала для них легендарной личностью после того, как Гарри, просматривая газеты в читальном зале публичной библиотеки, наткнулся на сообщение о бракоразводном процессе супругов Корнок. Дети Греты пользовались газетными заголовками того времени как им одним понятными шутками. «Деньги припрятаны в сиденье автомашины!» — выкрикивали они друг другу, а потом переходили на шепот, соответствующий в их игре мелкому шрифту, и добавляли: «Завила оставленная жена».

— Стюарт наверняка скажет Молли, — проговорила Розамонда, не спуская глаз с японского корабля.

— Мама, по-моему, думает, что Сильвия приезжает из-за папы.

— Наверное, она права. Смешно предполагать, что люди не беспокоятся о наследстве.

— Да? А ты беспокоишься о наследстве, Роза?

— Лично я — нет. Если бы я нуждалась в деньгах, тогда другое дело.

— Это правда, про Теда?

— Что именно?

— То, что написано в газетах. Я не верю, что это правда.

— Не знаю, Мин. Тед не намерен принимать все это всерьез. И я тоже.

— Во всяком случае, пока, — сказала Гермiona.

— Это верно: пока. А ты беспокоишься о наследстве, Мин?

— О папином? Конечно нет. Все останется маме.

— Так считалось до инсульта. Вернее, до первой папиной болезни. Помнишь, он тогда не захотел пригласить врача? С этого все началось.

— Его настроение — проявление болезни.

— За последние несколько дней Кейт Бертеншоу уже дважды приезжал к папе.

Гермiona помолчала. Потом сказала:

— Папа не может оставить маме только дом. Это незаконно.

— Даже если он оставит все остальное своим родным детям? Или одному из них?

Гермиона снова помолчала, а потом решительно заявила:

— Не знаю.

— Тед считает, что после папы останется около трехсот тысяч. Не говоря про незаконные доходы.

— Ох,— проворчала Гермиона,— вечно ты твердишь про незаконные доходы.

— «Деньги припрятаны в сиденье автомашины!»

Но на этот раз Гермиона не рассмеялась знакомой шутке.

Тогда Розамонда решила, что хватит играть в прятки:

— Маме нужно посоветоваться с адвокатом не только из-за папиного завещания, Мин.

— Мне пора,— тут же прервала ее Гермиона.— Я еще не начинала готовить обед.

— Маме нужно посоветоваться, где брать деньги на жизнь.

— Что? — рассеянно откликнулась Гермиона.— Папа по-прежнему не дает ей ни копейки?

— Тед считает, что мама должна стать официальным поверенным папы, я ей сказала, но она что-то пробормотала, и все.

— Мама объяснила тебе, что она уже старая женщина? — рассмеялась Гермиона.

— Да, и это тоже. И что-то о своем праве поступать, как она считает нужным. Мама страшно измучена.

— Мы все это знаем,— ответила Гермиона.

— И все-таки мало ей помогаем.

На этот раз молчание продолжалось так долго, будто их разъединили. Но наконец Гермиона снова заговорила:

— Ты права. Помогаем мало.

— Потому что мама не подпускает к себе. И раньше не подпускала. И мы о ней забываем.

— Надо стараться не забывать. В последнее время мама чуть-чуть оттаяла. Знаешь, что она сегодня сказала? «Пора мне освобождаться от старых привычек, освобождаться от пут». От пут! Гай снова ушел из дому, ты слышала?

— Может быть, ему лучше уйти совсем? Тридцать один год все-таки.

— В том-то и беда, что уйти совсем он не хочет.

— А маму это страшно удручает...

— Знаешь, тут я с тобой не согласна, — сказала Розамонда. — «Удручает» — неподходящее слово.

Разговор снова прервался.

— Я не была у мамы уже три недели, — проговорила наконец Гермиона. — Больше, наверное. Надо непременно захватить.

— И мне тоже.

— Но почему она всегда встречает нас в штывы? Почему она всегда нами недовольна, почему терпеть не может наших мужей? Маргарет она тоже терпеть не могла, пока они с Гарри не развелись.

— Родилась главнокомандующим. Правда, в последнее время командует уже только по привычке, тебе не кажется?

— Нет, не кажется. Слышала бы ты, как она сегодня разговаривала со мной по телефону...

— Бери пример с меня, Мин. Смейся или не обращай внимания.

— У меня не такой ангельский характер...

— Я не говорю, что...

— ... как у тебя, по словам мамы. Прости, Роза. Звонят в дверь. До свидания.

Гермиона положила трубку и подошла к двери гостиной.

— Эмма, — с раздражением крикнула она, — посади Имоджин в манеж, иди сюда и почисти овощи. Джейсон, я, кажется, сказала, чтобы ты прекратил. Выброси сейчас же!

— Почему только я должна заниматься обедом, — обиделась Эмма, — пусть Джэз тоже помогает.

— Прекрасно. Джейсон, иди-ка сюда. Проверни мясо.

Эмма и Джейсон встали рядом с матерью у кухонного стола — все трое в одинаковых синих джинсах, в хлопчатобумажных майках — и принялись чистить, резать и провертывать мясо. Эмме исполнилось двенадцать лет, Джейсону тринадцать. Когда дети Гермионы и дети Розамонды, одинаково темноволосые и стройные, бывали вместе, их часто принимали за родных братьев и сестер. Гермиона тоже была смуглой и черноволосой. Высокая, крупная, она в свои тридцать пять лет сохранила совершенно гладкое, хотя и чуточку поблекшее лицо, высокую, полную грудь и горделиво изогнутую шею. По спине у нее вилась толстая коса, пере-

хваченная на конце резинкой. У Греты не осталось ни одной фотографии покойного мужа, но Гарри, единственный из ее детей, кто хорошо помнил отца, говорил, что достаточно взглянуть на Гермину и на пятерых внуков Греты, чтобы понять, каким удивительно красивым человеком был Хью Полглейз.

Когда позвонила Розамонда, Гарри стоял в кухне. Одной рукой он держал трубку, другой переворачивал мясо, которое жарил на решетке.

— Я просил Стюарта поговорить с Джеком,— сказал он.— И сам тоже говорил. Но Джек недосыгаем. Молчит, и все. Вдвойне недосыгаем из-за болезни. Я предлагал маме взять деньги у меня, пока она в таком положении. Ты тоже предлагала. Что еще можно сделать?

— Я пытаюсь что-нибудь придумать,— ответила Розамонда.

Розамонда тоже помнила отца, помнила, как он умер, как все они жили после его смерти, и это придавало особый оттенок ее разговору с Гарри. Розамонда говорила с ним более спокойно, более трезво, более сосредоточенно, будто годы, когда они с Гарри помогали матери присматривать за двумя младшими детьми, наложили на их отношения особый неизгладимый отпечаток.

— Может быть, Сильвия попробует с ним поговорить,— сказала Розамонда, помолчав.

— А как к этому отнесется мама?

— Но кто-то же должен вмешаться.

— Во всяком случае, не я. Если только она сама меня не попросит. Сильвия приезжает одна, ты не слышала?

— Кажется, да,— с изумлением ответила Розамонда.

— Она не всегда путешествует в одиночестве. Когда мы с Маргарет были в Лондоне, она собиралась в Испанию с каким-то типом. Моложе ее лет на восемь. Мясо уже готово.

— Почему ты ешь так рано?

— Очередное заседание, в прошлый раз я сделал кое-какие записи, хочу их проглядеть.

— В таком случае я тебя отпускаю.— Розамонда положи-

ла трубку, забралась с ногами на сиденье и откинула голову на спинку кресла.

Розамонда все еще сидела в кресле и смотрела, как постепенно темнеет вода, когда в комнату вошел ее муж. Она не обернулась. Тед перегнулся через спинку кресла и поцеловал ее в губы. Она встала и протянула к нему руки. В последнее время Розамонда перестала интересоваться одеждой, она встретила Теда в том же длинном хлопчатобумажном платье с накинутой на плечи шалью, в каком проводила его утром. Они обнялись, обменявшись несколькими быстрыми горячими поцелуями.

Теда и Розамонду считали одной из немногих любящих пар, и эта репутация, казалось, защищала и поддерживала их любовь. Розамонда хранила верность Теду, кроме единственного эпизода в первые годы их супружеской жизни, но и Тед не заводил романов в Сиднее, а когда уезжал из города, имел дело только с первоклассными профессионалками.

— Сброшу сейчас эту чертову сбрую, и мы с тобой выпьем.

Тед говорил быстро и отрывисто, как всегда, когда уставал. Он возглавлял несколько компаний, часть которых была зарегистрирована в неизвестных городишках где-то далеко от Сиднея. В жестком, придирчивом следовании моде костюм Теда не уступал костюмам Джека Корнока. По сравнению с одеждой мужа платья Розамонды казались изделиями прошлого века. Поработав перед замужеством в какой-то конторе, переполненной (по ее словам) грохочущими пишущими машинками, Розамонда с облегчением вернулась к традиционному образу жизни, позабытому современными женщинами. Она развязывала галстук Теда и не отпускала его от себя.

— Мама звонила. Я сказала ей, какой ты скверный человек.

— Сказала так сказала. У тебя шаль упала.

— И грубиян. Да-да! И что у тебя скоро не будет ни гроша.

— Отпусти меня, дорогая. Я хочу выпить.

— Совсем скоро не будет ни гроша — вот что я сказала.

— Умница.

— Поэтому мальчикам придется оставить школу, а нам — этот дом. И хорошо еще, если мне не придется искать работу.

— Все равно не найдешь.

— Это пророчество?

— Вряд ли.

— Тогда я перестану заниматься домом. Пусть все зарастет грязью.

— С тебя станется. Давай поднимемся наверх, ты будешь болтать, а я скину эту сбрую.

Розамонда поднялась в спальню вслед за Тедом.

— И все-таки, Тед, сейчас или потом, нам нужно поговорить серьезно.

— Ты совершенно права. Потом. Как наш Грозный Командир, что сказала Грета?

— Без перемен. Кейт Бертеншоу действительно приезжал к нему дважды за эти дни.

— Старый черт явно что-то затевает.

— Сильвия возвращается домой.

— Кто это — Сильвия?

— Мы были у нее в Лондоне.

— Да, да, да, — Тед швырнул на кровать пиджак и вслед за ним галстук. — Худющая. Кудряшки на голове и маленькие острые груди. Без конца улыбается. Помню.

— Завидую Розе, — сказала Гермиона. — Она не знает душевных мук. Так, конечно, гораздо легче.

— Ты мне еще дороже из-за того, что тебя постоянно что-то мучает, — возразил Стивен.

Гермиона сдвинула брови.

— Постоянно что-то мучает?

Стивен держал на руках Имоджин. Он наклонился и поцеловал ее в щечку.

— За то, что тебе все легко и все трудно, — сказал он.

Стивен только что вернулся с работы. Как и Тед Китчинг, он одевался в соответствии со вкусами своих клиентов, но в отличие от Теда ему не приходилось себя насиловать. Стивен работал советником по делам молодежи в одном из правительственных учреждений, поэтому на нем были синие

джинсы и хлопчатобумажная рубашка, дешевый легкий пиджак он только что снял. Тело его дышало здоровьем; всегда опрятный, подтянутый, он держался спокойно и приветливо, но его мягкость была, видимо, сознательно выработанной манерой поведения. Стивен познакомился с Гермией на демонстрации против атомной бомбы, а в шестидесятые годы вместе со многими другими протестовал против присутствия австралийских войск во Вьетнаме. Недавно он сбрил бороду — поступок, вызвавший неодобрение Гарри Полглейза, заявившего, что растительность на лице Стивена помогала следить за изменениями его политических взглядов: во время войны во Вьетнаме у Стивена была борода пророка, потом она постепенно уменьшалась и, наконец, стала походить на бородку английского короля Георга V. Родился Стивен в Новой Зеландии, в семье англиканского священника. Чисто выбритой щекой Стивен коснулся нежной щеки своей маленькой дочери, поцеловал ее еще раз и посадил на пол.

— Посмотри, что лежит у меня в заднем левом кармане,— сказал он жене.

Гермиона вытащила из кармана его джинсов матово-розовую ленту.

— Увидел, какого цвета эта лента, и вспомнил про твою косу,— сказал Стивен.— Повернись.

Гермиона встала к нему спиной. Стивен распустил ее косу и стал вплетать в нее ленту.

— Сильвия возвращается домой,— радостно сообщила ему Гермияна.

— Дочь Джека?

— Да. Помнишь, мы никак не могли с ней встретиться, хотя целый год провели в Европе.

— Хорошо, что она возвращается. Я видел сегодня Теда, когда бегал. Но не остановился. Может, надо было остановиться. Вот уж кому я не завидую, так это бедняге Теду, будь он неладен.

Гермиона насмешливо улыбнулась, и Стивен, будто заметив ее усмешку, сказал не без злости:

— На этот раз он не выкрутится.

— Тед считает, что мама должна стать официальным

поверенным папы,— лениво проговорила Гермiona.

— Советы Теда не всегда оказываются такими мудрыми, как кажется.

— А ты не думаешь, что маме следует это сделать?

— Необязательно, дорогая. Инсульт сам по себе не является основанием для того, чтобы считать человека неспособным отвечать за свои поступки.

— Конечно, но видишь ли, папа по-прежнему не дает маме ни копейки.

Стивен старательно расправлял петли розового банта.

— Я понимаю, в каком трудном положении оказалась Грета, но нельзя забывать, что капризы Джека говорят главным образом о его физическом состоянии.

2

В одной руке Стюарт Корнок держал чемодан Сильвии, другой повернул ключ в замке и распахнул перед сестрой дверь квартиры. В золотисто-коричневых, слегка навывкате глазах Сильвии сквозили усталость и безразличие, но губы сами собой растягивались в улыбке. Некоторые говорили, что Сильвия улыбается слишком часто, другие объясняли, что эта защитная реакция выработалась у нее, когда она начала работать гидом в туристских автобусах. Но Сильвия уже давно не работала гидом.

Стюарт поднял жалюзи.

— Мэри обычно не сдает квартиру, запирает и исчезает. Бродяга вроде тебя.

За окнами сквозь ветви платанов проглядывали вечнозеленые деревья парка, а за ними круглая массивная белая башня упиралась в небо, о котором Сильвия еще в аэропорту сказала, что оно сияет воистину туристской голубишной.

— Напрасно ты называешь меня бродягой. Вот как раз то место, где я давно хотела оказаться.

— Мечты иногда сбываются.

— Надеюсь, ты не про меня?

Вопрос Сильвии показался Стюарту настолько нелепым,

что он не удостоил ее ответом. На столике рядом с диваном стоял телефон. Стюарт взял ручку, блокнот и отчетливо написал номер.

— Мамин телефон, Сил. На всякий случай.

— У меня есть.

— Ну и прекрасно, я выйду и принесу чего-нибудь поесть, а ты пока позвони, самое время.

Стюарт простодушно считал, что каждое его указание будет тут же выполнено, а Сильвия слишком устала, чтобы сопротивляться, поэтому она села на край дивана и, как только Стюарт закрыл за собой дверь, набрала номер матери.

С двенадцати лет каждое письмо матери, каждый разговор с ней давались Сильвии с мучительным трудом. Услышав длинные гудки, она вздохнула с облегчением и представила себе, как будет извиняться перед Стюартом: «Позвоню попозже... после ланча... сначала кофе... душ...», поэтому, когда трубка ожила, она в испуге тут же сделала ошибку:

— Миссис Корнок?

— Нет,— послышался негодующий голос,— это миссис Фиддис.

— Ой, мама, прости, пожалуйста, это я, Сильвия.

— Ах, это ты, Сил.

Мысль, что мать испытывает те же муки, разговаривая с ней, никогда не приносила Сильвии облегчения. С необычайным высокомерием Молли постоянно твердила: «Лично я писем не пишу», но ее пренебрежение, отсутствие хотя бы двух слов в поздравительных открытках и коротенькие бессодержательные письма Стюарта давно заставили Сильвию смириться с тем, что пропасть между ней и ее родными становится все глубже.

— Я только что приехала,— сказала она.

— Сидишь в аэропорту?

— Нет, дома. Стюарт снял мне квартиру.— Сильвия помолчала.— Во всяком случае, мам...— сказала она наконец и в ту же минуту услышала громкий голос матери:

— Во всяком случае, Сил, хорошо, что ты вернулась. Как летела?

— Слишком долго. Первый раз на этом огромном реактивном чудовище.

— Подумать только.

Но Молли произнесла эти слова таким потухшим, безразличным голосом, что Сильвии стало не по себе. Она разнервничалась и, наклонившись вперед, спросила:

— А ты помнишь, я уплывала на пароходе? Потом добиралась на самолетах поменьше. Автобусами, поездами, снова пароходами.

Хотя Сильвия не услышала в ответ ни слова, она успокоилась и села поудобнее: она вспомнила, что во время любого разговора мать могла вдруг раздвинуть пластинки жалюзи и засмотреться на прохожего. Когда Сильвия ребенком звонила ей из Уарунги, то чуть не плача просила: «Ну, мама, перестань смотреть на улицу, ведь я с тобой разговариваю!» Но настал день, когда Сильвия голосом Греты сказала матери: «Прекрати, пожалуйста. Это просто неприлично».

Сильвия прикрыла трубку рукой, вздохнула и в ожидании ответа сама выглянула в окно. Когда она в апреле расставалась с Лондоном, из набухших почек только-только проклевывались зеленые листочки, а здесь, в Сиднее, она любовалась платанами, увешанными по-зимнему темными шариками плодов. В трубке послышался звук, тоже знакомый Сильвии с детства,— мать тревожно покашливала. Молли вспомнила, что держит телефонную трубку, и ей стало неловко.

— Что ты сказала, Сил?

— Ничего особенного. Как ты, мама?

Сильвия старалась говорить мягко, но в суетливом ответе матери слышались виноватые нотки:

— Я-то хорошо, что хорошо, то хорошо. Особенно если учесть... А как ты, Сил?

— Все прекрасно, мам.

— Приятно слышать. Что хорошо, то хорошо. Как собираешься проводить время, Сил?

Сильвия ждала этого вопроса и заранее приготовила ответ. Но Молли пришла в такое возбуждение, что не дала ей открыть рот:

— Странно, наверное, снова очутиться дома. Надеюсь, вся эта неразбериха со временем не очень тебя измотала.

— Не очень. Просто немного устала.

— Стюарт тоже легко переносит такие перелеты. А я бы просто умерла, я знаю, что умерла. Ни за что не соглашусь, пусть мне даже заплатят. И Кен тоже. Кен ни за что не согласится.

В трубке повисло молчание, ни Сильвия, ни Молли не знали, что сказать. Сильвия не ожидала, что окажется настолько беспомощной. Она знала, что разговаривать будет трудно, и все-таки не представляла, что онемеет, как в детстве. Мысленно она подбирала слова, пытаясь спросить мать о ее муже («Как поживает Кен?»), но Молли вдруг робко пробормотала:

— Стюарт случайно не у тебя, Сил?

— Только что вышел купить что-нибудь поесть.

— Заботливый, как всегда, правда?

Сильвия успела немного прийти в себя.

— Правда,— сказала она,— Стюарт — молодец.

— Ты, конечно, слышала про него?

Сильвия на мгновение смешалась, но тут же вспомнила: когда мама с явной неприязнью произносит «он», «его» или «она», речь идет о Джеке и Грете Корнок. Молли никогда не называла их по имени.

— Да, Стюарт рассказал мне,— ответила Сильвия.

— Я рада, Сил, что ты вернулась сразу, как узнала.

— Я узнала только сегодня, мама. Стюарт, конечно, написал мне. Он еще в аэропорту сказал, что написал. Но я не получила ни одного письма. А когда позвонила ему из Рима и предупредила, что возвращаюсь, он, естественно, решил, что письма дошли, и не обмолвился про отца ни словом, сказал лишь, что будет рад меня видеть.

— Подумать только.

Хотя Молли обычно произносила эти слова, чтобы выиграть время, звучали они всегда по-разному, на сей раз подозрительно.

— Мне вечно не везет с письмами,— терпеливо продолжала Сильвия.— С римской почтой творится что-то невообразимое. Мы со Стюартом распутали этот клубок только в машине, я только в машине узнала, что отец болен.

— Представляю, как ты удивилась,— осторожно заметила Молли.

— Конечно, я никак не ожидала...

— А как ты могла ожидать! Я сама поразилась, скажу я тебе. Подумать только, Сил. Огромный детина и рухнул, как подрубленное дерево!

Сколько уже раз упоминание о Джеке Корноке ломало лед и давало начало бурному потоку красноречия Молли! Сильвия почувствовала, что может теперь спокойно плыть по волнам и лишь время от времени бездумно вставлять ничего не значащие замечания.

— Рухнул как дерево! Тут каждый задумается, разве нет?

— Конечно, мама.

— Нам не дано знать, когда пробьет наш час.

— Не дано.

— Его ненаглядной придется теперь поуняться.

— Вероятно.

— Да, да, теперь она узнает, почем фунт лиха.

— Наверное.

— Человеческий мозг, Сил! Подумай, что такое человеческий мозг. Стюарт сказал тебе, что он не может толком произнести ни слова, а ругаться может. Ругается и ругается, как заводной. Стюарт сказал тебе?

— Нет.

— Спроси сама. У меня было предчувствие. Стюарт сказал тебе, что у меня было предчувствие?

— Нет.

— Ты не согласишься, Сил. За ночь до этого мне приснилось, что он падает. Падает с лестницы, и вот пожалуйста, упал. Удар случился, как раз когда я проснулась. А я уже все знала. «Он пропал»,— сказала я себе. Утром звонит Стюарт. Я ему слова сказать не дала. «Дорогой,— говорю я,— ничего мне не рассказывай. Он пропал». Спроси Стюарта.

— Его сейчас нет.

Бездумность изменила Сильвии. Глаза болели, она прикрыла их рукой. Сильвия слышала, как Молли, запыхавшись, продирается сквозь чащу сердитых ахов и охов. Поверив в одну из своих выдумок, Молли всегда с трудом возвращалась к начатому разговору. Когда ей наконец это удалось, в голосе ее вновь зазвучала обида.

— Все ведь знают, что сны не сбываются точь-в-точь.

С простодушием ребенка Сильвия поспешила на помощь матери:

— Конечно нет.

— Он и не думал падать с лестницы, если на то пошло, но что приснилось, то приснилось.

— Тебе в самом деле приснился очень интересный сон. Молли любила, когда ей поддакивают.

— В жизни происходит столько непонятного, Сил.

— Да, мама.

— Прости, Сил, я хочу спросить тебя напрямик: зачем ты вернулась, если не ...?

— Знаешь, мама... большинство возвращаются, одни раньше, другие позже.

— Само собой,— охотно согласилась Молли.

Сильвия услышала поворот ключа в замке и с облегчением посмотрела на дверь.

— Ой, мама! Стюарт пришел.

— Вот и хорошо, спроси про мой сон, смотри не забудь.

Стюарт вошел с картонной коробкой, набитой едой, и закрыл за собой дверь. Сильвия успокоилась и заговорила более оживленно:

— Когда я тебя увижу, мама?

— Ну... скажи сама.

— Завтра?

Одобрительно кивая, Стюарт понес картонку в кухню.

— Завтра мне вполне подходит,— мужественно согласилась Молли.

— В котором часу?

— Мне подходит любое время.

— Половина третьего?

— Прекрасно! Очень хорошо, замечательно. Поболтаем, выпьем по чашке чая. Я хочу сказать Стюарту пару слов, если ты не возражаешь.

— Конечно. Он уже здесь, протягивает руку.

Стюарт, заранее улыбаясь, взял трубку.

— Здравствуй, старушка. Ну что теперь скажешь? Твоя дочь снова дома, верно я говорю? Представляю, как вы завтра почешете язычки.

Проходя в кухню, Сильвия слышала доносившиеся из

трубки раскаты хохота, который еще ребенком называла мамин «мужской» смех, потому что так мама смеялась только с мужчинами. Молли пронзительно взвизгнула, потом расхохоталась, и Сильвия мысленно снова увидела сорокалетнюю Молли. В черном платье, увешанная побрякушками, в туфельках на высоких каблуках, Молли стоит, опираясь на одну ногу, отставив другую в сторону. В одной руке она держит стакан пива, а другой хлопает себя по груди, показывая, что не в силах совладать со смехом. Выкладывая из коробки еду, Сильвия прислушивалась к словам Стюарта, пытаясь уловить в его голосе напряженность или фальшь. Безуспешно. Громогласные добродушные шуточки Стюарта звучали совершенно естественно, он откровенно радовался каждому своему слову. Сравнение с ее собственным разговором — вымученным, холодным, безучастным — привело Сильвию в уныние. Но в глубине памяти где-то далеко-далеко вспыхивали видения ее детства: над чем-то они хихикали вместе с матерью, секретничали, ходили по магазинам, держась за руки. Сильвия положила фрукты в вазу и понесла в комнату.

— Понимаю,— говорил Стюарт.— Прости, старушка, я не смогу ее подвезти. Но ты ведь знаешь, как это делается: выходишь на улицу и держишь кошелек наготове.— Стюарт повесил трубку.— Вот так,— сказал он.— Рада до смерти.— Стюарт сам был рад до смерти.— Мать просто счастлива, что ты вернулась, Сил. Выглядишь ты сейчас лучше. А как себя чувствуешь?

Сильвии хотелось сказать: «Как расстроенный рояль. Никак не могу попасть в тон маме». Но едва заходил разговор о Молли, как она не могла попасть в тон Стюарту. Стюарт был старше Сильвии на восемь лет, во время развода родителей Сильвии, маленькой девочке, казалось, что отец и мать раздирают ее на части, а Стюарт, уже взрослый молодой человек, яростно и неколебимо отстаивал интересы матери. Слепую любовь Стюарта, его верность и преданность Молли Сильвия воспринимала как укор.

— Не в своей тарелке,— ответила она.

— Его не поймешь. Кажется, он начисто забыл, как что пишется. А он ничего не забыл.

Сильвия вспомнила: отец писал «пличо» вместо «плечо», но это воспоминание относилось ко временам ее юности. Джек Корнок, как и Молли, никогда не писал писем, правда, его послания, составленные Гретой, сохраняли свойственный ему добродушно-шутливый тон, а жены Гретиного поколения обычно писали письма и за себя, и за мужей, поэтому отсутствие писем от отца ранило Сильвию не так больно.

— По словам мамы, ругается он без малейших затруднений,— сказала Сильвия.

— Неправда. Просто ругательства он и раньше выговаривал правильно, а другие слова нет. В один прекрасный день он замолчал, совсем. И я его не осуждаю. Сама подумай: хочешь сказать «дверь», а получается «зверь». Унизительно. Врачи считают, что это второй инсульт, я говорил тебе?

Брови Стюарта вопросительно поднялись, три глубокие борозды на лбу повторили изгиб бровей. Сильвия покачала головой.

— Да, второй. Он заболел в апреле, врачи предполагают, что тогда, в апреле, он перенес микроинсульт. Отец говорил, что у него вспышка туберкулеза. На самом деле он знал.

В мрачном голосе Стюарта Сильвия слышала одобрение, почти восхищение отцом и понимала, что это отголоски давнего горького опыта, когда при каждой стычке с отцом Стюарт терял голову от ярости.

— Почему ты так думаешь? — спросила она.

— Потому что тогда он снова стал мерзким брюзгой. Сама знаешь, когда у него все идет гладко, он сладенький, как патока. Сама знаешь. В такие времена он даже готов простить мне, что я родился слишком поздно и не успел погибнуть на войне, как бедняга Бруси. Но стоит ему почувать, что впереди ухабы — первая его болезнь, микроинсульт, — великодушный джентльмен тут же превращается в обыкновенного хама. Такие вот дела, Сил, говорю тебе чистую правду. Считается, что эти его выходки, приступы злобы — проявление болезни. Хотел бы я знать, какой болезнью заболел отец, когда Бруси погиб, а он вдруг стал другим человеком и возненавидел меня, как злейшего врага.

Сильвия смутно помнила высокого шумного светловолосого мальчика, звезду футбола, убитого японцами на Новой Гвинее.

— Отцу разрешают кого-нибудь видеть?

— Разрешают, разрешают. Ты, конечно, отправишься к нему?

— Конечно.

— Не беспокойся, Сил. Тебя он встретит как надо. Незадолго до инсульта, второго инсульта, он спросил меня, когда ты собираешься вернуться. Отвел в сторону, устроил целое представление. Я понял, чего он добивался: хотел, чтобы я написал тебе, но он не из тех, кто станет просить, а я, такой вот сукин сын, не хотел писать, пока он не попросит. Хотя потом, после инсульта, передумал по доброте душевной и написал в первом же письме в Лондон. Могу тебе повторить, что он сказал. «Пора ей возвращаться,— сказал он,— ненаглядной моей девочке».

Что-то давно забытое разбередили эти слова, зрочки Сильвии расширились от изумления.

— Да-да,— сказал Стюарт,— слова прошлого века. Он ведь из хамелеонов. Сегодня один, завтра другой. Сама увидишь. Я много что помню.

Стюарт встал из-за стола, взял блокнот и шариковую ручку, лежавшие рядом с телефоном, сел на край дивана и начал чертить план. Сильвия отвернулась, перед ее невидящими глазами качались ветви платанов. А ей припомнился один давний случай, и она вдруг увидела отца с какой-то иной стороны, не только таким, каким он виделся ей тогда, в детстве. Отец шел к ней через сад, темный силуэт его плеч и шляпы отчетливо вырисовывался на фоне неба — значит, она ждала его на террасе позади их дома в Бервуде. Отец вышел из гаража и увидел ее, но притворился, что не заметил, и, идя по саду, сосредоточенно разглядывал цветы, а она, замерев от счастья, ждала продолжения игры, ждала той минуты, когда его удивленный взгляд остановится на ней, мгновенно потеплеет и он, не скрывая радости, скажет: «Здравствуй!» Поднявшись на верхнюю ступеньку крыльца, отец поскользнулся и, к ее ужасу, на несколько секунд потерял равновесие. Она с криком бросилась к нему, но он

уже отшвыривал ногой злосчастную щепочку или что-то еще и изрыгал проклятия. «Рухнул как дерево»,— сказала мать. Сильвия обернулась к Стюарту.

— Инсульт случился внезапно?

— Я бы не сказал, что как гром среди ясного неба.— Стюарт вырвал страничку из блокнота и положил на стол.— Смотри. Ты находишься здесь. Автобусы в Уин-ярд идут оттуда и оттуда. Поезда до Бервуда и Уарунги по-прежнему отходят от Уин-ярда. Отделение твоего банка находится здесь.

— Спасибо.— Сильвия сложила листок бумаги и сунула в карман.— В машине ты сказал, что отец не хочет лечиться.

— Он отказывается от обследований, но иногда принимает таблетки, не возражает, когда приходит массажист и разминает ему ноги и руки.

— Значит, рассчитывает поправиться?

— Или надеется, что может рассчитывать. Не спрашивай.

— Может быть, это тяжелое время научит отца...

— Научит? Ничто на свете больше ничему не научит Джека Корнока. Шестьдесят лет назад он сам научился всему, чему хотел, и покончил с образованием раз и навсегда.

— Невежественный мальчик из глухого захолустья один отправился завоевывать мир.

— Именно. Все шарики у него в голове давно расставлены по местам и закреплены намертво. И ему это нравится. Ему это доставляет удовольствие. Он уверен, что так должен поступать каждый. Допей вино.— Стюарт налил вино в свой бокал.— Прости, Сил. Но я не знаю, увидимся ли мы еще раз до того, как ты попадешь в Уарунгу, а тебе лучше быть в курсе. Суть в том, что он хочет оставаться хозяином, если это не удастся одним способом, он прибегает к другому, благо для него все средства хороши. Прежде его дубинкой были деньги. Теперь — подозрительность. Он не дает Грете ни гроша и даже не говорит, сколько у него денег. Он и раньше никогда не говорил про свои денежные дела ни с кем, кроме Кейта Бертеншоу. Но теперь все по-другому. Теперь выкручиваться нужно не ему, а Грете, она и барахтается с завязанными глазами. Я пытался вступить за

Грету, Гарри пытался. Бесполезно. Тебя, наверное, тоже попросят.

Сильвия прижала руку к груди и широко раскрыла глаза:

— Меня?

Стюарт рассмеялся.

— Не согласишься?

— Конечно, не соглашусь. Существуют же какие-то законы. Разве Грета не может обратиться...

— Ей придется доказывать, что он недееспособен. Я думаю, он из-за этого отказывается от обследований: не хочет давать ей оружие против себя.

Сильвия встала.

— Пойду сварю кофе,— сказала она, думая о чем-то другом. Не дойдя до кухни, Сильвия обернулась: — Потвоему, они смертельно ненавидят друг друга?

— Возможно,— неуверенно проговорил Стюарт.

В кухне, наливая кофе, Сильвия призвала на помощь свою память. Ей исполнилось одиннадцать лет, когда она впервые увидела Грету. Перед ее глазами вновь замелькали расплывчатые очертания цветных лужиц света на полу холла. Грета на коленях перед своим маленьким сыном. Грета улыбается, но Сильвия смотрит только на пробор, разделяющий густые светло-желтые волосы. Грета поднимается с колен, на ее лице все та же улыбка. Джек Корнок стоит рядом или позади нее и остается в тени. Слепленная неприязнью, Сильвия высвобождает свою руку из рук Греты и только тогда отчетливо видит отца. Отворачиваясь от Греты, она перехватывает его взгляд, в глазах отца недоумение, угроза, злость, отец смотрит на свою молодую жену.

Сильвия взяла две полные чашки кофе и понесла в комнату.

— Я, наверное, просто ни разу не взглянула на отца со стороны. А внуки любят его?

— Никогда не видел его с внуками.

— Маленькие дети обладают чудесным даром безоглядной любви,— сказала Сильвия.

Но Стюарт вдруг насупился и ушел в себя.

— Все они такие писанные красавчики, эти внуки.

— Гарри говорил мне, что они все похожи на деда.

— Все они похожи на Гермину,— сказал Стюарт.— Никто не знает, что мне приходится выносить, когда эта женщина сидит у меня в машине.

— А с какой стати Гермину сидит у тебя в машине?

— Я показываю ей дома, да все они ей не по карману. Такая женщина, и единственное, что ее интересует,— дома! Сильвия взглянула на Стюарта и улыбнулась:

— Ты все еще имеешь дело только с баловнями судьбы?

— С кем же еще иметь дело? У них всегда куча денег. А я почему-то торчу здесь, когда мне давно уже пора расстаться с тобой и попытаться хоть чуточку облегчить их карманы.

Стюарт уселся поудобнее: поставил локоть на стол, другую руку положил на спинку кресла.

— Что ты собираешься делать, Сил?

— Побуду здесь месяца два-три, потом обоснуюсь в Риме. Буду преподавать итальянский англичанам и английский итальянцам.

— Если ты наконец решила осесть на одном месте, почему бы не обосноваться здесь?

Сильвия подняла кофейную чашечку и, чтобы выиграть время, рассеянно поглядывала на деревья за окном. Она знала, что многие англичане и репатрианты вроде нее, едва ступив на землю Австралии, начинают поливать грязью страну и людей. Сильвия не хотела присоединяться к общему хору. Она была настороже и старалась удержаться в границах вежливости любой ценой.

— Я так давно мечтала о Риме.

— А ты можешь работать в Риме на законных основаниях?

— Да, теперь могу.

— Но в Риме ты всегда будешь не уверена в завтрашнем дне, а здесь можешь жить спокойно. Не надо думать о работе и вообще ни о чем, наследницей отца скорее всего будешь ты.— Произнеся эти слова, Стюарт почувствовал, что Сильвия смотрит на него уже без тени рассеянности, и запнулся.— Для тебя это такая неожиданность?

— Конечно,— сказала она с изумлением.— Мне и в голову не приходило.

Стюарт молчал. Сильвия усмехнулась:

— Для тебя такая неожиданность, что мне это и в голову не приходило?

— Почему, собственно, ты об этом не подумала? — проворчал Стюарт.

— Действительно, почему? — Сильвия отпила кофе, взглянула в чашку и наконец сказала: — Прежде всего, наверное, потому, что я всегда видела рядом с отцом Грету и, естественно, считала, что для отца главное — Грета, неизменно, везде и во всем — Грета. Ну и, во-вторых, у меня своя судьба. Я думаю, что главная причина как раз в этом.

— А что, если ты получишь наследство? Деньги не помешают твоей так называемой судьбе?

— Сначала, конечно, немного помешают. Но, знаешь, я подумала, что, в сущности, этих денег хватит только на то, чтобы оплатить мой приезд в Австралию и обосноваться в Риме. Я довольна моей теперешней жизнью. Она мне вполне нравится. И вполне меня устраивает. Я привыкла так жить. Я никогда не рассчитывала на помощь папы и предпочитаю не рассчитывать и впредь.

— Дом достанется Грете. Этого он не может изменить, как бы ему ни хотелось. А вот деньги она вряд ли получит. Впрочем, может, и получит, так что, вернее всего, ты поступаешь мудро, не рассчитывая на деньги. Если Грета не получит денег, она не сможет сохранить дом. Ты всегда недолюбливала Грету, верно, Сил?

Дразнящий пристальный взгляд Стюарта заставил Сильвию усмехнуться и ответить честно:

— Знаешь, трудно сказать. Грета относилась ко мне хорошо, на свой лад. Причинив одну серьезную неприятность, она старалась доставить мне множество маленьких радостей. Ты был уже слишком взрослым, тебя не приглашали на дни рождения. А я никогда не забуду этих праздников, я помню, как Грета украшала столовую, с каким увлечением все мы играли, как вкусно нас кормили. День рождения Гарри и мой праздновали вместе, ты помнишь? На пригласительных билетах всегда было написано: Сильвия Корнок и Гарри Полглейз. Мое имя неизменно стояло первым. Грета никогда не забывала о таких мелочах. Нет, нет,

Грета относилась ко мне очень хорошо.

— А ты все-таки ее недолюбливала.

— Почему ты без конца твердишь одно и то же? Что ты хочешь этим сказать? Мало ли что я делала и говорила, когда была глупой маленькой девочкой.— Сильвия нерешительно передвинула ложечку на блюде.— Скажи, Стюарт, эти шуточки Полглейзов о незаконных доходах... Это правда?

Стюарт взглянул на часы.

— Что ты имеешь в виду?

— Газетные заголовки, на которые наткнулся Гарри,— о деньгах, припрятанных в сиденьях машины...

— Господи боже, по-моему, прошло уже достаточно времени, и наша бедная старушка мама имеет право забыть об этой истории.

— Но у отца в самом деле были незаконные доходы?

— Если тебе нравится слово «незаконные»...— с пренебрежением сказал Стюарт.— Отец уже давным-давно истратил эти деньги, купил на них дом, мебель, покупал машины, ну и все остальное, а остаток, видимо, вложил в разработку полезных ископаемых. Ему повезло, ты знаешь, он вышел из дела до того, как компания обанкротилась.

— Но в газетах писали, что он нажил деньги на черном рынке?

— Он зарабатывал на жизнь, не нарушая законов. Был совладельцем многих мелких предприятий. Химчистки, кино, такси, закусовые. Работал как проклятый. Получил лицензию на продажу спиртных напитков, а тут началась война и Сидней наводнили янки. Отец выворачивался наизнанку, продавал спиртное на черном рынке, как тысячи других.

— Мама, кажется, ничего об этом не знала?

— Есть ли на свете человек более доверчивый, чем мама? Или менее надежный, подумала Сильвия.

— Ты слышала, как она прохаживалась насчет его баснословных выигрышей на скачках? — спросил Стюарт.

— А Грета знала о скачках?

— Кто знает, что Грета знала, а что нет. Грета не очень-то откровенничает. Ты, по-моему, того же мнения.

— Пожалуй.

— Почему ты никогда не спрашивала меня об этом, когда я бывал в Лондоне?

— Пока я жила в Лондоне, отец и Грета находились довольно далеко от меня. Откуда ты все это знаешь?

— Друзья-приятели много чего мне рассказывали. Припирали к стенке где-нибудь в баре и говорили: «Послушай, а твой старик — мужик что надо», и начинался очередной рассказ о его подвигах. Они и не думали его осуждать, вот что интересно. Они считали его героем.

— Так-таки героем?

Задетый ироническим тоном сестры, Стюарт впился в нее взглядом.

— Ты, Сил, наверняка знала, что он негодяй.

Сильвия вертела в пальцах ложечку.

— Вернее, смутно догадывалась. Из-за шуток Полглейзов. Но для меня шутки все-таки оставались шутками. И для них тоже.

— Погоди, смутно догадывалась или считала шутки шутками?

— Наверное, и то, и другое,— сказала Сильвия, пожав плечами.

— Но ты же объездила столько стран, видела мир...

— Совсем другой мир.

Стюарт встал. Подошел к дивану и взял пиджак.

— Знаешь, Сил, мир всюду один и тот же. Стоит только его чуть-чуть поскрести.

Сильвия положила ложечку на блюдце и встала.

— Очевидно, я смотрела куда-то не туда,— сказала она с улыбкой.

— По-моему, у тебя удивительный дар смотреть не туда. Банки по-прежнему закрываются в три, Сил.

— Тогда я сначала пойду в банк, а потом позвоню Грете.

— Так и сделай.— Стюарт поправлял манжеты. Он окинул Сильвию взглядом, всю, с ног до головы, и Сильвия заметила, что в его глазах мелькнуло недовольство.— Канадские деньги не пошли впрок твоим платьям.

В вопросе о туалетах они никогда не могли договориться.

Сильвии стало скучно: — Где заплатить за квартиру?

— Я сегодня же позвоню тебе и скажу. Мне пора.—

Стюарт обнял Сильвию за плечи и поцеловал в щеку.

Банк находился тут же за углом, на Кинг Кросс. Сильвия жила на этой улице перед отъездом из Австралии. Она помнила, как выглядят эти места, а о переменах ее предупредили друзья. Может быть, зря? Она была почти уверена, что эротоманы и другие любители непристойностей вытеснили отсюда не только постоянных, но и временных жителей, и обрадовалась, что ошиблась. Не без нежности поглядывала она на хозяек с сумками и корзинками, толпившихся у тележек с фруктами, на чинных пожилых людей в шляпах и перчатках, с тростями в руках, шествующих как ни в чем не бывало мимо проституток, витрин с книгами в крикливых обложках, реклам фильмов только для взрослых и заведений со стриптизом.

Единственное, что удивило Сильвию, это множество выходцев из Азии и Океании, о чем ее никто не предупредил. Она повернула домой, мечтая принять душ и переодеться. Стюарт поселил ее на улице Мэккли, где росло больше деревьев и торговля любовью шла не так бойко. Сильвия не сразу нашла свой подъезд; неуверенно оглядываясь, она задержала взгляд на молодом человеке у витрины кондитерской. Он походил на римлянина того типа, который нравился Сильвии меньше всего, и привлек ее внимание лишь потому, что она узнала в нем Гая Полглейза, — узнала и не узнала. Сильвия хорошо помнила прелестного ребенка с шелковистой кожей и темными кудрями, похожего на пажа или юного флейтиста с картины эпохи Возрождения, поэтому не могла себе представить, какие причуды роста превратили этого ребенка в коренастого, мрачного, безвкусно одетого мужчину с сизыми отвисшими щеками. Хотя Розамонда, Гарри и Стюарт говорили ей, что Гай переменился, они ни слова не сказали о его внешности. Но сейчас, торопливо проходя мимо Гая и доставая на ходу ключи, Сильвия убедилась, что Гретин Ариэль превратился в Калибана.

Все имущество Сильвии умещалось в чемодане и в сумке через плечо. Ящик из-под чая, набитый бумагами и картами, она оставила в Лондоне у своих друзей — Ричарда и Джэнет Холиоук. Сильвия доставала из чемодана платье

и свежее белье, а перед глазами у нее стоял Гай: массивная голова склонилась к витрине, пристальный взгляд устремлен на пирожные, и она вспомнила, что даже ангелочек с черными кудрями, по имени Гай, отличался жадностью. Как над ним ни смеялись, он все равно тянулся через стол за лакомым кусочком и отвечал на насмешки радостным смехом.

Сильвия разделась, но никак не могла найти купальную шапочку; в это время зазвонил телефон. В трубке раздался уверенный ласковый голос:

— Сильвия?

— Грета, вы?

Услышав, как дрожит ее собственный голос, Сильвия вновь почувствовала, что приговорена судьбой все делать не так, как надо. И будто в подтверждение сказала:

— Я как раз собиралась принять душ.

— Может быть, позвонить попозже?

— Нет, нет, я вовсе не поэтому... сейчас вполне удобно.

— Я позвонила Стюарту на работу, и он дал мне твой телефон. Стюарт так добр к Джеку. Он вообще добрый человек. Мы все страшно рады, что ты вернулась, дорогая. Роза хочет с тобой повидаться, и Гермiona тоже. И, конечно, Гарри.

Теплый ласковый голос, такой доверчивый — у недоверчивой Греты! — как всегда, вызвал бурю в душе Сильвии. Так как Сильвия с самого начала упорно считала Грету единственной виновницей ухода отца и страданий матери, не было случая, чтобы она уступила натиску Греты, не возненавидев себя в эту самую минуту или в крайнем случае потом.

— Как папа? — сухо спросила она.

— Почему бы тебе не взглянуть самой? Я заеду за тобой, хорошо?

— Сегодня?

Разговаривая со Стюартом, она никогда не чувствовала себя такой косноязычной, такой беспомощной. Но стоило ей заговорить с Гретой...

— А почему бы нет? — удивилась Грета.

— Не могу, Грета.

— Я сказала Джеку, что привезу тебя.

Мать, Грета и еще отец? Сильвия больше не пыталась скрыть смятение: — Я просто не в силах.

— Понимаю. Хорошо; тогда, наверное, тебе стоит пойти принять душ. А как завтра?

— Завтра я хочу навестить маму.

— Ну конечно.— Грета всегда с необычайной поспешностью, почти благоговейно уступала Молли первое место.— Тогда в пятницу?

— В пятницу. Непременно.

— Приезжай часам к четырем. Я попрошу Гарри заехать после работы.

— С удовольствием повидаюсь с Гарри и Маргарет.

— Увы, Маргарет ты не увидишь. Неужели тебя никто не предупредил? Она ушла от Гарри два месяца назад и тут же добилась развода, благо сейчас в моде скоропалительные разводы.

— Маргарет добилась?

— Может быть, они оба этого хотели. Гарри не терпитя на тебя взглянуть.

Последние слова Грета произнесла тоном заговорщицы, отчего Сильвия совсем смешалась.

— Мне кажется, я видела Гая,— растерянно сказала она.

— Гая? — переспросила Грета, голос ее сразу стал другим: напряженным, встревоженным.— Ты его узнала?

— Да... какое-то сходство осталось... кажется. Правда, я не знаю... он разглядывал пирожные.— Наступила пауза.— Ручаться я не могу...

— Неважно, неважно. Я отняла у тебя слишком много времени. До пятницы. Иди принимай душ.

Сильвия положила трубку, засмеялась. Приятные новости всегда приятно слышать. Она вытряхнула из чемодана все вещи, но ее купальная шапочка, видно, осталась в Риме. Сильвия распустила пружинистые вьющиеся волосы, и голова ее оказалась точно в просторном капюшоне. Один из полиэтиленовых мешочков, в которых Стюарт принес еду, заменил ей в конце концов купальную шапочку.

Высокий колпак усиливал ее сходство с женщинами Иеронима Босха. Гарри первый это заметил. Сильвия тогда

рассердилась и заявила, что у женщин Босха выпяченные животы, а у нее — нет.

Развод Гарри обещал поставить точку в длинной истории их трудной любви. Она началась еще в детстве, а когда они подросли и поняли, что им хочется быть вместе, оказалось, что их желание неосуществимо.

Стоя под душем, Сильвия задумалась, почему Грета так заботится о ее встрече с Гарри, хотя прежде всячески стремилась их развести. Ответ, напрашивающийся сам собой, — наследство, упомянутое Стюартом, — она немедленно отвергла, не только из опасения оказаться несправедливой к Грете, но и потому, что не хотела задумываться о возможностях, которые она за многие годы приучила себя не принимать в расчет.

Сильвия уехала из Сиднея во время массовой эмиграции молодежи в пятидесятые годы. Несколько лет она путешествовала по Европе с рюкзаком, а потом вышла замуж за одного из своих спутников, Джеффри Фоли. К этому времени большинство их друзей уже устроились на работу в Лондоне. Джеффри вернулся к своей работе в рекламном агентстве, где Сильвия получила работу машинистки. Она опубликовала несколько путевых очерков и надеялась, что вскоре ей представится возможность самой составлять рекламные объявления.

Но Сильвия так и не смогла приспособиться к однообразной, строго размеренной жизни. Она предпочла изредка работать гидом и знакомить туристов с Лондоном, а в свободное время заниматься историей и изучать языки. В один прекрасный день она принесла домой пачку расписаний и объявила, что собирается в Испанию. Ее глаза блестели, щеки пылали, как в первые дни их любви. Джеффри взял отпуск и поехал с ней, но безуспешные попытки вернуться к прежней беззаботной жизни лишь сделали его угрюмым и раздражительным, а в Лондоне угрюмой и раздражительной стала Сильвия. Они словно попали в разные временные потоки. Джеффри все больше и больше привлекала домашняя жизнь. Сильвии все больше и больше хотелось бродить по свету, и ожесточенные споры с Джеффри оканчивались теперь не пылкими объятиями, как прежде, а дли-

тельным молчанием и вялыми случайными попытками восстановить мир. Джеффри помнил, какой уступчивой была влюбленная Сильвия, и, ежеминутно наталкиваясь на ее противодействие, удовлетворился самым простым объяснением.

— Ты глубоко заблуждаешься,— возмущалась Сильвия.— Я просто считаю безумием тратить жизнь на приобретение вещей, без которых вполне можно обойтись.

Джеффри не слушал ее.

— Бегать с места на место без гроша в кармане, больше тебе ничего не нужно.

— Нет! Такая жизнь несколько меня не привлекает. Но возможен компромисс. Я об этом много думала. Я знаю, что нельзя быть совершенно свободной. Но относительно свободной можно. Для этого достаточно примириться с бедностью. Конечно, я не хочу жить, как живут в Калабрии, но бедность по стандартам нашего общества меня вполне устраивает. Нужно смотреть жизни в глаза. Нужно уметь провести границу.

— Где для тебя проходит граница?

— Я не согласна жить с гнилыми зубами и пользоваться ненадежными противозачаточными средствами.

Оставаясь серьезной, Сильвия попыталась развеселить Джеффри, но он угрюмо промолчал. Кровь бросилась ей в лицо.

— Неужели я должна переделать самое себя? — крикнула она.

— Один из нас должен.

В Италию, первую европейскую страну, которую Сильвия увидела, она возвращалась из года в год. Она жила в Риме, когда Джеффри Фоли с ней развелся. Сильвия не ожидала, что ей будет так больно оборвать связывавшую их нить и лишиться постоянного пристанища — дома. Но не сделала ничего, чтобы изменить ход событий. Индустрия туризма процветала; три года Сильвия колесила по Италии, работая гидом. Потом ее вновь начали манить страны, где она не успела побывать. Еще несколько лет она бродила по свету и вновь возвращалась в Италию, но в конце концов составила некое приемлемое для себя расписание, и с тех пор ее жизнь вошла в колею. Весну и лето она проводила в Лондо-

не, где давала уроки итальянского языка и, соблюдая жесткую экономию, откладывала деньги, а в октябре или ноябре, когда туристы покидали Европу, отправлялась в очередное путешествие. Она не считала, что нашла идеальное решение, но не могла придумать ничего лучше. Иногда она путешествовала со знакомыми, иногда с возлюбленным, в последние годы все чаще одна. Сильвии было уже сильно за тридцать, и те из ее друзей, кто успел устроить свою жизнь и добиться процветания, особенно Ричард и Джэнет Холиоук, начали беспокоиться о ее судьбе. Вначале считалось, что Сильвия собирает материал для книги «Британцы путешествуют по Европе», но время шло, и хотя ящик из-под чая был уже основательно набит дневниками, картами и фотографиями, Сильвия все еще не написала ни строчки, поэтому Джэнет и Ричард посоветовали Сильвии более серьезно заняться преподаванием. К их удивлению, Сильвия ответила, что давно мечтает начать оседлую жизнь, лучше всего в Риме, где хотела бы преподавать языки и писать книги. Однако прошло еще несколько лет, и все оставалось по-прежнему: Сильвия зарабатывала на жизнь уроками, а если уроков не было, уезжала куда-нибудь с очередной группой туристов в качестве гида. Дважды она сопровождала семью американцев, однажды весной с двумя сестрами из Канады объездила Шотландию и Ирландию, где сестры искали следы своих предков.

Перед каждым путешествием Сильвия испытывала необычайный прилив душевных сил, каждое путешествие было для нее личной победой. С тех пор как путешествия вошли в распорядок ее жизни, Сильвия стала скорее любителем, чем первооткрывателем старины: она все чаще возвращалась в места, где уже бывала, все реже искала новые красоты и, чтобы не видеть, как грубые современные здания уродуют знакомый вид, зашла в конце концов так далеко, что ездила только в города, где не произошло больших перемен или где перемены не лишили город его привычного лица, как, например, в Риме. Сильвия заметила, что многие ее старые друзья живут в Лондоне по тем же законам: цепляются изо всех сил за привычные районы или за соседние, сохранившие тот же приятный колорит, и, переходя из одного

района в другой, стараются не видеть новшеств, оскорбляющих их глаза. Сильвия понимала, что привередливость ее друзей сродни ее собственной. Но привередливость сулила в будущем немало ограничений и потерь, и это огорчало Сильвию. Она пыталась смириться с переменами, время от времени ей это удавалось. Когда она оказывалась в каком-нибудь маленьком аэропорту, где, как она помнила, на небольшой асфальтированной площадке всегда гулял ветер, и вдруг попадала в тоннель из стекла и бетона, наполненный тепловатым кондиционированным воздухом, она признавалась себе, что прежняя асфальтированная площадка тоже казалась когда-то заплатой на сельском пейзаже и тоже вызывала щемящее чувство. Сильвия принуждала себя не замечать пластиковых столов и стульев в уличных кафе, и когда вместо любимого дома ее взгляд упирался в фасад небоскреба из сверкающего стекла, она старалась оценить его, сравнивая с другими небоскребами, как ей советовали знакомые архитекторы. Иногда ее старания увенчивались успехом, иногда она лицемерила.

С помощью таких уловок Сильвия ухитрялась чередовать работу и путешествия вплоть до тридцати восьми лет, когда настало более суровое время и полгода работы обеспечили ей всего три месяца свободы. Подчинившись необходимости, она вернулась в Лондон, где ее ждало письмо из Канады. Одна из сестер, которых она возила по Шотландии и Ирландии, умерла и оставила ей восемь тысяч канадских долларов «в знак благодарности за самое радостное путешествие в жизни».

Вначале Сильвию непонятно почему охватил страх. Обменный курс был не в ее пользу, и она восприняла это почти как утешение, но к тому времени, когда пришли деньги, курс изменился и ее отношение к ним тоже. Она поняла, что получила не так много денег: их едва хватало на то, чтобы побывать в Австралии и устроиться в Риме.

Холиоуки уверяли Сильвию, что Риму пришел конец, что жить там могут только сумасшедшие. Сильвия, как всегда, выслушала их необычайно внимательно и сказала, что поедет в Рим на несколько месяцев, непременно все обдумает, а из Рима полетит в Австралию. Когда Сильвия наконец

рассталась с рюкзаком, купила приличный чемодан и сумку через плечо, Холиоуки успокоились. Естественно, они сказали, что с удовольствием позаботятся о сохранности ее ящика из-под чая.

В Риме лето уже сменило весну. Сильвия смотрела на неухоженные пыльные газоны в парках и, чтобы не соблазнять scippatori*, оставляла сумочку дома, а деньги носила в карманах. Дважды, случайно завернув за угол, она видела, как дымилась только что брошенная зажигательная бомба.

И все равно, когда она бродила по улицам, стояла, смотрела и слушала, она чувствовала, что ее привязанность к Риму не ослабела. Хозяин какого-то магазинчика попросил Сильвию позаниматься английским языком с двумя своими сыновьями, и Сильвия подумала, что это хороший знак: очевидно, в будущем она могла надеяться на такую же работу, сулившую ей возможность делиться с учениками богатствами своего родного языка. До сих пор, отдавая половину года путешествиям, Сильвия обрекала себя на работу с теми, кто нуждался лишь в самых поверхностных знаниях. Любопытные мальчики продержали ее в Риме до половины сентября. Когда ей показалось, что переговоры о квартире на Яникуле подходят к концу, она решила отложить поездку в Австралию, но дело сорвалось, тогда она купила билет на самолет и в тот же день позвонила Стюарту.

В самолете Сильвия заснула, и ей приснились два воющих призрака, отец и мать: один огромного роста, широкоплечий, медлительный, другая в переливчатом платье, тщедушная, капризная, с пронзительным голосом.

Сильвия проснулась подавленная и разбитая, это ощущение прошло только после посадки, когда она вышла из багажного отделения и в первом ряду встречающих увидела Стюарта. Стюарт не заметил ее, он был поглощен созерцанием гречанки, стоявшей перед Сильвией. Это было так похоже на Стюарта, что Сильвия рассмеялась, и у нее стало легче на душе.

Сильвия приучила себя не рассчитывать на комфорт, поэтому квартира, выбранная Стюартом, показалась ей подарком судьбы. Но на душ она все-таки рассчитывала, так как

* уличные вору на мотоциклах (итал.).

душ в Австралии необходим. Повернув сначала теплый, потом холодный кран, Сильвия подставила шею под струю воды и, уже вытершись, все еще чувствовала, как прохлада, точно облако, окутывает ее тело. Премахи, совершенные в этот день, уже не казались ей непоправимыми. Приезд и смятение неразделимы, говорила она себе.

Дожидаясь, пока Сильвия возьмет трубку, Стюарт развязывал галстук, потом бодро заговорил:

— Сил, я звоню насчет платы за квартиру, как обещал, так вот, за два месяца я заплатил, это тебе подарок по случаю возвращения.

— Ну зачем, Стюарт. Поговорим потом. Я совсем засыпаю.

— Ничего, садись в такси, приезжай ко мне и давай вместе пообедаем.

— Я уже пообедала.

— Тогда все равно приезжай и давай вместе выпьем.

— По-моему, ты уже выпил.

— Да? — спросил Стюарт самого себя. — Ну разве что совсем немного, — сказал он в трубку. Стюарт зевнул и растегнул рубашку. — Приезжай, приезжай, посмотришь мою квартиру. Неплохая квартира. С видом на гавань. Городские огни. Море огней.

— В другой раз.

— Тогда поторопись. У меня, кажется, нашелся покупатель.

— Ты поэтому так часто меняешь квартиры?

— Ну да. Я вроде тебя. Бродяга. Бродяга по экономическим соображениям. Нахожу подходящего покупателя, продаю с прибылью, ищу следующего. Ладно, Сильвия, как насчет выпивки?

— Тебя кто-нибудь надул?

— Вот это пронительность! Ну да, моя девчонка. Не просто надула, послала к черту. Честно говоря, правильно сделала. Все уже давно перегорело. Я, знаешь, такой: вечно тяну из вежливости.

— Я звонила Грете, — сказала Сильвия, — собираюсь к ней в пятницу. И еще я видела на улице Гая.

— Гай — подонок. На старух кидается. Доводит их до слез. Им это вроде нравится. Не связывайся с ним, Сил.

— Я еще не старуха, так что мне нечего бояться.

— Я не про это. Ты знаешь, что не про это...

— Стюарт, я верну тебе деньги за квартиру. Мне приятнее заплатить самой. Хорошо? А сейчас я пойду спать.

— Хорошо, только послушай, Сил, я позвонил тебе, если говорить правду, я позвонил тебе... это очень важно... завтра, когда поедешь к маме, захвати бутылку шампанского, полусухого, ей будет приятно. Отпразднуете твое возвращение, никого больше не будет, только ты и она. Купи в баре на углу, чтобы не тащить издалека. Плачу я, только ты ей не говори. Ну да, ни в коем случае, ложись спать. Вид из окна подождет.— Стюарт оглянулся через плечо.— Когда здесь живешь, так привыкаешь, что уже не обращаешь внимания.

3

Сильвия спала долго, но проснулась в тревоге, попыталась сделать одно, другое — все валилось из рук. Тогда, надеясь развеяться, она решила дойти до Уин-ярда пешком через парк и поднялась на крышу дома, чтобы вспомнить дорогу.

На крыше на нее набросился ветер. В юности, когда она была помешана на нарядах, сиднейские ветры отравляли ей жизнь: задирали нижние юбки, ворошили старательно уложенные волосы. Но хотя малейшая погрешность в туалете приводила Сильвию в отчаяние, ее сумочки говорили о другой, не менее сильной страсти: в них всегда лежала голубенькая книжка из серии «Пеликан» или оранжевая из серии «Пингвин», что-нибудь по истории или стихи.

Сильвия стояла на крыше здания, построенного на отвесной скале, нависавшей над Вуллумулу, но из всей карты города, которую она два десятилетия хранила в памяти, из всей этой почти английской сетки улиц с вкраплениями свободной земли и оазисами воды, она видела только Вуллумулу

и зеленый склон парка за ним. Вуллумулу теснился в низине, с двух сторон к нему подступали Потс Пойнт, где на крыше дома стояла сейчас Сильвия, и зеленый склон Домейна, другого парка, протянувшегося, словно распрямившийся палец сжатого зеленого кулака, до самой гавани. Позади зеленого кулака и вытянутого пальца высились городские небоскребы, а над некоторыми из них еще и строительные краны. Расстояние сближало здания друг с другом, но первых этажей небоскребов, вокруг которых Сильвия мысленно расстилала знакомую карту, она не видела.

Начало дороги Сильвия узнала без труда. Ступени лестницы Макэльхоун оказались точь-в-точь такими, какими Сильвия их запомнила, они вели со скалы Потс Пойнт вниз к Вуллумулу. Когда Сильвия решила забыть о модах и ввести жестокую экономию, чтобы скопить денег для поездки за границу, она ежедневно ходила по этим ступеням вверх и вниз, так как работала официанткой в одном из ночных городских клубов. Поднимаясь или спускаясь по лестнице Макэльхоун, Сильвия обычно не сводила глаз со своих ног в веревочных сандалиях на резиновой подошве (пять шиллингов пара) и считала ступени.

Лестница Макэльхоун выходила на Коупер Уоф Роуд, эта улица совсем не изменилась. Она все так же извивалась между судоремонтными заводами и пивными. Сильвия пробежала ее взглядом и увидела на крутом травянистом склоне ступеньки, ведущие в Домейн. Склон прорезала новая скоростная магистраль железной дороги, ступеньки приводили на один из двух высоких откосов, ограждавших магистраль. Поднявшись по ступенькам, она окажется между наружным и внутренним кольцом парка Домейн, и тогда ей останется только выбрать дорогу через Ботанический сад, а этот отрезок пути она прекрасно помнила.

Но Сильвия не торопилась уходить. Удерживало ее на крыше прежде всего недоумение: она не могла понять, почему привычность открывшихся видов окутывала их точно пеленой, не позволявшей воспринимать ничего, кроме живописных красот. Воспоминания тоже как пелена обволакивали ее, не проникая в душу. Сильвия стояла у восточного парапета и как зачарованная смотрела на залив, отгороженный от

океана высокими причудливыми скалами — знаменитыми Сиднейскими головами. С крыши дома, где она стояла, две головы сливались в одну — Южная голова заслоняла Северную, — и Сильвия видела только треугольник темно-синей воды, более темной, чем в заливе. Тихий океан. Эта темно-синяя вода когда-то уже вселила в нее решимость. Эта вода неотступно стояла у нее перед глазами, когда незнакомые руки бросали монеты ей на поднос. Бесстрастно, будто все это происходило с кем-то другим, Сильвия вспоминала мужские руки, деньги на мокром подносе и блеск синей воды, простиравшейся до горизонта, манившей вдаль.

Стивен Файф бежал по внутреннему кольцу Домейна, под черно-зелеными фиговыми деревьями. На нем были белые шорты, розовая майка и голубая головная повязка, связанная Гермией. Стивен бежал легко, ритмично. Пробегая по мосту, перекинутому над скоростной магистралью, он увидел внизу, в заливе Вуллумулу, торговое китайское судно, окрашенное в черный и желтый цвета. Пятеро низкорослых мужчин в серо-голубых костюмах поднимались по ступеням к Домейну, еще несколько человек в таких же костюмах расходились с причала в разные стороны и исчезали из виду на улицах Вуллумулу.

Спускаясь по лестнице Макэльхоун, Сильвия встретила группу китайцев. За эти годы ступени из песчаника истерлись, кое-где растрескались. Сильвия сосчитала их — сто тринадцать.

Стивен, с прямой спиной, с высоко поднятой головой, поднялся по склону первого холма и побежал по гребню. Немного впереди он увидел Теда Китчинга в черных шортах и ярко-красной майке. Тед бежал согнувшись, опустив голову и загребая руками, будто из последних сил укачивал непомерно большого ребенка.

Добежав до статуи Генри Лоусона, Тед скрылся за ней.
— Эй, — крикнул Стивен, вновь увидев его.

Тед обернулся и что-то прокричал в ответ, но Стивен не разрешал себе останавливаться, поэтому он только помахал рукой в знак приветствия и побежал дальше. Слухи о компаниях Теда распространялись все шире, газетные заметки

в разделе финансов становились все длиннее. Утром, передавая Стивену «Геральд», Гермiona сказала: «Что бы там Розни говорила, Теду скоро придется всерьез призадуматься».

Сильвия поднималась по лестнице в Домейн. Наверху о чем-то совещались пять китайских моряков. Преодолев тридцать пять ступенек, Сильвия остановилась передохнуть, она взглянула вниз на железнодорожные пути и вспомнила непритязательный зеленый холм, изуродованный этой новой магистралью. Но сейчас она чувствовала себя совсем не так, как неделю назад, в Италии. В Италии инстинкт самосохранения не позволял ей относиться неодобрительно к тому, что она видела, и ее глазам не мешала пелена, эта прозрачная, но неодолимая преграда между ней и тем, на что она смотрела.

Стивен свернул с дорожки в сторону, так как не хотел мешать мальчишкам-аборигенам, гонявшим красный футбольный мяч. Невдалеке от мальчишек стоял междугородный туристский автобус. По широким ступеням Стивен сбегал вниз к воде и оказался на тропинке, огибавшей бухту Фарм Коув. На парапете сидели, болтая ногами, пять девочек. Когда Стивен пробежал мимо, одна из них соскочила на землю и побежала за ним; она так смешно копировала его движения, что остальные от хохота попадали с парапета. Стивен улыбнулся их бурному веселью, но тут же сурово сжал губы.

Одолев лестницу, Сильвия остановилась. Она посмотрела на часы и поняла, что у нее не хватит времени пройти в Ботанический сад через нижние ворота. Как раз в эту минуту через нижние ворота пробежал в Ботанический сад Стивен. Сильвия пересекла дорогу и вошла в Ботанический сад через восточные ворота. Немного раньше в сад вошли пять китайских моряков, они сбились в кучку и разглядывали фонтан.

Опустив глаза в землю, нахмутив в раздумье брови, Тед Китчинг расстался с памятником Генри Лоусону и, упрямо переставляя ноги, двинулся дальше. Он добежал до мальчишек-аборигенов, но ему и в голову не пришло, что нехорошо мешать их игре. Мальчишки прочли надпись на ярко-красной майке Теда и, расступаясь перед ним, громко засмеялись. Тед не удостоил их взглядом. По широким ступеням он сбегал вниз и пробежал мимо девочек на парапете. Та же ху-

денькая девчушка спрыгнула с парашюта и побежала за ним. За спиной Теда раздался смех, но поглощенный своими мыслями он его не услышал.

Стивен бежал между парашютом и клумбами, разбитыми вдоль беговой дорожки. На клумбах в окружении ноготков, иберийки, душистых левкоев и примул рос кустарник, привлекавший множество птиц. «Тед, конечно, ловкач,— сказала Гермiona, забирая газету,— может быть, он и выкрутится».

Сильвия вступила в царство цветов, по одну сторону дорожки росли глицинии, по другую — высокие азалии. Все цветы уже распустились, все источали аромат. Прежде, когда она проводила здесь в одиночестве целые дни, спасаясь от тягот образования (за которым наперегонки следили и в доме отца, и в доме матери, что, казалось, должно было удвоить ее рвение), Ботанический сад был со всех сторон окружен парком Домейн, так что природный ландшафт почти не оставлял места для специально разбитых дорожек и клумб и красоту его нарушала нить одной-единственной дороги, но хотя сейчас дорога уступила место глубокому ущелью, где проходила скоростная магистраль, Ботанический сад поражал Сильвию (уже много месяцев жившую только в городе) своей почти зловещей тишиной. Она слышала, как по-разному гудят пчелы, слышала свои легкие шаги и легкие шаги пяти китайцев, идущих впереди. Китайцы снова остановились, наверное, о чем-то советовались, и, проходя мимо них, Сильвия увидела, какие они молодые, какая у них странная кожа, будто светящаяся изнутри, и как блестят, почти сверкают их черные волосы *en brosse**.

Стивен сделал полный круг около Фарм Коув и побежал по склону, то удаляясь, то приближаясь к решетке, окружавшей резиденцию генерал-губернатора. Взглянув налево, Стивен увидел среди бегунов мужчину в ярко-красной майке, нелепо махавшего руками, и узнал Теда. Тед срезал путь: лавируя среди клумб, садовых скамеек, людей, сидевших на земле, он бежал по траве напрямик к главному входу, где обычно кончал тренировку. Стивен побежал за ним.

Сильвия посидела немного в пальмовой роще, где когда-

* подстриженные бобриком (франц.).

то, замороженная царившей здесь тишиной и полумраком, она решила уехать из Австралии. Сначала эта мысль — *я могу уехать* — мелькнула случайно, но потом вернулась и завладела ее сознанием. Сильвию внезапно охватила лихорадка. Она нашла работу, сняла комнату и начала откладывать деньги. Пятеро китайцев ускорили шаг, свернули за угол и прошли мимо нее. Сильвия рассталась с роцей и пошла за ними. Тогда она хотела только одного: уехать. Первые признаки италомании появились в Генуе. Рим лишил ее дара речи. Она только качала головой. Ей казалось, что она вот-вот заплачет. Ее поразили не столько зримые напластования исторических эпох — об этом она читала, — сколько то, как живут римляне рядом со своими сокровищами, как прозаически к ним относятся: любовники прячутся в тени древних стен, мальчишки вылавливают футбольный мяч из фонтана Бернини, — об этом она даже не читала.

Сильвия шла за китайцами по широкой тропе, протоптанной вдоль магистрали по другую сторону ограды. Перед китайцами медленно брел человек в ярко-красной майке и черных шортах. Высокий мужчина в розовой майке обогнал ее, китайцев, остановился рядом с мужчиной в ярко-красной майке и похлопал его по плечу. На голове у него была голубая повязка, что машинально отметила Сильвия, разглядывая его из-за спины пятерых китайцев. Когда он встал боком, Сильвия увидела, что у него тонкий красивый профиль. Недалеко от главного входа Сильвия внезапно сошла с тропы и обернулась, она посмотрела на травянистые склоны, на высокие пышные деревья с освещенными кронами и затененными внизу стволами, на маленькие полянки, густо заросшие цветами, на ветви пальм, взметнувшиеся над кустарником будто специально для того, чтобы отбрасывать назад прытких зайчиков, посланных сверкающей водой. Сильвии хотелось удивить самое себя, но то ли яркость красок слишком напоминала цветные открытки, то ли пелена была слишком плотной, открывшийся вид не тронул ее. Она помнила, что часами лежала здесь на траве, иногда задавленная безразличием, иногда горя желанием взбунтоваться, но эти воспоминания тоже оставили ее равнодушной. Сильвия посмотрела на часы, вернулась в испуге на широкую

тропу и прибавила шаг. Пятеро китайцев выходили из ворот.

— ...в печенках у меня сидит,— сказал Тед.

— Еще бы,— мрачно согласился Стивен.

— Выкручиваться я, как известно, умею.

Сильвия услышала этот разговор, когда торопливо проходила мимо двух мужчин, и поймала на лету еще несколько сочувственных слов мужчины повыше:

— Искренне надеюсь, что рано или поздно выкрутишься.

Но Тед посмотрел вслед Сильвии и нахмурился. Стивену пришлось снова сказать:

— Надеюсь, Тед, что выкрутишься.

— Откуда-то я знаю эту женщину.

— Найдешь выход из положения.

— А-а. Ну да. Ты об этом. Ну да. Думаю, уже нашел.— Тед остановился, уперся руками в бока и подмигнул Стивену.— Думаю, справлюсь.

Сейчас, когда они стояли лицом друг к другу, Стивен увидел надпись на майке Теда: «Я влип». У Стивена чуть отвисла нижняя губа, он не сводил глаз с надписи. Тед снова подмигнул и скроил идиотскую рожу.

— Думаю, уже нашел! — воскликнул он.

— Тем лучше для тебя,— сказал Стивен.

Они подошли к главному входу. Тед скреб себя пятерней. Розамонда часто ругала Теда за эту привычку, но стоило Теду встретиться со Стивеном, как он нарочно начинал почесываться, чтобы все видели, какой он неотесанный чурбан.

Сильвия вышла из парка, постояла у фонтана, повернувшись спиной к взлетающим струям, и бросила взгляд через железнодорожное полотно, вынырнувшее здесь из ущелья, на низкое, щедро украшенное колоннами здание публичной библиотеки, где она отсиживалась, когда дождь прогонял ее из Ботанического сада. В этой библиотеке Гарри увидел газетные сообщения о разводе ее родителей, и там же она когда-то прочла, что счастливая жизнь дается только тому, кто родился в прославленном городе. Пятеро китайцев поднимались по ступенькам библиотеки. Сильвия отвернулась и, улыбаясь, пошла к переходу через улицу.

Стивен и Тед вышли из ворот. Тед подбежал к чаше фонтана и подставил голову под струю воды.

— Верный способ заболеть,— сухо заметил Стивен, когда Тед его догнал.

Тед сопел и вытирал лицо рукой.

— Видишь вон ту женщину у светофора? Одни кости. Волосы дыбом. Она нас обогнала. Это дочь нашего Грозного Командира.

— Сильвия? Правда?

— Она самая. Мы с Рози видели ее последний раз, когда были в Европе.

— Мы с Гермионой надеемся снова поехать, когда дети...

— Знаешь, что про нее сказал муж? Она сама рассказала. «Без лишних выпуклостей,— сказал он.— Удобно складывать, легко паковать». Мне она не очень нравится, Рози тоже.

Загорелся зеленый свет, Сильвия перешла на другую сторону.

— По-моему, она собралась в Уарунгу,— сказал Стивен.

— Ничего подобного. В Бервуд, к мамочке. Сама доложила вчера Грете. Рози звонила Грете вечером. Она беспокоится о Грете.

— Гермиона тоже беспокоится.

Тед и Стивен стояли у светофора и смотрели, как Сильвия идет вниз по Бент-стрит.

— Отца она не торопитя повидать,— сказал Стивен.

— Конечно, зачем подчеркивать, сам понимаешь.

— Ты считаешь...

— А что удивительного? В этом мире если сам о себе не позаботишься...

Едва исчезли из виду почерневшие крыши-близнецы железнодорожных мастерских, как за окнами поезда открылась знакомая картина: хаотическое скопление разномастных домишек, убегавших к самому горизонту, где они наталкивались на островки стоявших плечом к плечу величественных башен элеваторов. Бары по-прежнему красовались на тех же углах, шпили церквушек были по-прежнему не выше телевизионных антенн, и всюду, где заросшие сорняками насыпи не закрывали вид из окна, Сильвия по-прежнему ви-

дела разноцветные надписи: Хуперы покупают и продают... Специальные фильтры... Бюро похоронных принадлежностей... Вернемся к газовым плитам... Известь и цемент... Кока-кола продлевает жизнь...

Сильвия сидела, скрестив ноги, слегка наклонив голову, и напряженно ждала. Новые жилые кварталы здесь совсем не походили на кварталы старых полуразрушенных домов, окружавшие большие итальянские города. На забетонированных площадках стояли трехэтажные коробки из красного или желтоватого кирпича, опрятные, добродетельные и убогие. Сильвии стало трудно дышать. Пелена исчезла. Когда поезд подошел к Бервуду, она торопливо заглянула в сумочку, проверяя, хватит ли у нее денег купить шампанское, как советовал Стюарт.

У Кейта Бертеншоу был младший партнер, Дэвид Соул. Это позволяло ему делать часть работы дома, потому он разговаривал с Гретой, сидя в кабинете с окнами в сад, меньше чем в полумиле от дома Корноков.

— Я думал об этом, Грета,— сказал он.— И прежде всего хочу сказать вам, как мне неприятно, что я не сумел его отговорить, не сумел предотвратить того, что произошло.

Грета заштриховывала очередной кубик.

— Так как я не знаю, что произошло...

— Конечно, и мне особенно неприятно, что я не в силах одолеть его упрямство, но вы не остались без гроша, поймите. Это мне, по крайней мере, удалось. Ваша доля весьма ощутима. Я только хочу убедить его не отменять сейчас своего решения. И одновременно я, конечно, очень боюсь, как бы он не сказал, как бы не дал понять, что такое решение его вполне устраивает. Вот чем я озабочен. Я хочу снова попросить вас, Грета, любым способом попытаться его уговорить. Вы можете это сделать.

— Не могу.

— Чепуха. Подумайте о себе.

— Я думаю. Берегу силы.

— Скажите, Грета, дочь Джека в самом деле вернулась?

Грета снова взяла ручку.

— Вчера. Завтра будет у нас.

— Время она выбрала весьма удачно, ничего не скажешь.
— Если все вокруг заражены денежной лихорадкой, почему она должна оказаться невосприимчивой к этой болезни?

— Я бы очень хотел, чтобы вы тоже подхватили эту болезнь.

— Я уже переболела в свое время, как вы помните.

— Нет, Грета, не помню. Кто этот тип, которого мы использовали в качестве свидетеля?

— Он приходил оценивать ковры.

— Неужели дело дошло до ковров?

— Он не сказал ничего определенного. Как Марджори?

На лице Кейта появилась самая мрачная из его усмешек.

— По-моему, прекрасно.

Окончив разговор, Грета положила трубку, вернулась в сад, села в кресло и вновь принялась за работу. Она распарывала шерстяную юбку. Немного погодя она прошептала что-то о Риме, а потом громко, как во время обычного разговора, сказала:

— Каждый раз, когда я вспоминаю о Европе, я вспоминаю кровь.

В саду все стихло, потом снова послышался шепот Греты. Она говорила, что в одном Гарри прав: желание приобрести дом — это заразная болезнь.

Из-за угла появился Сидди, он не удивился, услышав голос Греты, и Грету не смутило, что он ее услышал. Она спокойно смотрела, как он идет по траве. Когда Сидди заговорил, у него во рту запрыгала незажженная сигарета.

— Он сказал, в «Геральде» не хватает страниц.

— Часть газеты с финансовым обзором на кухонном столе, — покорно ответила Грета.

Сидди направился к дому, но Грета окликнула его, а когда он подошел, не могла вспомнить, что ей нужно. Ее глаза блуждали, наконец она сказала, будто наугад:

— Сидди, наши качели...

— Что случилось с качелями?

Грета отложила юбку и пошла вместе с Сидди к детским качелям, подвешенным на фиговом дереве. Она приподняла край сиденья и показала Сидди веревку.

- Видите, как истерлась?
- Продержится еще лет сто.
- Нет. Качели надо снять или привести в порядок.
- Хорошо, — покорно согласился Сидди, — снять или привести в порядок?
- Дети приходят так редко. Лучше снять.
- Снимем.
- Хотя Эмма качалась, когда они приходили в последний раз...

Сидди картинным жестом отлепил окурочек с нижней губы. Посмотрел на него и сунул назад в рот.

- Имоджин подрастает, но ее пока одну не оставишь...
- Привязать новую веревку ничего не стоит.
- Лучше привязать, правда? Пригодится на будущее.

Грета вернулась в кресло и снова взялась за юбку, ее лицо разгладилось. Крошечные ножницы стежок за стежком вспарывали шов, упорно продвигаясь вперед. На земле вокруг кресла валялись обрывки ниток. Минут через пять вновь послышался шепот:

— Мы всегда говорили: «Дерево Гая», «Ветка Гая...»

— Он стоял насмерть, хотел назвать тебя Брендой, — говорила Молли. — Но я твердила свое: Сильвия. Подлей себе, Сил.

- Лучше тебе, мама.
- Нет, тебе.
- Тогда совсем капельку. Теперь тебе.

Шампанское помогло. Молли протянула бокал, как ребенок, прося налить еще, Сильвия почувствовала, что в ней пробуждаются дочерние чувства. Молли не причисляла себя к тем, кому пора в монастырь. На ней было пестрое нейлоновое платье, слишком узкое, слишком короткое, с непомерным вырезом, открывавшим морщинистую шею и грудь с бороздкой посередине, похожую на разрезанную пополам черствую булку. На дряблых вытянутых мочках висели бриллиантовые серьги, на плече красовалась такая же брошь. Губная помада, розовая, а не красная, запомнившаяся Сильвии, уцелела только по краям ее большого рта с опустившимися уголками. Остальная налипла полумесяцами по

краям полного бокала, который Молли разглядывала на свет. Дом Молли принадлежал к строениям, которые Стюарт называл «проклятие Сиднея»; они представляли собой кирпичные коробки, где по фасаду одна из двух комнат выступала вперед, а к передней стене другой комнаты примыкала небольшая веранда под черепичной крышей. Во времена Джека Корнока вдоль задней стены дома была пристроена широкая удобная веранда, здесь, на веранде, Молли и Сильвия сидели в плетеных пластиковых креслах и смотрели на лужайку и ступеньки, где однажды Джек Корнок чуть не упал на глаза у Сильвии.

— Твое здоровье, Сил.

— Твое здоровье, мама.

Большие растрескавшиеся губы Молли осторожно и жадно потянулись к бокалу. Молли отпила глоток, похвалила шампанское и откинулась на спинку стула.

— Видела, сколько у нас магазинов появилось? Можно совсем не ездить в город, если не хочешь.

— Не представляю, как это ты не едешь в город.

— Да уж, я ли не любила съездить в город и пройтись по магазинам! — Молли на мгновение задумалась. — Ну да ладно, это все ерунда. Я так жалею, Сил, что не отвечала на твои чудесные письма.

— Не жалею. Я знаю, что ты терпеть не можешь писать письма.

— Я всегда приберегала их для Стюарта. А он писал?

— Стюарт? Прости, — сказала Сильвия, сообразив, что ошиблась. — Нет, не писал.

— А она?

— Грета писала за них обоих.

— Если бы он сам писал, тогда другое дело. Я могу только языком болтать. Но он-то умеет писать.

У Сильвии хватило самообладания выдержать внезапно наступившую паузу. А Молли спохватилась:

— Да что же это я говорю! Можно подумать, что я вообще не умею писать.

— Действительно, — улыбнулась Сильвия.

Но способность краснеть Сильвия унаследовала от матери, и, подтвердив свое родство, они покраснели обе.

— Правая рука меня мучает, вот что.— Молли взяла бокал в левую руку, протянула Сильвии правую, согнула и разогнула пальцы. Только что она без труда держала за ножку тонкий бокал, а сейчас ее кисть будто свела судорога.— Видишь? — воинственно спросила Молли.— Видишь?

Сильвия что-то пробормотала в знак сочувствия. Подозрение, что Молли не умеет ни читать, ни писать, по-видимому, давно гнездились у нее в сознании. Иначе уверенность не возникла бы так внезапно. А как быстро отыскались в памяти подтверждения этой догадки, как отчетливо она вспомнила: «Ну-ка, дорогая, прочти, что написано на этикетке,— говорила Молли.— Мне не хочется надевать очки». Или: «Мне некогда писать твоей учительнице. Пусть напишет отец». Если Джека Корнока не было дома, Молли заявляла: «Пусть Стюарт напишет, а я подпишу». А какое это было важное дело — поставить подпись, оно требовало от Молли массу усилий: сначала она вытирала руки, потом усаживалась, потом укладывала бумагу под определенным углом. В голове у Сильвии роились тысячи невероятных предположений, но она продолжала с должным сочувствием смотреть, как Молли сжимает и разжимает кулак, хотя чувствовала беспокойный взгляд матери на своем лице.

— Это артрит, мама?

Молли взглянула на свою руку.

— Никто не знает. Самые лучшие врачи не знают. Сколько уже лет у меня такие руки, с чего они станут лучше, если мне семьдесят три. Ты не замерзла, Сил?

— Нет, мама.

— Скажи, если замерзнешь.

— А ты?

— Немножко замерзла.

— Пойдем тогда в дом.

— Хорошо, пойдем. Бутылку мы с тобой все-таки допили. Захвати ее с собой. Ладно? — сказала Молли и ни с того ни с сего высокомерно добавила: — Если тебе это, конечно, не трудно.

Сильвия взяла бокалы, бутылку и пошла за матерью. Джек Корнок хвастался, что оставил Молли дом, хотя причиной развода была ее неверность и по закону он мог не

оставлять ничего. Оправдываясь перед судом, Молли заявила, что они с мужем договорились не мешать друг другу заводить романы, но Джек нарушил слово, потому что потерял голову из-за какой-то «мерзкой молоденькой блондиночки». Стюарт всегда утверждал, что суд поверил Молли. Сильвия тоже верила матери. Но Джека не интересовало, поверил ей суд или нет, он нанял сыщиков, они влезли в окно, застали Молли в кровати с женщиной и уличили ее в супружеской неверности, а Молли ничего не смогла доказать, она была признана виновной и наказана по всей строгости закона. Какие варварские времена, подумала Сильвия, идя в столовую вслед за матерью. Лишившись мужа, Молли устроила у себя в доме пансион, и в одной из комнат, когда Молли было уже за пятьдесят, поселился Кен Фиддис, вдовец со взрослыми детьми.

Хотя Молли осталась худощавой и стройной, она двигалась с трудом, широко расставляя ноги со вздутыми венами. В углу столовой стоял телевизор. Проходя мимо, Молли повернула ручку, на экране появилось изображение без звука.

— Отнеси бутылку и бокалы на кухню, Сил. И включи газ под чайником, хорошо? Воду я налила, но ты все-таки проверь.

Когда Сильвия вернулась из кухни, на экране телевизора мелькала беззвучная реклама корма для кошек. На столе лежала салфетка. Молли приподняла ее за два угла и сняла.

— Как в старые времена, Сил.

Обычная мягкая полуулыбка помогла Сильвии скрыть испуг. Такое угощение неизменно ожидало ее у матери в первые два года жизни на два дома: пирог с изюмом, круглые пирожные с вязким кремом и возвышавшийся над ними глазированный шоколадный торт. Обычно, пока Сильвия ела, Молли расспрашивала дочь с безразличием, никак не вязавшимся с ее настойчивостью. Он по-прежнему всегда ходит в шляпе? А она? В какой? Какого цвета? Водит он ее в кино? В театр? Ездят они куда-нибудь на машине по воскресеньям? Какой у них холодильник? Пылесос? Гостер? Каждый вопрос представлялся Молли существенным, каждый ответ заслуживал внимания, каждое слово Сильвии было

для нее новой желанной раной. Сильвия, раздавленная жалостью к матери, всячески пыталась избегать прямых ответов, но однажды кусок застрял у нее в горле в прямом смысле слова, пот выступил на лбу, и она выскочила из-за стола. Молли не пришло в голову, что это случилось из-за ее пирожных или ее допроса. Она решила, что Сильвия съела что-то нехорошее в другом доме. А может быть, виной всему танцы? Какое право имели они заставлять Сильвию заниматься балетом, когда она записала ее в хор. Ничего, она знает, как отстоять свои права. Она попросит поверенного написать письмо.

Сильвия так и не узнала, почему года через три Молли допрашивала ее уже без прежней настойчивости, а иногда вообще ни о чем не спрашивала. Ей казалось, что мать просто устала. Молли больше не накрывала на стол к приходу дочери, встречала ее в заношенном платье и с раздражением говорила: «Ах, это ты. Поешь что-нибудь, если хочешь».

Только к образованию Сильвии Молли относилась все так же пылко. Она хотела, чтобы у ее дочери образование было самым лучшим, то есть самым дорогим, и так как Джек Корнок купался в золоте, Молли просто не понимала, почему бы этим не воспользоваться. Ее поверенный посылал письмо за письмом, Джек Корнок бросался в контратаку, Грета действовала исподтишка и старалась сохранить мир. Сильвия прекрасно понимала, что сражение ведется не из-за нее, и когда начиналась перестрелка, сжималась в комок в надежде остаться незамеченной. Но кто-нибудь, обычно Молли, всегда добирался до нее, она неизменно оказывалась в центре внимания, у нее над головой произносили громовые речи, и так продолжалось, пока она не стала достаточно взрослой, чтобы избавиться от парализовавшей ее жалости, ускользнуть с поля боя и тем самым лишить враждующие стороны повода для столкновений.

— Скажу тебе откровенно, теперь у меня покупные пирожные, — сказала Молли. — Сколько часов провела я когда-то у плиты! Господи, ты просто пожирала этот стол глазами, когда приходила домой оттуда. Кен зайдет с минуты на минуту, но он не любит пить чай так поздно, может, начнем? Чайник уже вскипел.

— Я принесу.

— Хорошо. Я сейчас достану молоко. Как это ты догадалась захватить шампанское, Сил,— говорила Молли, стоя у холодильника.— Большущее тебе спасибо. У меня, правда, тоже есть.— Молли достала бутылку из холодильника и, засовывая ее поглубже в буфет, быстро взглянула на Сильвию.— Не говори Кену, Сил.

Набегавшись по магазинам, Молли обычно уходила в спальню, где примеряла новое платье или новую шляпку и, не спуская глаз со своего отражения в зеркале, шептала маленькой дочери, глядевшей на нее с нескрываемым восхищением: «Не говори отцу, родная. Я сама скажу ему позже».

За столом, выпив чаю, они почувствовали, что последние всплески воодушевления, вызванные шампанским, улетучились и между ними снова нарастает отчуждение. Паузы в разговоре с матерью всегда казались Сильвии невыносимыми, невыносимыми и неизбежными. Сильвия почувствовала, что должна заговорить о том доме.

— Я еще не была в Уарунге.

Молли не оживилась, но откликнулась мгновенно:

— А я думала, вчера, наверное, съездила.

— Нет. Рано легла. Сегодня тоже лягу пораньше. Поеду завтра.

— Стюарт говорит, она приуныла. А он все такой же красавчик. И одевается хорошо, как прежде. Одеваться-то он всегда любил. Да, все на нем должно было быть с иголочки. Я сама такая была. Да-да! Хоть ты, может, и не помнишь.

— Прекрасно помню,— сказала Сильвия.

— Никогда не забуду, сколько народа собиралось на большие заезды, как мы с ним приходили, как на нас поглядывали. Он всегда выигрывал. Всегда! Везучий был, а уж когда везет, так везет. Тебе налить?

— Нет, мама, спасибо.

— Чайник еще полный.

— Правда не хочу.

— Да, нюх у него был.— Молли дотянулась до телевизора, включила звук.— Вот опять эта парочка.

Сильвия забыла про телевизор. Она обернулась и увидела девушку в постели на высоких подушках. У нее было очень

грустное лицо. По комнате шел молодой человек, тоже с грустным лицом. У девушки по щекам текли слезы. Мужчина склонился к ее рукам. «Я отдал бы все на свете...» — проговорил он.

Молли подняла плечи и фыркнула: — Ни копейки не отдал бы, сыночек!

Сильвия понимала, что обижаться на Молли бессмысленно, но обида оказалась сильнее доводов рассудка. Она тихонько составила на поднос чайную посуду и унесла на кухню.

— Оставь все как есть, — сказала Молли, не отрываясь от телевизора.

Сильвия вымыла посуду и уже убирала на место последнюю чашку, когда Молли вошла в кухню.

— Ребенок погиб при родах, — спокойно сообщила Молли. — А где был этот красавчик, пока она мучилась? Кутил напропалую. Я же сказала, Сил, чтобы ты не возилась с посудой.

— Заварку по-прежнему выбрасываешь в сад?

Молли бросила тревожный взгляд на дочь и на этот раз заговорила с неестественным воодушевлением:

— Этот сериал я смотрю. Сегодня было не особенно интересно, но обычно показывают все, как в жизни. Правда, Сильвия, незачем тебе возиться. Дай мне чайник.

Сильвия надеялась, что ей удалось не только скрыть обиду, но и прогнать ее, и вдруг с удивлением поняла, что угрюмо препирается с матерью из-за чайника. Молли в конце концов сдалась:

— Ну хорошо, будь по-твоему. В сад, только на папоротник.

Сильвия взяла чайник и снова почувствовала себя беспомощной, лишенной всех преимуществ зрелого возраста. Выйдя на веранду, она увидела на верхней ступеньке пожилого мужчину. Несмотря на корявые шишковатые руки и ноги, он двигался легко и быстро. На нем были шорты и тесная розовая футболка, облегавшая небольшой упругий живот, похожий на половинку мяча для игры в регби. Из парусиновых туфель выглядывали сползшие носки. Мужчина протянул Сильвии руку.

— Сильвия? Я — Кен. Рад вас видеть, Сильвия.— Кен взглянул на чайник.— Чего это вы тут с чайником, Сильвия?

— Хочу выплеснуть на папоротник.

— Кто это вас надоумил?

— Никто.

— Дайте-ка сюда,— сказал Кен и взял чайник из рук Сильвии.

Сильвия вернулась в дом вслед за ним. Кен Фиддис был плотником и, хотя ему уже исполнилось семьдесят два, все еще продолжал работать.

— Эй! — крикнул он.— Эй!

Молли стояла в столовой.

— Возьми,— сказал Кен.

Он протянул Молли чайник, но тут же отдернул руку и оглядел жену с нарочитым изумлением.

— С чего это ты так вырядилась?

Молли испуганно, но не без кокетства одернула платье.

— Ах, Кен, этому платью уже тысяча лет.

— Снова на скачки, да? Как в доброе старое время, да? Побрякушки и все прочее.— Но внезапно Кен приблизился к Молли и впился в нее глазами.— Фу! — с отвращением воскликнул он.— Почисть лучше сережки! Фу! Какая гадость!

Сильвия молча стояла в дверях, она понимала, что Кен разыгрывает этот спектакль не для нее, а для каких-то невидимых, но, наверное, постоянных зрителей.

Молли схватилась за мочку уха:

— Сережки чистые!

— Нет, грязные! На каждой стекляшке по краям грязь. Мне-то что, пусть твоя дочь полюбуется, какая ты грязнуля, если тебе так хочется. Я целый день работал как вол, а сейчас хочу принять душ. Вот чайник, возьми и выплесни куда положено.

— Значит, на папоротник,— сказала Молли.— И оставь в покое мои сережки.

— Да я пальцем к ним не прикоснусь. К дерьму такому. А папоротник уже напился чаю, хватит.

Молли изо всех сил старалась говорить свысока:

— Папоротник, между прочим, мой.

— Вот что, я не собираюсь препираться с тобой из-за всякой ерунды. Возьми-ка чайник и перестань кудахтать. Я работал целый день как вол. Барри и все остальные придут к чаю.

— Наглец! — Кен вышел, сунув Молли чайник, Молли, беря чайник, выронила только что снятую сережку.— Лишь бы настоять на своем.

Сильвия подняла сережку, отдала Молли и взяла у нее чайник. Выливая остатки чая в кухонную раковину, она говорила себе, что ее мать не случайно во второй раз тоже вышла замуж за дрессировщика, только первый дрессировщик Молли поменял ее на животное с куда более крутым нравом, и она этому рада, да, рада.

Молли недовольно ворчала: — Не такие уж они грязные. Немножко пудры. Немножко лосьона. И сказать такую гадость...

— Кто это Барри, мама?

— Старший сын Кена.

— Я пойду, мама, надену жакет.

— Сказала я тебе, что прохладно.

— Да нет. Я собираюсь домой.

Молли по-прежнему складывала пальто и жакеты гостей на свою кровать. Сильвия взяла с туалетного столика вставленную в рамочку фотографию и увидела девочку, стоящую на краю узкой бревенчатой террасы. На девочке было платье с заниженной талией, туфли с ремешками вокруг щиколоток и шляпа-колпак. Она стояла в позе голливудской звезды, склонив голову набок, и гордо, с нескрываемым вызовом смотрела прямо в объектив. Фон был смазан, девочку, казалось, окутывал белесый туман, застилавший все вокруг, кроме нескольких досок, на которых она стояла, и Сильвия никогда бы не догадалась, что это пол террасы, не вспомни она подлинную фотографию, где была видна вся эта кое-как сбитая обветшавшая терраса. В одном из углов наискосок по белесому туману кто-то написал черными чернилами: «Девчонка не промах».

Двадцать пять лет назад Сильвию пугало сходство с этой девочкой, и даже сейчас она не без робости поставила фотографию юной Молли на место. Маленькая карточка

Брюса в военной форме обтрепалась по краям, а большая Стюарта была так отретуширована, что его лицо казалось слепком из мыла. Ее фотографии не было. Но Сильвия уже научилась не обижаться и не позволила себе огорчиться.

Молли все еще стояла на кухне: — Подожди немного, Сил, я выйду с тобой.

На небольшой веранде, крытой черепицей, они пожали друг другу руки.

— Ну вот, Сильвия, очень было приятно.

— Да, мама. Спасибо.

Молли не умела прощаться коротко. Она сложила руки на груди и пошла к калитке.

— Я даже не говорю тебе, приходи еще.

— Я позвоню перед тем, как прийти. До свидания, мама.

— Подожди.— Молли осторожно оглянулась и понизила голос: — Правильно сделала, что вернулась. Родная плоть и кровь. Почему все должно достаться ей?

— Мама, я уже сказала тебе,— с трудом сохраняя спокойствие, проговорила Сильвия.— Я не знала, что он болен.

— Ну и что, теперь знаешь, верно? — решительно обрвала ее Молли.

Сильвия улыбнулась, закрыла маленькую калитку и, помавав рукой, быстро пошла вперед.

Сильвия свернула за угол; проходя под деревьями мимо церкви, она положила руку на грудь, задержала дыхание и с громким нарочитым «фу-у!» выдохнула. Она так боялась оказаться в лапах тоски, что не решилась произнести больше ни звука. Скользя по поверхности, Сильвия надеялась отодвинуть встречу с тоской до тех пор, пока наберется сил. Она знала, что ее изнеможение связано не только с перелетом через несколько часовых поясов, это чувство было слишком хорошо знакомо ей по прежним посещениям матери. Сильвии только казалось, что она идет на станцию, на самом деле она мчалась стремглав. Спустившись в тошнотворно грязный туннель, она добежала по втиснутой под его своды лестнице до нежных эвкалиптовых листьев, которые все еще раскачивались у входа и когда-то так часто ей говорили: «Успокойся!»

Кен вышел из душа, его редкие волосы лоснились от воды, на нем были шорты с отутюженной складкой и рубашка с короткими рукавами и открытым воротом. Эта одежда вместе с коричневыми сандалиями на ремнях, какие обычно носят дети, делала его похожим на воспитанника закрытого учебного заведения, где ставят отметки за чистоту и аккуратность.

— Она ушла?

— А ты что думал? — ворчливо спросила Молли.

— Ну конечно, это она из-за меня ушла, — добродушно усмехнулся Кен. — Во всем всегда виноват старик Кен. А мне, между прочим, показалось, что она очень милая спокойная женщина. Я-то думал, что увижу этакую отщепенку в грязном платье. Чем сегодня кормим нашу ораву?

— Жарю мясо, сам видишь.

— Слава богу, переделась, а то напялила платье в обтяжку, вот-вот лопнет. Пива хочешь?

— Переделась, потому что замерзла. У меня, между прочим, есть шампанское.

— У-у-у, — промычал Кен, изображая глубокое почтение.

Он взял банку пива и пошел в столовую, Молли тоже достала из холодильника банку пива, сняла с полки стакан и пошла за ним. Кен сел в кресло перед телевизором, на экране появилось лицо ведущего.

— А вот и Ян, — сказал Кен. — Привет, Ян.

Молли села рядом.

— Знал бы ты, как я расстроена, — сказала она.

— Не говори про это, дорогая. Тебе же будет лучше. Эй, посмотри, нет, ты только посмотри, какой у Яна сегодня галстук.

— Когда она, маленькая, приходила сюда из их дома, а потом уходила, я бросалась на кровать и редела в голос, каждый раз редела.

— Только сейчас не реви.

Молли глотнула пива, откинулась и выпрямила плечи.

— Я уже выплакала все свои слезы.

— Давай послушаем Яна, а?

— Я запретила себе плакать, запретила. Ее уносило от меня дальше и дальше каждую неделю, что я ни делала, как

ни старалась, все было напрасно. Будто отлив уносил ее, а я, бессильная, сидела на берегу, кричи не кричи — нет ответа.

— Лучше выпей, дорогая.

— Это все ее штучки.

— Может, дашь Яну вставить хоть словечко?

— Сильвия-то была не виновата.

— Ты только что сказала, что виновата.

— Я сказала: «Ее штучки».

— Ну да,— вспомнил Кен.— А теперь давай послушаем Яна, ладно? Наша орава скоро ввалится.

— Никакая она не отщепенка,— сказал Стюарт.— С чего ты взяла?

— Я не имела в виду ничего обидного,— возразила Гермiona.— Скорее наоборот. На этой улице, да?

— Да. Как тебе нравится?

— Не очень.

Когда они переходили пустынную улицу, Стюарт, опасаясь машин, взял Гермionу под руку и зорко взглянул сначала направо, потом налево.

— Сколько лет Стивену?

Гермиона улыбнулась: — А тебе, Стюарт?

— Мне сорок семь. Я помню тебя школьницей.— Стюарт поднялся на крыльцо.— Входи, Гермiona, если не передумала.

Гермиона вслед за Стюартом вошла в холл, она стояла и рассматривала стены и потолок, поворачивая голову во все стороны. Стюарт подошел сзади и опустил руки ей на плечи. Гермiona выскользнула из его рук и сказала, что холл довольно большой.

— Только слишком темный.

— Другие обои сделают его светлее. Здесь столовая,— сказал Стюарт, открывая дверь,— а там, за двойными дверями, гостиная.

— Понятно,— взволнованно проговорила Гермiona. Пройшла по комнате и сказала: — Да, эта часть дома очень хороша.

— А мебель плоха?

— Я вижу, что это дорогая мебель, и все-таки она нехороша, да, нехороша. Но мебель, конечно, можно заменить.

— Конечно, Гермиона, мебель можно заменить. Ход в кухню отсюда.

— Покажи остальное.

Они снова пересекли холл.

— Здесь может быть все что угодно: кабинет, комната для гостей. Ванная и туалет за той дверью. Хочешь посмотреть второй этаж?

Но Гермиона уже прошла через холл и направилась к лестнице.

— Большая спальня здесь? — спросила Гермиона. — О, великолепно. Нужно только убрать все эти пуфики. А как другие спальни?

— Просто спальни.

— Там что-нибудь не так?

— С чего бы я стал это скрывать? Такие же старомодные спальни с пуфами и прочей ерундой.

— Ты сердишься?

— Нисколько.

Гермиона села на край кровати и улыбнулась: — Нет, сердишься.

— По-моему, это пустой разговор.

— Ты сказал, что помнишь меня школьницей, а что, собственно, ты помнишь?

— Да, ничего. Я знал тебя совсем маленькой. Ты была прелестным ребенком, такие ласковые темноволосые девочки встречаются в итальянских семьях.

— В этом и было мое несчастье,— с горечью сказала Гермиона.

— Что? Ну ладно, подожди минутку. Когда ты подросла, я часто видел тебя на автобусных остановках или еще где-нибудь — у Эриксонов, например,— и говорил себе: «Из нее вырастет хваткая женщина, она своего добьется».

Гермиона подняла брови и в полном недоумении тихо переспросила:

— Хваткая?

— Подожди минутку...

— Это я — хваткая? Когда уже столько лет...

— Подожди. Вот почему я так удивился, когда ты ввязалась во все эти дела: протесты против атомной бомбы, против войны во Вьетнаме, выступления в защиту аборигенов, неимущих. Потом появился Стивен, и дел этих стало еще больше. Я думал, ну что ж, она вновь превращается в милого маленького ребенка.

Гермиона встала, выдвинула ящик комода, с шумом задвинула.

— Так и было на самом деле,— сказала она.

— Возможно, так и было на самом деле. Но потом — только не думай, Гермиона, что я не знаю, о чем ты тоскуешь,— потом ты поняла, что... «сыны века догадливее сынов света»*... Когда я прочел эту фразу, я подумал: а ведь верно, черт побери. Для детей света нет надежды.

— Библия производит такое сильное впечатление,— растерянно проговорила Гермиона,— потому что там в каждом слове есть тайный смысл.

— Прочти я эту фразу в вечерней газете, она тоже произвела бы на меня впечатление.

— А если нет тайного смысла, в другом месте будет сказано что-нибудь прямо противоположное.

— Дети света оказываются глупцами по сравнению с остальными детьми своего поколения. То есть сейчас. То есть в тот единственный отрезок времени, какой меня интересует, потому что другого у меня нет. Да-да, я знаю, Гермиона, что у тебя трое малышей, и притом замечательных малышей. Не порви ты с детьми света, я не сказал бы ни слова. Но ты порвала, сама, я тут ни при чем. Я оставался наблюдателем. Ты перешла на нашу сторону.

— У меня есть еще муж.

— Мужья в состоянии сами позаботиться о себе. Я не верю, что ты забыла тот вечер у Эриксонов, я помню и ты помнишь.

— Мне вспоминается какой-то вечер у них на кухне: были Роза, Сильвия и Кейт, ты пришел с Питером Эриксоном и с его братом. Пришел пьяный.

— Под конец вы втроем тоже были хороши.

Гермиона побродила по комнате, открыла шкаф.

* Новый завет, Лука 16,8.

— Глупые дети, вот кто мы были.

— Розы и Сильвия уже не были детьми. А тебе исполнилось пятнадцать.

— Шкаф здесь очень на месте. Можно все-таки посмотреть другие спальни?

— Можно. Пойдем.

— Так я и знала,— сказала Гермиона в третьей спальне.— Вечно они экономят на мелочах.

— В тот вечер у Эриксонов ты сидела на краю кухонного стола. Мини-юбки тогда еще не вошли в моду...

— Как я радовалась, когда они снова вышли из моды. При моем росте лучше не носить мини-юбок.

— Дело не в росте. Мини-юбки не идут к твоему лицу богини.

— Да? — Гермиона с улыбкой обернулась к Стюарту.— Не знаю, радоваться мне или огорчаться.

— Не стоит огорчаться из-за того, что у тебя лицо богини, Гермиона. А в тот вечер, в тот вечер мы с братом Питера немножко расшалились, он вышвырнул меня из кресла — вижу, ты прекрасно все помнишь,— я пролетел через всю кухню, ткнулся головой тебе под юбку, и в кухне воцарилась гробовая тишина.

— Я не...

— Ты тоже молчала.

— Я не помню, молчала я или нет,— медленно проговорила Гермиона.— Может быть, и молчала от потрясения. Мне было всего пятнадцать лет.

— Можешь не сомневаться, в мои двадцать семь я тоже был потрясен.

— Тебе не следовало этого говорить. О таких вещах не говорят.

— Ты нервничаешь.

— Да. Мне страшно.

— Вполне естественно. Если мы ляжем в постель, ты избавишься от страха.

Гермиона с бесстрастным лицом отвернулась и пошла к двери. Стюарт вскочил и схватил ее за руку.

— Вот что, Гермиона, не вздумай выскакивать на улицу с таким лицом.— Стюарт говорил холодно и сухо.— Здесь

есть соседи. У меня хорошая деловая репутация, и я намерен ее сохранить.

— Можешь не беспокоиться,— так же сухо ответила Гермiona.

— Я говорил с тобой вполне серьезно, хотя вовсе не собирался затевать этот разговор. Не знаю, был ли я в кого-нибудь влюблен, но если был, то в тебя.

Гермиона смотрела на дверь.

— И... что ж, бороться так бороться, я хочу открыть тебе еще одну тайну, хочешь верь, хочешь нет. Я богаче, чем обо мне думают. В пятидесятые годы я заполучил несколько хороших земельных участков. Один из них на пару с братом Питера Эриксона, поэтому я оказался у них на кухне в тот вечер. Перепродажа участков поставила меня на ноги, а из дела я вышел до того, как эту лавочку прикрыли. Я не выставляю свои деньги напоказ. Положение немножко странное. Но я не могу жить иначе. Что мне нужно кроме того, что у меня есть? Яхта? А где я возьму время плавать на яхте? Я подкидываю немного денег маме, но совсем немного, иначе она рассорится с Кеном. Если отец ничего не оставит Сильвии,— я, впрочем, думаю, что оставит,— я хотел бы помочь ей устроиться, хотя она, кажется, уже устроила свою жизнь. По-моему, она постоянно держит себя в узде, живет слишком трудно, но ей нравится так жить, не знаю, захочет ли она что-то менять. Все сейчас гадают, что будет с отцовскими деньгами, это вполне естественно, но я богаче отца. Знай отец, сколько у меня денег, он бы наконец зауважал меня или попытался убить.

Гермиона подняла брови и сказала, по-прежнему глядя на дверь:

— Зачем ты мне все это сообщаем?

— Я подумал, может, поразмыслишь на досуге. Если что-нибудь решишь, дай знать. А пока, Гермiona, принимая во внимание, что у тебя трое маленьких детей, я советую тебе и Стивену поискать дом на северном побережье.

Открывая окна у себя в квартире, Сильвия увидела в небольшом парке через улицу пятерых китайских моряков, которых уже видела в Ботаническом саду.

В шесть часов Сильвия позвонила Стюарту.

— А, привет, Сил. Как ты нашла маму?

— По-моему, вполне ничего.

— Еще бы! Послушай, можно я позвоню попозже?

— Не стоит, Стюарт. Я на минутку. Скажи, мама умеет читать и писать?

— Не клади трубку. Я сейчас,— спокойно сказал Стюарт. Через минуту Сильвия снова услышала его голос: — Я подошел к другому телефону. У меня тут один человек, он интересуется квартирой. Нет, Сил, мама не умеет ни читать, ни писать.

— Как ты об этом узнал?

— Заметил.

— Когда?

— Не могу тебе сказать, давно. Я был еще совсем маленьким. Я помогал ей хранить эту тайну. Прошу тебя, ни в коем случае не показывай вида, что ты догадалась. Она боится этого больше всего на свете.

— Кого я не могу понять, так это отца. Он должен был знать. Но я помню, как он говорил по телефону из Уарунги...

— Он не знал...

— Прожил с ней больше двадцати лет и даже не заметил, что...

Стюарт потерял терпение.

— Да. Не заметил. Не могу сейчас больше, Сил.

— Прости. Я не знала, что ты работаешь по вечерам.

— Я работаю в любое время. А сегодня потратил впустую почти всю вторую половину дня,— сказал Стюарт и положил трубку.

Стивен и Гермиона сидели у себя на кухне и пили вермут, пока в кастрюле что-то доваривалось.

Мимо прошел поезд, другой промчался ему навстречу. Гермиона закрыла глаза и прижала руку ко лбу. Потом произнесла еле слышно: — Я была в Доувер Хайтс.

— Как дом, что-нибудь подходящее? — спросил Стивен.

— Разумеется, ничего подходящего, не дом, а сплошной идиотизм.

— Ты знаешь, где, я считаю, надо искать.

— На северном побережье. Можешь повторить еще раз. На северном побережье. У меня уже голова разламывается от всех этих дурацких разговоров про северное побережье, поэтому все, давай искать дом на северном побережье.

— Вот это дельная мысль. Поедем вместе. В эту субботу мы приглашены к Коллисонам. Значит, в следующую.

— Договорились. В субботу на следующей неделе.

— Я встретил сегодня Теда в Ботаническом саду.

— Он тебе ничего не сказал про...

— Прямо — нет. Занятный он все-таки тип, этот Тед.— Стивен рассмеялся.— Он никогда не внушал мне ни малейшего уважения, но сегодня я просто не удержался от смеха. На нем была ярко-красная майка, а...

4

На следующее утро, едва открыв глаза, Сильвия поняла, что ее вполне устраивает вид из окна: кроны деревьев, небо, круглая белая башня небоскреба. Сегодня она должна навестить отца, сегодня она наверняка поговорит с Гретой, сегодня, может быть, увидит Гарри. Отодвинув усилием воли страх перед первой встречей, стараясь не думать, какой осторожности потребует вторая и как мало надежд на третью, она лежала, смотрела на небо, расчесывала пальцами волосы и размышляла о деньгах. Мэри Йейтс, хозяйка ее квартиры, уехала на три месяца в Индию, и так как Мэри обычно не сдавала квартиру и сделала это только ради Стюарта, Сильвию никто не заставлял оставаться в Сиднее все три месяца. Сократив на месяц свое пребывание в Австралии, она сэкономила бы некоторую сумму для устройства в Риме. С необычной настойчивостью ее мысли вновь и вновь возвращались к этим дополнительным деньгам; встав с кровати, она написала цифру на каком-то конверте и обвела ее кружком.

С утра Сильвия взялась за письма. Кроме нескольких коротеньких записочек ей нужно было написать длинное письмо Ричарду и Джэнет Холиоук. Ричард был австралий-

цем, поэтому Сильвия чувствовала себя обязанной рассказать ему о своих впечатлениях. Но оказалось, что она не в состоянии это сделать. Ее письмо получилось не только коротким, но удручающе бессодержательным, и, искупая вину, она пообещала написать вскоре более вразумительно. Сильвия отнесла письма на почту, купила газету и зашла в парк Рашкаттер Бей. Она села на скамейку, равнодушно заглянула в газету, но скоро отложила ее и также равнодушно принялась разглядывать маленькую узкогорлую бухточку. Потом перевела взгляд на небо. Прозрачность воздуха действительно изумляла, Сильвия, сама не зная почему, вздохнула. Когда она работала в ночном клубе, этот парк был ближайшим местом, где она могла подышать свежим воздухом и погреться на солнце. Иногда она приносила подстилку и под шепот едва заметных волн спала на траве, читала или высчитывала, сколько еще ей надо проработать, чтобы накопить достаточно денег. Однажды, когда ее разыскал здесь Гарри, они обменялись несколькими нетерпеливыми поцелуями и пошли к ней домой. В тот раз на их пути оказалось совсем уж смехотворное препятствие. В дверях ее комнаты стоял хозяин, а на полу под раковиной лежал водопроводчик; он что-то чинил и обсуждал с хозяином достоинства автомашины «холден». Когда они с Гарри наконец остались вдвоем, Сильвии пора было идти на работу. Она не хотела отказываться от субботней выручки, и Гарри заявил, что скупость — это на всю жизнь. Неделю спустя ее корабль отплыл из Сиднея.

Открывая дверь квартиры, Сильвия услышала звонок телефона.

— Сильвия? Это Рози.

— Рози! — Сильвия улыбнулась и села на край дивана. Ей всегда нравилась Розамонда.

— Тед видел тебя вчера, — сказала Розамонда.

— Правда? Где?

— В Ботаническом саду. Он там бегаёт. На нем была ярко-красная майка, ты прошла совсем близко от него.

— Так это был Тед? Я видела его только со спины.

Но Розамонда притворилась обиженной:

— Ты его оскорбила. С ним рядом стоял Стивен. Муж

Мин. Ты оскорбила наших мужей.

— Как Гермiona?

— Прекрасно. Раздражительна. Неугомонна, как сто чертей. Что ты собираешься делать?

— Сегодня или вообще?

— Твои сегодняшние планы я знаю. Мама сказала мне. А вообще?

— Пробуду здесь два месяца, а потом хочу обосноваться в Риме.

— Навсегда?

Сильвия заколебалась: — Да-а.

— Я, конечно, страшно люблю Рим,— вежливо сказала Розамонда.— Только из-за этих старых зданий там очень пыльно. Скажи, Сильвия, ты не хотела бы прийти ко мне в субботу? На ланч? Я позову Мин. Стивен тоже придет. Они с Мин редко выходят порознь, не то что мы с Тедом. Гарри я тоже позову. Он, правда, не придет. А Тед как раз сейчас продает яхту, он, наверное, будет в гавани. Так как, придешь?

— Спасибо, с удовольствием. А почему Гарри не придет? — спросила Сильвия.

— Скажет, что у него слишком много работы, на самом деле не хочет встречаться с Тедом. Не могу сказать, что они сражаются друг с другом, как Тед и Стивен, стоит им только заговорить. Нет, Гарри просто сторонится Теда, избегает его. Все началось, когда премьер-министром стал Фрейзер*. Слышала ты об этом?

— Только после того, как все свершилось. Я тогда была в Испании.

— Счастливая. Какие стычки! Какие страсти! Газетные заголовки! Неприятности с желудком! Мама сказала, что ты встретила Гая на улице, не понимаю, как ты его узнала! Это был ангел, а не ребенок, а потом вдруг откуда-то взялись насупленные брови, огромный синий подбородок и куча волос.

— Юность. Когда наступает юность, злые феи показывают коготки. Как Метью и Дом?

— Настолько поглощены собой, что выглядят дурачками.

* Малькольм Фрейзер — премьер-министр Австралии в 1972—1983 гг.

Может, они и правда дурачки. У тебя из окон виден залив?

— Нет.

— Какой восхитительный контейнеровоз подплывает — «Штольд». Окрашен великолепно! Сильвия, ты уже знаешь, Стюарт, наверное, сказал тебе, как папа обращается с мамой, я имею в виду деньги?

— Да, Роза, Стюарт сказал мне.

— Это, несомненно, проявление болезни, но мама оказалась в таком тяжелом положении, я считаю, что это ужасно, а ты, Сильвия?

— Конечно, Роза.

— Гарри с удовольствием помог бы ей, и мы с Тедом тоже. Только мама, по-моему, не намерена принимать нашу помощь. Не могу сказать, что у Теда сейчас все благополучно, ты, наверное, слышала про его неприятности, но деньги у него, конечно, все равно есть. Гарри и Стюарт пробовали поговорить с папой, но добились только одного: он на них взглянул. Все мы теперь довольствуемся его взглядом. Я не обижаюсь, потому что он очень болен. Но тебя, Сильвия, не было так долго, для него ты — ангел. Может быть, тебе удастся его уговорить.

— Ох, если бы это зависело от меня...

— Ох, не сдавайся раньше времени. Может быть, случайно зайдет разговор о деньгах.

На диване рядом с Сильвией лежала газета. Чтобы немного отвлечься, она взяла ее в руки.

— Посмотрим, что говорят звезды.

— Я всегда заглядываю в гороскоп, вот уж не думала, что ты тоже.

— Нашла. Водолей. «Украшайте свое жилище, покупайте духи и предметы искусства. В особо торжественных случаях, отправляясь на пикник, надевайте что-нибудь розовое или сиреневое».

— По-моему, не очень вразумительно, — сказала Розамонда, — хотя ты можешь надеть розовую шляпку. Интересно, что у меня? Рыбы. Я маленькая рыбка.

— Рыбы. «День неблагоприятен...

— Вот видишь! — воскликнула Розамонда.

— ... но вечером воспользуйтесь удобной минутой и обсу-

дите возникшие трудности с вашими близкими».

— Ну не удивительно ли! Пусть болтают, что хотят, в гороскопах что-то есть.

Сильвия доехала на автобусе до угла улицы Дэвида Джоунса и пошла на станцию пешком.

Вчера ее поезд уходил с третьего пути. Сегодня она ждала поезда на четвертом, то есть на другой стороне той же платформы. Когда Сильвия впервые приехала в Лондон и ее спросили, как живут люди в «бесклассовом» австралийском обществе, она не знала, что ответить. Она вспоминала своды уин-ярдского туннеля, выходящего на платформу, куда люди попадали, карабкаясь все вместе по широким ступеням, но потом делились на две группы и вставали спиной друг к другу: побогаче, ехавшие на запад,— лицом к третьему пути; те, кто на север,— лицом к четвертому. И в каждой группе находился кто-нибудь, кто стоял прежде на другой стороне.

Сильвия сидела на втором этаже электрички и, проезжая по мосту, видела сквозь прутья ограды главную часть залива, где покачивался на волнах огромный, как здание, контейнеровоз «Штольд», о котором говорила Розамонда. Увидев колокольню знакомой церквушки, казавшуюся совсем крохотной из-за стремительно надвигавшегося северного конца моста, Сильвия всем телом ощутила, что переезд закончен, что она уже на северном побережье.

Стюарт называл северное побережье «безусловно хорошим местом второго сорта», потому что с финансовой точки зрения лучшим местом оставались берега залива и холмы восточного побережья. В послевоенные годы разбогатевшие авантюристы бесстрашно покупали недвижимость на восточном побережье и побаивались северного, потому что тамошние домовладельцы, называя это место хорошим, имели в виду прежде всего его благопристойность, недаром о северном побережье говорили, что «там хорошо растить детей». Северное побережье считалось благопристойным местом отчасти из-за недоступности северо-восточным ветрам. Неутомимые влажные ветры с юга продували северное побережье насквозь, не щадили его и досаждавшие всем жаркие ветры

с запада, но чувственным, пропитанным запахом моря северо-восточным ветрам путь сюда был заказан, летними ночами они буйствовали только на восточном побережье, поэтому дети обитателей северного побережья не бродили ночью по пляжам и не уезжали неизвестно куда, втиснувшись целой оравой в одну машину. Возможно, именно это соображение, пусть даже неосознанное, стояло за словами «на северном побережье хорошо растить детей», и если некоторые из только что разбогатевших авантюристов все-таки проникали сюда, это случалось обычно по инициативе жен, которым хотелось, чтобы их дети отличались от них самих, ради чего они селились в этом «хорошем месте», заранее зная, что сами они вряд ли найдут здесь друзей, но их дети, по всей видимости, найдут. Сильвия не сомневалась, что Грета именно поэтому купила дом в Уарунге. В шестидесятые годы Джэнет Холиоук приезжала в Австралию и жила некоторое время в Пимбле у родителей Ричарда, она написала Сильвии, что разочарована северным побережьем, так как увидела, как она выразилась, «всего лишь довольно симпатичные пригороды, населенные людьми среднего достатка», но Ричард приписал несколько слов к ее письму и объяснил, что Джэнет просто не сумела оценить таинственное очарование северного побережья, которое, кстати, несколько померкло из-за того, что «распущенные надменные богатые дети шестидесятых годов» появились здесь тоже.

Сильвия не замечала вокруг больших перемен. Стайки мальчиков и девочек садились в поезд, другие выходили, воздух звенел от их голосов, строгая школьная форма только подчеркивала их цветущий вид, их юность. Добираясь как-то днем с улицы Кросс в Уарунгу, Сильвия увидела в такой же стае Гермиону и впервые заметила, как не вяжется с современностью редкий теперь библейский тип ее красоты.

Несколько мальчиков и девочек тоже сошли в Уарунге и зашагали перед Сильвией по Орландо Роуд. Проехала машина, на обочине стоял автофургон, доставлявший сюда продукты, мужчина шел за газонокосилкой. Если «распущенные надменные богатые дети шестидесятых годов» и раздражали кого-то в те давние времена, они не оставили

следов своих деяний, доступных случайному взгляду, оставив зато неизменной главную особенность этих мест: здесь вообще мало что было доступно случайному взгляду.

Последний школьник исчез в воротах своего дома, Сильвия осталась одна на этих улицах, куда обычно добирались не пешком, а на машинах. Ее обогнал автомобиль, потом еще два, потом три, и перед ней вдруг возникло почти символическое видение, преследовавшее ее последние двадцать лет: когда бы она ни закрыла глаза, когда бы ни произнесла название этого места, она видела, как по тихим улицам бредет одинокий ребенок, одинокая девочка, а мимо нее с громким шуршанием проносятся машины.

Однажды, лет в двенадцать, она возвращалась из Бервуда, лил дождь, врывался с ветром под зонтик. Наклонив голову, она брела по лужам, пронесившиеся мимо машины окатывали ее водой, до дома она добралась грязная и промокшая до нитки. «Ты встретила Гермиону на станции,— сердито крикнул отец в лицо Грете,— почему ты не встретила Сильвию?» Грета кротко ответила, что Сильвия не сказала ей, с каким поездом приедет. Сильвия снимала мокрые туфли, жалобно сопела, но не произнесла ни слова в защиту Греты, хотя уезжала от Молли, когда уже шел сильный дождь. Она годами играла роль Яго; теперь, вспоминая об этом, Сильвия заливалась краской, только обида служила ей извинением.

Сильвия уже видела дом пятьдесят два. Открылась дверь, на крыльцо вышла Грета с каким-то мужчиной. Грета заметила Сильвию и помахала ей. Мужчина вышел из ворот, ловко отлепил сигарету с нижней губы и улыбнулся. Сильвию обдало запахом табака и немытого тела.

— Это Сидди,— сказала Грета.— Он беспокоится за свой сад, а здесь сегодня соберется столько...— Грета ласково пожимала руку Сильвии.— Ты совсем не изменилась.

Волосы Греты стали пепельно-серыми, в беспокойных голубых глазах сквозили усталость и напряжение. Улыбка едва скрывала искаженные черты другой маски, из комедии дель арте. Сильвия напомнила себе, что ни в коем случае не должна поддаваться на уговоры Розамонды.

— Я с удовольствием прошлась пешком от поезда,— сказала она.— Сады выглядят так мило.

Спасительная маленькая ложь казалась Сильвии подтверждением одержанной над собой победы. Она почувствовала, что нашла нужные слова, что промахи, совершенные за последние два дня, можно исправить.

— Холл стал больше,— удивилась Сильвия.— Говорят, когда возвращаешься, комнаты кажутся меньше. А здесь разве не было ковров?

— В чистке,— сказала Грета.— Джек спит. Может быть, выпьешь сначала чашку чая?

— С удовольствием сначала что-нибудь выпью.

— Идем в кухню. Надеюсь, ты не против кухни? Джеку очень хочется тебя увидеть.

Сильвия шла за Гретой и чувствовала, как в ней растет страх.

— Он так сказал? То есть дал понять...

— Не мне — Сидди. Хочу сразу же тебя предупредить: ко мне он не обращается. Только если никого другого нет рядом, но ему это так неприятно, что я прошу Сидди оставаться на ночь.

Они пришли на кухню, где Грета когда-то готовила роскошные яства для дней рождения. Грета налила воду в чайник.

— Роза он тоже не признает,— сказала Сильвия.— Она говорила мне. Значит, это не связано с его личным...

— Очень надеюсь, что связано,— спокойно, холодно проговорила Грета.— Хоть на это еще надеюсь.

Сильвию снова кольнул страх. Как и накануне, во время разговора с матерью, чтобы сохранить самообладание, ей нужно было ускользнуть от настоящего.

— Я вспомнила наши дни рождения,— бодро проговорила она.

— Это было хорошее время, Сильвия.

Для Сильвии это было такое тяжелое время, что она смутилась.

— А сад кажется меньше!

— Потому что деревья стали больше.

— Сад прекрасен! — искренне воскликнула Сильвия.

Грета тоже подошла к окну.

— Мое розовое дерево лучше всего выглядело неделю назад.— Грета говорила с заинтересованностью и трезвостью знатока.— Цветы уже потеряли первую свежесть, правда, крона стала аккуратнее. Фиговое дерево слишком большое и жадное, придется его убрать.

— Дерево Гая.

— Да. Я все откладываю, мне не хочется с ним расставаться из-за качелей. Да, из-за сада я останусь здесь. Если смогу.

Услышав Гретино «если смогу», Сильвия испугалась, что за чаем Грета попросит ее поговорить с отцом. Но когда они сели друг против друга, Грета взяла в руку полную чашку и, глядя в сторону, сказала, будто размышляя вслух:

— Да, я тоже собиралась отправиться куда-нибудь, поехать в Европу — все же ездят. Но каждый раз, когда я думаю о Европе, я вспоминаю кровь. В тот год, когда я родилась, мой отец погиб на войне во Франции. На той, давней войне, когда кровь лили в грязь. Я помню, кто-то сказал: «Он отдал кровь за свою страну».

— Он, наверное, сказал «отдал жизнь»? — переспросила Сильвия.

— Нет, кровь. Всегда кровь... а стихи в наших учебниках... «Кроваво-красные останки рухнувшего мира. Кроваво-красные, кроваво-красные поля. О красный дождь, не ты ль вспоил хлеба. Не ты ли красным запятнал снега».

— Необычайно сильный цветовой контраст,— тут же откликнулась Сильвия.

Грета взглянула на нее, помолчала и одарила широкой вымученной улыбкой.

Маска Греты снова немного сдвинулась, но на этот раз Грета не погрузилась в раздумье, она болтала без умолку и не спускала с Сильвии глаз с затаенной мольбой:

— Сегодня придет Гай. Я больше не в силах его выносить. Я говорю не о финансовой стороне, хотя денежные расчеты неизбежно примешиваются ко всем нашим делам, ты согласна? Я хочу сказать, что Гай стал чем-то вроде балласта.

Сильвии казалось, что где-то внутри Греты притаилась другая женщина и она так жаждет вырваться на волю,

что Грета вынуждена хотя бы дать понять о ее существовании.

— Чем-то вроде балласта на судне? — неохотно спросила Сильвия.

— Да. Да. Самое трудное, что я до сих пор узнаю в Гае своего ребенка! А трое других... Эти взрослые люди часто кажутся мне совершенно чужими.

Гермиону Сильвия знала только девочкой, но за Гарри и, пожалуй, Розамонду все-таки обиделась.

— В этом доме, Сильвия, всем живется нелегко. За исключением Сидди, от него требуется лишь покорность. Как поживает твоя мать?

— Очень хорошо, — сдержанно ответила Сильвия.

Грета допила чай, поставила чашку и улыбнулась.

— С твоим отцом часто бывает трудно. Самое лучшее — разговаривать с ним ласково, несмотря ни на что. Он нуждается в ласке, только не в моей.

— Мне кажется, и так понятно... — Сильвия с раздражением услышала в своем голосе обиду и высокомерие, напомнившие ей Молли, но не могла остановиться, — мне кажется, и так понятно, что я буду с ним ласкова.

— Конечно, — вежливо ответила Грета.

— Мне кажется...

— Выслушай меня. Я бы очень хотела, чтобы он не отталкивал меня. Но он не может. Для него это означает признать свое поражение. Хотя поражение — единственное, что может убедить его.

— Убедить в чем?

— Убедить смириться со своим положением.

— Смириться с болезнью? Разве не лучше сопротивляться?

— Я хотела сказать: смириться со смертью. — Грета внезапно поднялась со стула. — Пойду все-таки взгляну, может быть, Джек проснулся, — сказала она с раздражением, как будто, переменяв тему, переменяла отношение к Сильвии: перестала возлагать на нее надежды.

Это было похоже на прежние столкновения с Гретой, когда Сильвия неизменно чувствовала себя виноватой. В душе ее медленно поднималась волна обиды. Она вскочила

со стула, безотчетно надеясь погасить обиду движением. Но идти было некуда. Сильвия стояла у окна; прижимаясь лбом к стеклу, она страстно молила судьбу позволить ей вернуться назад, в свой мир. И никогда еще ее собственный мир не казался таким простым, безоблачным, радостным.

Грета возвратилась почти сразу.

— Он все еще спит. Но все равно, Сильвия, входи, входи. Он увидит тебя, как только проснется. Ему, конечно, будет приятно. Если он позовет Сидди, скажи, что Сидди вернется только после обеда, а Гарри скоро будет здесь.

В первую минуту Сильвии показалось, что, несмотря на резкие перемены, отец стал больше похож на самого себя. Но это впечатление исчезло еще до того, как она закрыла за собой дверь. Идя по комнате, она уже видела в кресле на колесах просто незнакомого старика, больного, но хорошо ухоженного старика, сохранившего даже во сне чувство собственного достоинства. Спинка кресла была опущена, так что он полулежал, опираясь головой на подушку. Рядом с ним на столике стоял телефон, лежали газеты, туалетные принадлежности, напечатанный на плотном картоне алфавит и словарь, о которых говорил Стюарт. Сильвия подошла поближе, отец пошевелился, подушка соскользнула, и он внезапно съехал вниз. Сильвия замерла, ожидая, что отец проснется, но он продолжал спать. Сильвии хотелось поправить подушку, одернуть пиджак, причесать отцу волосы — вернуть ему прежний благообразный вид, но ей мешали робость и неумение. В туристских автобусах не раз кому-нибудь становилось плохо, и всегда находился кто-то — обычно женщина, редко мужчина, — кто опускался на колени и делал, что нужно, так как Сильвия, хотя и знала теоретически, как оказать помощь, и даже могла дать совет, не отваживалась применить свои знания.

Жесткие пряди все еще густых волос отца спутались. Стюарт, поглаживая свои волосы, как-то сказал: «Единственная ценность, доставшаяся мне по наследству». Стюарт был шатеном, только несколько более светлых волосков в бровях напоминали о том, что его отец, Джек Корнок, был рыжим.

Джек Корнок родился на ферме своего отца на жарком сухом западе и ушел из дома в шестнадцать лет, сложив жалкие пожитки в мешок из-под сахара. «Страна черномазых», — говорил он потом о своей родине. Джек был младшим из пяти братьев. Двое из них погибли в Галлиполи*, двое вернулись назад. В тот год свирепствовала засуха, это был год несчастий и потерь, братья жестоко повздорили. В ход пошли кулаки. Джек требовал своей доли, потому что четыре года «работал как вол». Братья требовали своей по праву старшинства. Земля не могла прокормить троих. Горше всего была измена отца: четыре года, пока они работали вместе, отец называл его своей правой рукой, но в ссору ввязываться не стал. Мать, слышавшая образованной в их диких местах, умерла, когда Джеку исполнилось семь лет. Он ушел из дома — потом он всегда презрительно называл свой дом «жалкой лачугой», — ушел с раздробленной ключицей и сломанным большим пальцем. Своих родных он больше никогда не видел, никогда не писал им и с неутраченной злобой говорил, что они наверняка по-прежнему живут, «как жалкие скоты», и довольствуются все той же «жалкой лачугой» с растрескавшимися стенами и земляным полом.

Шаги и голоса в холле заставили Сильвию быстро взглянуть на закрытую дверь. Гарри приехал. Сильвия чувствовала, как радость заливает краской ее лицо. Она снова обернулась к отцу и увидела, что он открыл глаза и смотрит на нее не узнавая.

— Я — Сильвия, — сказала она.

Отец схватил со столика очки и надел.

В детстве, когда отец приходил домой, он смотрел на нее с такой же нежностью, с таким же удивлением. Это входило в правила игры. «Кто это тут такой? Может, заблудившийся цыпленок? Нет, это маленькая темнокрылая пташка прилетела из зарослей...» Сильвия встала и прижалась щекой к щеке отца. Она почувствовала, как отец неуклюже похлопывает ее по спине, будто вместо руки у него была палка с круглым набалдашником, набитым ватой; Сильвия прижималась к щеке отца, по ее лицу текли слезы, она так расте-

* Галлиполи (Гелиболу) — порт в северной части Турции; в 1915 году здесь произошло одно из крупных сражений первой мировой войны.

рлясь, что не знала, как с ним заговорить: из-за немоты отца она забыла, что его слух не пострадал. Вспомнив наконец, что отец слышит, она с облегчением откинулась на спинку стула, засмеялась и вытерла слезы.

— Я плачу не потому, что ты болен. Первое, о чем я подумала, как мало ты изменился.

Отец явно был растроган. Но Сильвия заметила, что он снова и снова одобрительно кивает, и вспомнила эти кивки. Они означали, что отец принял решение.

Нежность улетучилась, Сильвии стало страшно. Опущенный левый угол рта придавал лицу отца злобное выражение, странно знакомое Сильвии, потому что таким она видела отца в своих снах-кошмарах во время перелета.

Встревоженная полуулыбка скользнула по губам Сильвии и тут же исчезла. Она ласково наклонила голову:

— Сидди пришлось ненадолго уйти домой. Но Гарри здесь. Грета просила сказать тебе.

На лице отца появилась мрачная усмешка, будто он говорил: «Так-таки просила, да неужели?» Ее страх обратился в решимость: ни за что не станет она оружием в битве отца с Гретой. Убедившись, что между ними действительно идет битва, она поняла, хотя, наверное, не до конца, что имела в виду Грета, когда говорила о чудовищности затеянной Джеком борьбы. Отец неловко, всем телом, повернулся, и Сильвия увидела, что его лицо покрылось красными пятнами, кустистые брови сошлись на переносице.

— Можно я помогу?.. Хочешь?..

Джек попытался подняться, не сумел и схватил колокольчик. Но прежде чем он позвонил, открылась дверь и вошел Гарри. Глаза Гарри и Сильвии мгновенно встретились, Гарри улыбался, и Сильвия поняла, что он шел к ней; звенящим от волнения голосом она с трудом выговорила:

— Ах... Гарри... ты не сможешь мне?..

С полным знанием дела Гарри тут же показал, как соединить руки под коленями Джека и у него за спиной. Они приподняли Джека, он смотрел прямо перед собой и не обращал на Гарри ни малейшего внимания.

Как только Сильвия и Гарри усадили Джека, он оттолкнул Гарри, оттолкнул беззлобно, легким ударом здоровой руки,

будто смахнул пыль. На лице Гарри не дрогнул ни один мускул; он и Розамонда всегда были с Джеком безупречно вежливы.

— Поговорим попозже,— сказал Гарри, обращаясь к Сильвии, и, повернувшись к Джеку, добавил: — Если что-нибудь понадобится, я буду здесь, пока Сидди не вернется.

— Мы даже не поздоровались,— со смехом крикнула Сильвия, когда Гарри закрывал дверь.

Сильвия перестала существовать для отца. Он приводил себя в порядок, глядя в зеркало на стене. Сильвия попыталась ему помочь, но он не желал ее замечать, и Сильвия поняла, что впала в немилость, так как видела беспорядок в его одежде. Джек распустил узел галстука; терпеливо и старательно он орудовал здоровой рукой, а иногда и зубами, пытаясь завязать галстук так, как ему хотелось. Когда отец и Молли тщательно одетые (всегда слишком рано) ждали гостей у себя в Бервуде, отец снова и снова подходил к зеркалу над каминной полкой, внимательно разглядывал свои глаза, поглаживал лацканы пиджака, с необычайной осторожностью пробегал рукой по напомаженным волнистым волосам и поправлял узел галстука.

Отношение отца к одежде осталось неизменным и в доме Греты. Став старше, Сильвия поняла, что, прикасаясь к своему дорогому костюму, к импортному шелковому галстуку, к тщательно подстриженным волосам, отец производил торжественный смотр вещественным доказательствам своей победы над братьями.

Джек успешно не замечал Сильвию. Не видеть и не слышать — это был его любимый способ наказания неугодных. «Пусть немного попотеют», — часто говорил он. Изгнанная из его поля зрения, Сильвия наблюдала за отцом и не без горечи размышляла, как могло случиться, что человек, способный уделять такое пристальное внимание себе самому, прожил с женой больше двадцати лет и не заметил, что она не умеет читать и писать. Наконец Джек привел себя в порядок, воротник и плечи пиджака снова были на месте, волосы причесаны, галстук завязан. Джек подвинул к себе алфавит, ручку и кивнул Сильвии. Указывая ручкой буквы, он спросил Сильвию: «Как ты справишься?»

— Справляюсь с чем? — растерялась Сильвия.

Несколько мгновений Джек недоверчиво смотрел на дочь, потом указал ручкой на букву «д». Сильвия удивилась, что не догадалась раньше.

— Ой,— воскликнула она, глядя, как отец указывает на остальные буквы.— Как я справляюсь с деньгами? Прекрасно. У меня есть все что нужно. Поэтому спасибо, если ты хочешь предложить мне деньги, спасибо, но деньги мне совершенно не нужны.

Сильвия подняла с пола сумку и бесцельно перерывала ее содержимое, тщетно пытаясь успокоиться. Она подняла глаза, только когда отец дважды резко ударил по столу. Но он улыбался, он был исполнен дружелюбия: «У миня много».

— Правда? — спросила она.— Это очень хорошо.

Внезапно Сильвию охватило отвращение. Она вдруг поняла, что ей трудно разговаривать с родителями, потому что они так и не признались себе, что она оторвалась от них. Из страха, из чистой вежливости, из нежелания доставлять себе неприятности или, быть может, просто из робости они делали вид, что ничего не случилось, продолжали играть свои старые фальшивые роли и не могли переключиться ни на что другое. Пелена мгновенно спала с ее глаз, как бывало всегда, когда ее охватывал гнев. Хотя дело было не в гневе, а в ее непреклонной решимости сбросить старую фальшивую маску, разделаться с ложью, воскресить правду. Она не знала, с чего начать, слова пришли сами собой.

— Папа, ты знаешь, что мама не умеет читать и писать?

На лице Джека промелькнуло изумление, потом лицо его словно опустело. Он больше не смотрел на Сильвию, его взгляд устремился в окно.

— Ничего не поделаешь, я тоже не знала. А Стюарт знал. Он заметил, когда был маленьким.

Джек снова разглядывал Сильвию. Он все еще держал ручку. Неуверенно он составил ответ: «Я знал».

Но Сильвия заметила его изумление и не сомневалась, что отец лжет. Они снова надели маски.

— Ты, наверное, устал. Хочешь, чтобы я ушла? — спросила она.

Сильвии пришлось повторить вопрос, прежде чем отец кивнул. Когда Сильвия закрыла за собой дверь, у нее в глазах стояли слезы. Из холла доносились голоса Гарри и Греты. Под аркой стоял мужчина, которого она заметила на Мэкли-стрит. Сильвия улыбнулась: — Гай!

— Мама сказала, что ты меня узнала. — У Гая был ломкий, надтреснутый, но довольно приятный голос.

— Не вполне, — сказала Сильвия. — Купил ты пирожное?

— Я просто слонялся по улице, — ответил Гай. — Разглядывал сладости, одежду, драгоценности. Ты наверняка уже слышала, что я безнадежен.

Сильвия, все еще улыбаясь, повернулась к Гарри:

— Мы даже не поздоровались.

— Да, не вышло. — Кивками в сторону Гая и Греты, насмешливым тоном Гарри хотел сказать Сильвии, что судьба продолжает играть с ними в ту же игру.

— Как ты нашла Джека? — вмешалась Грета.

— Меня поразило, что он ухитряется делать столько движений. Мне кажется, он все еще очень... — Сильвия сделала неопределенный жест рукой, — очень...

— Очень какой? — спросила Грета.

— Сильный.

— Да, он сильный человек, — сухо подтвердил Гарри.

— Удалось ему что-нибудь тебе сказать? — продолжала Грета.

— О да. — Сильвия вздохнула.

— Как раз перед твоим приходом у нас здесь началась ссора, — сказал Гай.

— Ничего подобного, — возразила Грета.

— Мать продала ковры.

— Они в чистке.

— Я даже не заметил, что ковров нет, — удивился Гарри.

— Где тебе заметить, — заявил Гай. — Но уж кто наверняка бы заметил, — Гай повернулся к Сильвии, — так это твой отец.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Сильвия.

В коридоре она услышала, как Гарри спросил Грету:

— Мама, ты правда продала ковры?

Сильвия вышла в сад позади дома. Под цветущей сливой

она бросила сумку и легла на траву. И только тогда поняла, что, сказав отцу о неграмотности Молли, выдала тайну, которую мать хранила с огромным трудом.

Сильвия вышла из дома в надежде, что Гарри присоединится к ней, но, услышав шаги в траве, поняла, что идет Гай. Он остановился рядом и смотрел на нее сверху вниз, его темная голова и плечи на фоне нежного облака цветов настолько резали глаза, что Сильвия испугалась, будто впервые увидела, как груба человеческая плоть. Гай сел на траву рядом с Сильвией, поднял голову и взглянул на дерево.

— Среди этих цветов видны головки маленьких херувимов.

Слова Гая помогли Сильвии представить себе, каким женщинам он нравится.

— Цветы хороши и без херувимов, — сказала она.

— Жаль, что матери придется расстаться с садом.

— Кто сказал, что придется?

— Сама расстанется, если так пойдет дальше. Ковры с пола — только начало. Кончится тем, что все пойдет с молотка, а Грозный Командир будет посиживать в кресле и царствовать среди развалин.

— Надеюсь, до крайности дело не дойдет.

— Кто этому помешает? Ты?

Сильвия села и подняла руки, поправляя прическу.

— Розы и Гарри без конца восхищаются, какая ты справедливая, — сказал Гай, — какая умная, да еще бессребреница и так далее, все в том же духе. Но я-то считаю, ты просто изворотливая.

Сильвия с любопытством взглянула на Гая. Из-за нависавших бровей и чересчур пухлых губ он казался глуповатым.

— А может, и бесчувственная, — добавил Гай.

Его улыбающееся лицо приблизилось к ней чуть не вплотную.

— Как и ты, Гай, — мгновенно, не раздумывая, выпалила Сильвия. Она встала и взяла сумку, в это время Гарри открыл кухонную дверь и пошел к ней по траве. Гай застонал, опрокинулся на спину и уперся обеими ногами в ствол сливы. Гарри остановился около его головы.

— Гай тебе сказал? — спросил он Сильвию.

— Что сказал?

— Тебя зовет отец. Мама попросила Гая передать тебе.

— Я забыл, — пробормотал Гай. — У меня было важное дело, я пытался ее охмурить.

Сильвия и Гарри пошли по траве назад к дому, Гарри положил руку на плечи Сильвии. — Правда пытался?

Сильвия рассмеялась так радостно, что сама удивилась.

— Гаю нужен подручный для его делишек.

Прижимая Сильвию к себе, Гарри вел ее не к крыльцу, а к кухне, и как только за ними закрылась дверь, обнял и поцеловал.

Сильвия засмеялась и с облегчением вздохнула. Они снова поцеловались, потом еще и еще. Наконец они отстранились друг от друга, но Сильвия задержала руку на плече Гарри, она смотрела ему в лицо и улыбалась.

— На этот раз изменились мы оба.

— Куда подевалась твоя африканская прическа?

— Она мне надоела.

— Когда я услышал, что ты возвращаешься, не мог поверить своему счастью. Как раз когда ты мне так нужна.

Сильвия сняла руку с плеча Гарри.

— Боюсь, если я тебе так нужна, ты скоро разочаруешься.

— Нет.

— Разочаруешься. — Сильвия снова приблизилась к Гарри, но прикоснулась к нему только ладонью. — Мне нельзя было возвращаться. — Сильвия говорила почти шепотом. — Я все делаю не так. Говорю не то, что хочу. Хожу как пьяная.

— Вспомни, сколько ты летела.

— Неважно, я правда ничего не могу. Австралия — не для меня. Здесь все меня гнетет. Я лучше пойду. Отец..

— Погоди.

На этот раз Сильвия после поцелуя все еще улыбалась.

— Я думала, ты заведешь молоденькую девочку.

— Я думал, ты заведешь молоденького мальчика. Вроде того в Лондоне. Лет на восемь моложе тебя.

— Я думала, девочка будет лет на двадцать моложе тебя.

— Ты всегда была второй самой нужной мне женщиной на свете.

- Второй после Маргарет?
— Да. Ты не сердисься?
— Нет. Мне всегда нравилось... мне нравилось, что ты так сильно любишь Маргарет.
— Придешь ко мне вечером?
— Да. Только имей в виду, я тебя предупредила. Ты разочаруешься. Такой я и буду: как пьяная.

Сильвия быстро вошла в комнату отца. Перед Джеком лежал открытый телефонный справочник. Он указал фамилию, номер телефона и с помощью алфавита объяснил, что Сильвия должна связаться по телефону с Кейтом Бертеншоу и попросить его непременно прийти в понедельник. Отец путал буквы, но она поняла.

К телефону подошла женщина. Она была явно чем-то раздражена.

- Кейт только что вошел. Кто его спрашивает?
— Я звоню по поручению Джека Корнока. Меня зовут Сильвия Фоли.
— Ах, дочь. Сейчас спрошу, может ли Кейт с вами поговорить.

Указывая на буквы в алфавите, отец повторил свою просьбу: «Нипременно понидельник». Сильвия кивнула. В трубке раздался высокий неторопливый голос:

- Да? Говорит Кейт Бертеншоу.
— Мистер Бертеншоу, отец просит вас заехать к нему в понедельник.
— А в чем дело, миссис Фоли?
— Не знаю, мистер Бертеншоу.
— Что ж, скажите ему... сейчас соображу... скажите, что я постараюсь заехать во вторник.

Сильвия прикрыла трубку рукой.

- Он говорит — во вторник.

Живая половина рта Джека Корнока опустилась и стала похожа на мертвую. Джек взял ручку. Когда он указал на буквы п, о, н, Сильвия кивнула и сняла руку с трубки.

- Отец настаивает на понедельнике, мистер Бертеншоу.
— А вы действительно не знаете, в чем дело?
— Не имею ни малейшего представления,— ответила Сильвия.

— Тогда, наверное, лучше мне самому поговорить с ним.

— Он хочет поговорить с тобой, — сказала Сильвия, но отец оттолкнул трубку. Сильвия покачала головой: — Так мы будем переговариваться целый вечер. Выслушай его, пожалуйста.

Отец взял трубку, а Сильвия отошла к окну, она забыла, что могла бы этого не делать, так как отец хранил молчание. Джек Корнок сидел с невозмутимым видом, держал трубку у уха и рассеянно смотрел по сторонам. В этой позе, освещенный лучами заходящего солнца, он был так похож на самого себя лет двадцать — тридцать назад, что у Сильвии шевельнулась надежда услышать знакомый голос, веселый, теплый, несмотря на угрожающие нотки, звучавшие, даже когда отец шутил, разговаривая в ее присутствии со своими партнерами. Сильвия редко видела тех, с кем говорил отец, но благодаря обрывкам сотен услышанных разговоров она довольно четко представляла себе, как выглядят люди, интересовавшие отца. Встретив кого-нибудь из них, она говорила себе: вот кому звонит отец. В ночном клубе, где Сильвия разносила напитки, они подзывали ее, подняв палец. Те, кто в барах хватал Стюарта за пуговицу и рассказывал ему о подвигах отца, тоже принадлежали к этим людям, считала Сильвия, они только одевались похуже и зарабатывали поменьше. Но человек, говоривший сейчас с отцом, был совсем другого сорта, он ничем не напоминал прежних собеседников отца.

Джек Корнок больше не смотрел по сторонам. Он втянул голову в плечи, опустил подбородок на грудь. Сильвия поняла, что Бертеншоу наотрез отказался приехать в понедельник. Она думала, что отец попросит ее уведомить Бертеншоу о его недовольстве, но пока отец возился с телефоном, она услышала монотонные гудки и поняла, что Бертеншоу уже положил трубку. Сильвия вспомнила, как заканчивал отец те, прежние разговоры, с каким спокойствием, с каким глубоким удовлетворением кивал в заключение головой, и не могла не пожалеть, что сейчас с ним обращаются так небрежно. Она подошла к отцу.

— Пора, наверное, зажечь свет.

Здоровая рука отца все еще сжимала трубку. Он посмот-

рел на Сильвию невидящими глазами, и ей показалось, что его снова обуревают ярость. Но глаза ожили, будто отец очнулся от сна. Он оттолкнул телефон, поманил Сильвию рукой и вытащил из кармана плоскую прямоугольную коробочку, Сильвия открыла ее и вынула короткую нитку дешевого жемчуга. В ее непроизвольном «Ой!» смешались обида и удивление. Джек схватил ручку и с детским торжеством, указывая буквы в алфавите, «написал»: настоящий. Он показал на шею: ему хотелось, чтобы Сильвия надела бусы.

В комнату вошла Грета, она зажгла верхний свет и не сразу заметила жемчуг.

— Джек,— сказала она,— я не сомневаюсь, что сегодня ты будешь обедать с нами.

Сильвия понимала, что в ее положении самое лучшее — полная откровенность. Она повернулась к Грете, оттянула углы воротника и подняла подбородок.

— Посмотрите, что мне подарил папа!

— Ах, жемчуг,— сказала Грета. Но когда она снова заговорила с мужем, в ее потускневшем голосе слышалось отчаяние: — Кого ты попросил взять жемчуг из банка? Сидди? Я с удовольствием сделала бы то же самое. Достаточно было сказать.

Увидев, как презрительно склонил голову отец, Сильвия поняла: Джеку доставляло удовольствие показывать всем и каждому, что он не доверяет Грете; Сильвия почувствовала, что краснеет, краснеет вся с ног до головы, красные пятна поползли под жемчугом вверх по ее шее, по ее лицу.

Гарри заглянул в открытую дверь и немного разрядил обстановку.

— Я снял качели.— Он старался не касаться себя грязными руками.— Сейчас отмою грязь и принесу всем выпить.

Гарри согласился подбросить Гая только до Роузвилла, откуда тот мог на электричке доехать до Уин-ярда. Гарри и Сильвия сидели спереди, а Гай примостился сзади и разговаривал с ними, просунув голову в просвет между сиденьями.

— Роза пригласила всех, кроме меня.

— Я тоже не пойду к Розе,— сказал Гарри.

— Но тебя пригласили.

— У меня накопилась масса бумаг, нужно все разобрать, привести в порядок,— продолжал Гарри, обращаясь к Сильвии.

— А у меня нет,— сказал Гай.— Я могу пойти вместо тебя. Мне ужасно хочется посмотреть, как Тед все это примет.

— Что именно? — спросила Сильвия.

— Теду грозит банкротство,— ответил Гай.

— Вот, значит, что Роза имела в виду,— с удивлением проговорила Сильвия.

— Похоже, что Тед действительно обанкротится,— сказал Гарри.

— Я тебе, Сильвия, сейчас объясню, почему Роза не пригласила меня. Я стибрил ее подсвечники и заложил, ей пришлось идти их выкупать. Ух как она кипела. Тебе уже рассказали, что я могу что-нибудь стибрить? — спросил Гай.

— Правда можешь? — вежливо осведомилась Сильвия.

— Маргарет работает сейчас в рекламном отделе телевидения,— снова заговорил Гарри.

— Я обычно таскал вещи у матери,— перебил его Гай,— потому что знал, что она не станет докладывать Грозному Командиру. Но потом Гарри избил меня, и я перестал.

— Маргарет столько раз говорила, что ни за что не станет заниматься рекламой,— удивилась Сильвия.

— Гарри избил меня вовсе не потому, что разозлился,— не унимался Гай.

— Я избил тебя именно потому, что разозлился.

— Нравится Маргарет работа?

— Мне пришлось залепить глаз пластырем,— бормотал Гай, развалившись на заднем сиденье.— Все меня жалели.

— Не знаю,— ответил Гарри.— Мы не видимся. Так уж вышло.

— Это часто бывает,— сказала Сильвия.

— Ах, какие проблемы,— снова вмешался Гай.— Ненаглядная моя, неужели и ты мне не поможешь? Мы с женой разошлись и не хотим видеться, но мы очень любим друг друга, мы оба такие славные, поэтому мы очень страдаем.— Сильвия и Гарри рассмеялись. Гай заговорил громче, тороп-

ливее: — Гарри везет тебя в Ньютрал Бей, Сильвия, можешь не сомневаться. Берегись. Он тебя избобьет. Жемчуг непременно спрячь. Можешь не сомневаться, эта нитка краденая.— Сильвия подняла руку и провела пальцами по бусинам.— Она-то и нужна Гарри. Не говоря про деньги, он надеется, что деньги достанутся тебе. В Сиднее все знают, что Гарри вор и насильник.

Гарри резко притормозил у края тротуара.

— Ты приехал, Гай.

— Это еще не Роузвилл.

— Вон!

— Гад,— процедил Гай сквозь зубы, вылезая из машины.

— Когда я в первый раз увидела Гая,— сказала Сильвия,— я не могла понять, в чем секрет его привлекательности. Теперь поняла. Его бесстыдство обезоруживает.

— Меня нет. Сейчас уже нет.

Китчинги, как всегда, ужинали в кухне. Приходящая прислуга убирала квартиру и мыла посуду, но готовкой Розамонда занималась сама, поэтому раковина была полна мисок, тарелок и кастрюль; Розамонда знала, что завтра ее помощница начнет свой рабочий день с мытья посуды. Было девять часов вечера. Розамонда отрезала ломтик сыра.

— Нет, я вас предупредила совершенно серьезно,— сказала она сыновьям.— Я хочу, чтобы вы были дома.

— Все из-за какой-то Сильвии,— проворчал Доминик.

— По-настоящему она нам даже не родственница,— поддержал его Метью.

— Тем не менее вы останетесь дома. Я хочу вас показать.

— А папа не останется дома.

— Мама считает, что меня не стоит показывать,— сказал Тед.

— Папа, конечно, остался бы дома, но он не может, ему скорее всего придется быть на яхте. И не вздумайте просить, чтобы он взял вас с собой, потому что папе нужно показать яхту покупателю.

— Ты что, продаешь яхту? — грозно спросил Метью.

Тед ел сыр.

— Пока еще ничего не решено.

— К нам придут Эм и Джэз,— сказала Розамонда мальчикам.

— А потом, когда ты нас покажешь,— спросил Доминик,— тогда можно мы вместе с Эм и Джэзом пойдем к Дереку?

— Эм очень нравится Дереку,— сказал Метью.

— Дереку разрешают пить вино во время еды,— заявил Доминик, глядя, как отец наполняет бокал.

— Ну и что, а тебе нет,— сказал Тед.

— У тебя зато есть ночной горшок,— утешила сына Розамонда.

— Ты бы, мама, прежде подумала, а потом бросалась такими шутками,— сказал Метью.

— Ох, если б мне пришлось думать каждый раз, когда вы, двое, просите меня подумать... Тед, по-моему, Стюарта Корнока тоже надо пригласить в субботу.

— А почему, скажи на милость? — спросил Тед.— Стюарт Корнок, конечно, брат Сильвии, но, по-моему, это еще не причина приглашать его в субботу. Если исходить из таких соображений, мать Сильвии тем более надо пригласить.

— Милый мой, с матерью Сильвии я незнакома.

— Со Стюартом тоже не очень знакома.

— Стюарт так заботливо помогал маме. А кроме того... Ну-ка, мальчики, вы уже можете выйти из-за стола.

Мальчики переглянулись.

— Продаешь яхту? — снова напал на отца Метью.— Продаешь дом?

— Отец Дерек говорит, папа вот-вот обанкротится,— сказал Доминик.

— Делай, что велела мать,— прикрикнул Тед.— Проваливай, и побыстрее.

— Подожди минутку, Тед,— вмешалась Розамонда.— Разве они не имеют права знать, что происходит?

Тед приподнялся:

— Проваливайте!

— Понимаешь, Тед,— сказала Розамонда, когда мальчики ушли,— я знаю, что тебе тяжело, но ты слишком груб.

- Умники вонючие,— пробормотал Тед.
- Я хочу, чтобы ты рассказал откровенно, как обстоят дела.
- Что мог, то рассказал. Каша заварилась вчера вечером.
- Вчера вечером звезды не предвещали ничего хорошего. Так вот, про Стюарта... я подумала, что он сможет заодно оценить дом.
- Откуда ты взяла, что мы продаем дом?
- Тед, недвижимое имущество стоимостью в сотни тысяч долларов нам сейчас вряд ли по карману. Не в таком мы положении. А кто лучше Стюарта сумеет устроить продажу?
- Розы. Дорогая. Послушай. Я уже сказал тебе вчера вечером. Может быть, мы еще выкрутимся.
- Тед, я тоже читаю газеты.
- В газетах пишут далеко не все. Мы с Меррименом как раз сейчас разрабатываем одну идейку...
- Ненавижу Мерримена.
- Знаю, что ненавидишь.
- Что это за идейка?
- Дорогая, ты не поймешь.
- Упрости.
- Ее достоинство — как раз в необычайной сложности. Положись на меня.
- В чем? Тед, я сейчас, кажется, снова заплачу.
- Дом я, во всяком случае, сумею сохранить. Послушай, дорогая, пригласи Стюарта Корнока, если хочешь. Пусть оценит дом. Я переживу, пусть оценит. Только не удивляйся, если он не придет. Эта братия по субботам работает.
- Понимаешь, Стюарт привезет Сильвию. Если даже он не сможет остаться на ланч, от рюмки-другой он не откажется. Тогда я скажу: «Да, кстати, Стюарт, раз уж ты все равно здесь...»
- Великолепно! Допустим, что он потратит время впустую, ну и что, ему не впервой! Хочешь еще?
- Немножко, из самых благородных побуждений: не хочу, чтобы ты пил слишком много. Только не думай, Тед, что я боюсь бедности.
- Ты не знаешь, что это такое.

— Это я не знаю?!

— Ах, ты про старое. С тех пор прошло столько времени.

— Все равно я ничего не забыла. Две убогие комнатухи, общая кухня, общий туалет. Мама оставляла нас на каких-то женщин, обычно квартирных хозяек, считалось, что они за нами присматривают. Все они нас поколачивали. Как-то раз Гарри схватил щетку для чистки ковров и ударил хозяйку в живот, она закричала, что ее изувечили, и нам пришлось переехать на другую квартиру. Мы постоянно переезжали с квартиры на квартиру...

— Хватит. Потом Грета вышла замуж за Грозного Командира, и все наладилось. Так что не стоит больше об этом говорить.

— Нет, потом мама устроилась на другую работу: ходила по домам и предлагала косметику, а потом уже все наладилось...

— Я думал...

— Нет, мне было пять лет, когда мама устроилась на другую работу, я прекрасно помню. Дело пошло так хорошо, что ей стали платить кучу денег, и у нас появилась новая няня, та самая молоденькая испанка, очень милая.

— Ладно,— сказал Тед.— Я ошибся. И хватит об этом.

Сильвию разбудил лунный свет, лившийся с запада, она встала, чтобы спустить жалюзи. Окна выходили на узкий залив, испещренный рваными призрачными тенями высоких домов, стоявших на противоположном берегу. С моста уже не слышался гул мчавшихся машин, залив опустел, внизу под окнами всплескивали волны, разбиваясь о стену из песчаника. Она спустила жалюзи и снова легла на узкую кровать рядом с Гарри. Сильвия лежала на спине, касаясь Гарри плечом и ногой. Она уже засыпала, когда Гарри вдруг проснулся.

— Ты вставала?

— Я спустила жалюзи.

— Который час?

— Не знаю.

— Почему мы разговариваем так спокойно?

— Потому что все еще не верим, что мы вместе.

Часть 2

1

— Хорошо, что небо наконец посветлело,— сказал Кейт Бертеншоу в телефонную трубку.

— Да,— ответила Грета.

— Дожди очень уж затянулись.

— Да.

— Надеюсь, в такой день, как сегодня, Джек в саду?

— Да.— Грета рисовала пятиконечную звезду.

— Кто еще с вами? Сидди?

— Сидди в саду с Джеком.

— А дочь Джека?

— Сильвия сегодня собирается к Розе на ланч.

— Гори все ясным пламенем, ланч, конечно, важнее.

— Там в самом деле горит?

— В понедельник все будет кончено. Я знаю это из верных источников. Так что приготовьтесь.

— Ничего, они справятся.

Демонстративная незаинтересованность Греты несколько озадачила Бертеншоу.

— Я считал, что лучше вас предупредить.

— Поэтому вы и позвонили?

— Откровенно говоря, нет, основная причина в другом. Видите ли, Грета, нам надо непременно уехать на северное побережье на несколько дней, может быть, даже на неделю.

— Поиграете в гольф.

— Марджори полезно побыть с внуками. Во вторник Джек потребовал, чтобы все было оформлено и подписано на следующий день,— так, и только так. Об этом, разумеется, не могло быть и речи, что я ему и сказал. Но вы, конечно, знаете не хуже меня, как давно наша фирма занимается делами Джека, раньше мой отец, теперь я, поэтому

оттягивать оформление до моего возвращения как-то неловко. Так как документы полностью готовы, я подумал, не заскочить ли мне к вам сегодня по дороге на побережье. Марджори может быть свидетелем. Вы меня слушаете? — спросил Кейт Бертеншоу.

Грета начала медленно рисовать еще одну звезду.

— Да. Вы говорили о свидетелях.

— Что вы на это скажете, Грета?

— Вы очень любезны.

— Что еще я могу сделать? Если только вы не передумаете и не попытаетесь стать официальной поверенной Джека.

— Скажите, Кейт, вы считаете его недееспособным?

— Во вторник он был в хорошей форме, я давно не видел его таким.

— В среду он обыграл Сильвию в шашки.

— Сильвия очень внимательна к отцу.

— На следующей неделе она собирается взять напрокат машину и поехать по стране.

— Прекрасная мысль. Не успеет ему надоесть.

— Вы не знаете ее, Кейт.

— Вы хотите сказать, что перспективы ее не интересуют?

— Она старается не думать о перспективах. Она приветлива с Джеком, но... как с туристом в экскурсионном автобусе.

— Сильвии, однако, придется еще долго обходиться без собственной машины, если она не заинтересуется перспективами.

— К нам она приезжает вместе с Гарри.

— Понимаю.— Кейт Бертеншоу долго молчал.— Конечно, Грета, мы с вами живем в путаном старом мире,— наконец сказал он.

— Конечно,— без тени иронии согласилась Грета.

— В конце концов все может обернуться к лучшему. Но концы эти очень, очень длинные.

— Не говорите об этом,— быстро проговорила Грета.

Кейт Бертеншоу помолчал, потом осторожно спросил:

— Вы, кажется, сказали, что Джек в саду?

Грета заполнила звездами всю страницу и начала быстро рисовать квадраты вокруг каждой звезды.

— Да, да. И Сидди тоже в саду. Это все, Кейт?
— Марджори очень рада, что увидит вас, Грета.
— Да, да. Жду вас сегодня. Приезжайте, когда вам удобно.

Раздались частые гудки, но Грета продолжала прижимать трубку к уху. Наконец она положила трубку на рычаг и снова взялась за квадраты. Когда Гай вышел из-под арки, Грета спросила, не поднимая глаз:

— Что тебе за радость подслушивать мои телефонные разговоры? Ты как... как стервятник. Сколько времени ты там простоял?

— Минут пять. Я вошел через заднее крыльцо.— Гай сел, скрестил ноги.— Ковры все еще в чистке,— с угрозой проговорил он. Грета нагнулась к столу, казалось, ничего, кроме квадратов, для нее не существует.— Я принес веревку для качелей. Могу повесить, если хочешь.— Жалобный тон не произвел на Грету ни малейшего впечатления, она даже не подняла головы.— «Как стервятник»,— в голосе Гая послышались мрачные нотки.— Это твои, твои слова.

В ту первую неделю Сильвия беспечно отложила встречу со Стюартом (что ничуть его не задело), но в пятницу поздно утром, когда в квартире Гарри зазвонил телефон, она сняла трубку и услышала голос брата.

— Сил! Я пытался застать тебя дома. Звонил рано. Звонил поздно. Сегодня позвонил в Уарунгу, попал на Гая, он посоветовал мне поискать тебя у Гарри.

— Я провела здесь почти всю неделю, должна тебе сказать.

— А...— Пауза помогла Стюарту скрыть растерянность.— Ты собираешься завтра к Китчингам?

— Да.

— Розы меня тоже пригласила. Скажи, пожалуйста, с какой стати меня приглашают к Китчингам? Они, наверное, решили продать дом, это единственное, что приходит мне в голову. Ты поедешь с Гарри?

— Гарри не поедет.

— Гай тоже. Он только что мне сказал. Кто же там будет?

— Я. Ты, надеюсь. Гермиона и ее семья.

— Стивен тоже?

— Да, Рози сказала, что Гермiona и Стивен обычно всюду бывают вместе.

— Наверное, наверное, вместе.— В голосе Стюарта слышалось легкое раздражение.— Рози должна бы знать, что в субботу я занят. Она решила, что я привезу тебя и задержусь, если смогу. Но если они продают... Ладно, так я и сделаю: если смогу, задержусь. Ты будешь у себя в двенадцать?

— Да. Покажу тебе жемчуг, подарок папы.

— Мама мне о нем все уши прожужжала. Хочешь, я его оценю?

Сильвия провела рукой по бусам, будто хотела защитить их от опасности: — Нет!

— Ну и прекрасно. Мама в восторге от того ланча с тобой, Сил.

— О боже, ты мне напомнил. Стюарт, я рассказала отцу, что мама не умеет читать и писать.

— С ума сошла! Зачем ты это сделала?

— Надоело говорить о пустяках, надоело врать, и это как-то вырвалось.

— Рехнулась! Последний человек, кому она бы призналась.

— Мне очень жаль.

— Больше ты, надеюсь, никому не сказала?

Сильвия понимала, что Стюарт имеет в виду Гарри:

— Нет.

— Ладно. В субботу в двенадцать.

В субботу Сильвия надела индийское платье, жемчуг и села за письменный стол Гарри. Окна квартиры выходили на небольшую деловитую гавань, где обласканные солнцем маленькие суденышки расступались перед иссиня-черной подводной лодкой, державшей курс на свою базу у противоположного берега, а один из прогулочных катеров, которые Гарри называл «усладой обжор», а Сильвия «усладой кутил», совершал свой первый шумный круг. Сильвия начала писать под аккомпанемент глухих всплесков воды, так как к причалу под окнами подошел паром, потом она услышала, как с грохотом опустили сходни. Второе письмо Холиоукам давалось

ей немногим легче первого. Мысли ее витали далеко: «В конце концов я решила провести здесь все три месяца, но не из-за отца. Он очень крепкий старик и, может быть, проживет еще много лет. Я остаюсь из-за Гарри Полглейза, вы встречались с ним в Лондоне. Не хочу писать об этом подробнее, чтобы не разрушить чары, но вам и так все понятно. Сидней, должна вам признаться, смущает и изумляет меня. Боюсь, что я снова начала бунтовать против этого города, как бунтовала перед отъездом, но если мне удастся с собой совладать, я, наверное, полюблю здешний резкий неистовый климат и здешних неизломанных людей. Пока Гарри на работе, я разъезжаю в его машине, так что я видела уже большую часть города и пригородов и поняла, что есть приятные места, есть омерзительные, как везде, но девять десятых Сиднея это новые районы, где жизнь еще не устоялась, все без конца меняется — нет, я не могу рассказать, что предстало перед моими глазами. Легче рассказать о том, что не предстало. Потому что представшее необычайно зыбко. Рядом с девушками в цветастых платьях-балахонах я чувствую себя старомодной, хотя видела в прошлом году в Европе, что долгому царствованию синих джинсов пришел конец. Как бы то ни было, я сдалась и в качестве компромисса купила себе индийское платье. Индия! Отсюда она так соблазнительно близка»...

Китайский корабль все еще стоял на якоре в Вуллумулу Бей. Гарри и Сильвия обратили на него внимание, когда Гарри отвозил Сильвию к ней домой, а через полчаса по этой же дороге проехал Стивен Файф со своей семьей. Стивен сказал детям, что на этот корабль грузят пшеницу. Файфы опаздывали к Розамонде, так как ездили на северное побережье посмотреть два дома, о продаже которых сообщалось в объявлениях утреннего выпуска «Геральда». Но Гермione так не понравился внешний вид домов, что она даже не захотела войти внутрь.

Дети остались на берегу, в машине сидели только Стивен и Гермione.

— Ты посмотри вокруг, что мы, австралийцы, наделали,— сказала Гермione.

— Вина моды. Рекламы. Мы одурачены модой и рекламой.

— Мы позволяем, чтобы нас дурачили. Нужные сведения вполне доступны. Достаточно открыть глаза. Хватит, едем за детьми. Школы здесь все равно никуда не годятся. Все девочки сидят на таблетках или беременеют.

— Прекрасный пример ни на чем не основанного утверждения.

— Ну и пусть. Хватит. Поехали.

— Ты не хочешь посмотреть другие дома?

Гермиона перевернула страницу «Геральда», лежавшего у нее на коленях.

— Другие для нас слишком дороги.— Она швырнула газету на заднее сиденье.— Я невыносима, согласна. Почему мы не разводимся?

Стивен завел машину.

— Трое детей — это три веские причины. Остальные ты тоже знаешь, Мин.

Они обогнули мыс и свернули на Мэкли-стрит, где нежная зелень платанов уже предвещала скорое превращение этой улицы в туннель со сводом из ветвей и листьев. На Кинг Кросс молодые люди торопились домой, их руки были заняты цветами и одеждой на вешалках, полученной из химчистки. Старые холостяки несли тяжелые сумки с рекламой авиакомпаний, пожилые женщины — маленькие пакетики с мясом, фруктами и картонные коробки с пирогами. Имоджин уснула в мягком подвесном креслице, ее головка болталась из стороны в сторону.

Дом Китчингов был построен лет пятьдесят назад в испанском или мексиканском стиле. Гермиона соглашалась, что дом удобен при сиднейском климате, но добавляла обычно, что у строителей все-таки хватило сообразительности обнести его высокой стеной. Дверь в белой стене открылась в ту минуту, когда подъехала машина, из двери вышла Розамонда. Каждого, кто вылезал из машины, она встречала поцелуем.

— Ой, дай мне, — взмолилась Розамонда, когда Гермиона нагнулась к Имоджин. Бормоча ласковые слова, Розамонда вынула малышку из креслица.— Ох, как я тебя люблю. Я никому тебя не отдам. Я тебя съем. Сильвия и Стюарт

уже приехали. Входите же!

— Стюарт? — спросила Гермiona.

— Ну да, он привез Сильвию. И Тед дома.

— Дома? — удивился Стивен.

— Во всяком случае, не на яхте. Оцени. Но он к нам не выйдет. Так что аудиенции ты не получишь. Тед заперся в кабинете с этим пронырой Меррименом. Я ношу им еду и забочусь о поддержании их существования.

— Заперся? — переспросил Стивен.

— Не буквально, конечно. Но дверь закрыта. Для важности. Можно подумать, что заседает кабинет министров, не иначе. Идемте.

Воспользовавшись тем, что Розамонда ушла вперед с Эммой и Джейсоном, Стивен тихонько шепнул Гермione:

— Стюарт Корнок. Они наверняка продают дом.

— Мин, можно я положу Имоджин спать? — попросила сестру Розамонда, когда все вошли в дом.

Глазки Имоджин затуманились и смотрели в никуда, она уже почти спала на руках Гермियोны.

— Я сама, — не согласилась Гермiona.

— Славная малышка, — неожиданно проговорил Стюарт, когда Гермiona унесла Имоджин.

Сильвия загляделась в большое окно. С некоторых пор она смотрела на мир с особенным интересом: разглядывала, запоминала, чтобы рассказать Гарри, развеселить его, когда они снова окажутся вместе.

— Как ослепительно сверкает вода, — сказала она. — Солнце затопило гавань.

Босой мужчина в шортах прошел в холл, не удостоив взглядом никого из присутствующих.

— Это проклятый Мерримен, — сказала Розамонда. — Казначей. Интересно, что ему понадобилось. А вот и Мин. Мин, дорогая, твой бокал.

Гермiona взяла у Стивена бокал и, ни на кого не глядя, с усталым видом села на стул. Мерримен снова промелькнул в дверях, в руках у него была пачка бумаг.

— Ох, готовит послание премьер-министру, — не удержи-

лась Розамонда.— Скажи, Сильвия, тебе не хотелось бы остаться здесь навсегда?

— Даже не знаю,— растерянно проговорила Сильвия,— я ведь собиралась обосноваться в Риме.

— Ты вполне могла бы преподавать здесь итальянский,— сказал Стюарт.

— Да?

— Не знаю, известно ли тебе, Сильвия, что в Австралии большая потребность в преподавателях итальянского языка,— сказал Стивен.— Многие австралийцы хотят поехать в Италию.

— К сожалению, Сильвия относится к их числу,— вмешалась Розамонда.

— Многие австралийцы действительно хотят поехать в Италию,— вступила в разговор Гермиона.— Мы испоганили свою страну, изуродовали ее, а теперь бросились сломя голову в другие страны в поисках обломков чужой красоты.

Сильвия со страхом слушала, как Гермиона высказывает ее собственные мысли.

— Ты правда считаешь, что Австралия испоганена? — спросила она.

— Конечно,— ответила Гермиона.

— Каким образом? — удивился Стюарт.

— Ну, это Мин сумеет тебе растолковать,— устало сказал Стивен.

— Пожалуйста, Мин, не растолковывай,— взмолилась Розамонда.

Но Гермиона уже не могла остановиться:

— В Австралии все хорошо, кроме людей. Страна сама по себе замечательная, но то, что здесь понастроили люди, ужасно. У нас просто нет настоящей архитектуры.

Розамонда вскинула обе руки:

— Вот так мы отмечаем возвращение Сильвии.

Но на этот раз не утерпел Стивен:

— Неразумное планирование городов — это действительно проблема.

— Второсортное население — вот в чем проблема,— сказала Гермиона.

— Мин не принимает в расчет...— возразил Стивен.

— Мой ланч погиб,— простонала Розамонда.— Но раз уж мы заговорили об архитектуре, как ты думаешь, Стюарт, сколько мы можем получить за этот дом?

Стюарт уставился на потолок. Стивен и Гермиона устремили взгляд в свои бокалы. Наконец Стюарт провел рукой по щеке.

— Вообще-то дома в испанском стиле ценятся довольно высоко.

— Надеюсь. Случалось тебе заниматься такими домами?

— Что-то не припоминаю.

— Мин, будь хорошей сестрой, покажи Стюарту дом. Мне нужно заглянуть на кухню. Возьмите с собой ваши бокалы. Единственная комната, куда нельзя входить,— это кабинет, или «зал заседаний», или называйте ее как хотите, одним словом, комната, где сидят эти двое. Стивен, дорогой, отнеси, пожалуйста, бокалы, ножи и вилки в сад, на стол. Сильвия, может, поболтаешь пока со мной на кухне?

— Там, наверное, кабинет,— сказал Стюарт.

— Комната Теда,— ответила Гермиона.— А там,— сказала она,— спальня Метью.

— Мы с тобой только и делаем, что осматриваем дома.

— Ну и что? — Гермиона пожалала плечами.

— Этот дом не назовешь безобразным.

— Я не говорила, что в Сиднее все дома безобразные. Просто удивительно, почему мы с тобой вечно репираемся?

Гермиона повернулась и вошла в комнату. Стюарт последовал за ней.

— Ванная там дальше? — спросил он.

— Они называют это ванной.— Гермиона переступила через мокрую одежду, валявшуюся на полу, и встала у окна спиной к Стюарту.

Стюарт едва заглянул в ванную, покружил по комнате, внимательно изучил музыкальное хозяйство Метью, потом подошел к окну и встал рядом с Гермионой. В саду под окном Сильвия носила тарелки и салфетки на круглый стол, стоявший под деревьями, где было ровное место. Стивен расставлял на столе бокалы, в глубине сада Метью пытался свалить Джейсона наземь, Эмма болтала с Домиником и без конца

откидывала пряди волос со лба наверх.

— Сильвия держится очень независимо, — задумчиво проговорила Гермиона.

— Она подпускает к себе только на определенное расстояние, — также задумчиво сказал Стюарт, глядя, как сестра вместе со Стивеном хлопочет у круглого стола, — плохо, что не всегда угадаешь, где проходит граница. Я, во всяком случае, не могу угадать. Поэтому не обращаю внимания и иду напролом.

— Роза преспокойно с ней болтает.

— Да, Роза, как и я, идет напролом.

Стюарт и Гермиона впервые разговаривали друг с другом так спокойно и дружелюбно. Они одновременно это поняли и на несколько мгновений замолчали и задумались. Стивен и Сильвия ушли в дом. Джейсон подставил ножку Метью, и они оба покатались по земле.

— Деньги... — с трудом выговорила Гермиона.

— Да, деньги, — с вызовом, не без радости тут же откликнулся Стюарт.

— Я привыкла желать каждому всего самого лучшего. Теперь я желаю этого только себе.

— А детям?

— Иногда только себе, — с ожесточением повторила Гермиона.

— Что ж, по крайней мере, по-деловому.

— Да?

— Сама знаешь, что по-деловому. — Гермиона молчала. — Не бойся, у нас это не будет просто хладнокровной сделкой, — сказал Стюарт.

— Ты уверен?

Стивен вышел из дома, неся на доске кастрюлю. Розамонда шла за ним с бутылкой вина и корзинкой булочек.

— Конечно, иногда бывает, — сказал Стюарт. — Но мы с тобой можем не беспокоиться. В эту самую минуту, вот тут, где ты сейчас стоишь, я не прикоснулся к тебе пальцем, и ты сама знаешь, что мы с тобой можем не беспокоиться.

Стивен осторожно водрузил кастрюлю на середину стола. Розамонда поставила вино и булочки.

Розамонда обернулась и устремила на окно кабинета

напряженный, откровенно вопросительный взгляд. Гермiona выглянула наружу и замахала обеими руками.

— Розы!

Возглас Гермiony прозвучал как предостережение, Розамонда на мгновение растерялась, но тут же радостно улыбнулась и помахала рукой им обоим.

Когда они вышли в сад, Стюарт тихонько шепнул Розамонде:

— Я позвоню на этой неделе и скажу цену.

— Когда угодно,— громко, без стеснения ответила Розамонда.— Никакой спешки. Надеюсь, ты останешься на ланч?

— Конечно. Если только мне не позвонят из конторы.

В саду Корноков фиговое дерево так истощило почву, что вокруг его мощных корней не росла трава. Когда-то дети, качаясь на качелях, протоптали в земле глубокую ложбинку, но сейчас от нее осталось чуть заметное углубление. На самой толстой ветви дерева, там, где много лет была привязана веревка от качелей, виднелось два широких шрама, новая веревка свисала рядом. Эта ветвь, плоская сверху, походила на протянутую руку. Дожидаясь, пока Сидди принесет из гаража сиденье от качелей, Гай сначала сидел, потом лег на ветку ничком и замер, повернув лицо к дому.

Джек Корнок сидел в кресле под сливовым деревом. Он был в очках и читал или делал вид, что читает, «Сидней морнинг геральд», держа сложенную вчетверо газету в здоровой руке. Раньше он наверняка читал, потому что обвел четким красным кружком статью о сложном положении Теда Китчинга. Все утро Джек был невозмутим и преисполнен самодовольства, но как только Сидди унес сиденье от качелей в гараж, он забеспокоился и стал поглядывать через край газеты то на Гая, лежавшего на ветви дерева, то на Грету, занятую домашними делами в кухне. Поймав один за другим несколько таких взглядов, Грета вышла из дома. Она двигалась медленно и неохотно. Дойдя до лужайки рядом с фиговым деревом, она увидела Гая и, вместо того чтобы подойти к мужу, направилась к нему.

— Гай, куда делся Сидди?

Гай продолжал все так же смотреть в пространство.

— Я голос дерева,— сказал он нараспев. В эту игру он играл ребенком.

— Гай, где Сидди?

— Соки поднимаются по стволу. Дерево говорит: «Отверстия в сиденье качелей оказались маловаты».

Грета посмотрела на веревку. Жесткая новая веревка закручивалась на конце.

— Веревка не коротковата?

— Дерево спрашивает: «Ты вступила в разговор. Почему?»

Грета взглянула на мужа, Джек опустил газету и пристально разглядывал их обоих.

— Ох, замолчи, пожалуйста,— устало сказала Грета.

— Дерево не может замолчать. А вот и Сидди. Дух дерева скрывается.— Гай вдруг оседлал ветвь.— Джек,— радостно крикнул он,— у вас на полях шляпы какие-то цветочки.

Джек снова сделал вид, что читает.

— Гай повесил не ту веревку, но я расширил отверстия, теперь все в порядке,— сказал Сидди.

— Мам, а когда придет мистер Бертеншоу? — спросил Гай.

Грета смотрела на Гая, онемев от изумления.

— Когда захочет,— выговорила она наконец.— Сидди, вы, конечно, проверите, как завязана веревка?

Пока Грета шла к дому, Сидди пропустил веревку в отверстие сиденья. Гай, сидя верхом, передвинул ее на старое место; закрепляя веревку, он скалил зубы и рычал, показывая, что не жалеет сил. Сидди поднялся с колен, положил руку на развилку дерева и с сомнением взглянул вверх.

— Сейчас принесу лестницу,— сказал он.

— Узлы затянуты как надо.

— Я сказал, что проверю, значит, проверю. Сейчас принесу лестницу.

Гай мгновенно спустился на землю.— Подожди, давай я тебя подсажу.

Сидди покачал головой: — Знаю я тебя и твои шуточки. Сейчас принесу лестницу.

Гай сел на качели. Джек Корнок взглянул на Гая и чуть опустил газету. Гай, держась за веревки, оттянул сиденье качелей назад, громко крикнул: «Я бесстрашный летчик-

испытатель!» — и полетел вперед. Радуюсь, как ребенок, собственной отваге, Гай старался не смотреть на Джека, качели быстро набирали высоту, и с каждым взлетом ноги Гая приближались к человеку в кресле. Джек Корнок сидел неподвижно, не спуская глаз с Гая, но Гай упорно на него не глядел. Качели взлетали выше и выше, при взлете вперед уже шелестели страницы газеты. Джек Корнок мог позвонить в колокольчик, мог положить газету и отъехать в кресле подальше от качелей, но он продолжал играть свою роль — делать вид, что читает газету, — и выдавали его только горящие глаза, устремленные на Гая, а Гай продолжал играть свою роль — опьяненного радостью ребенка. Но вот, взлетев особенно высоко, Гай свесился с сиденья, вытянул ногу и, задыхаясь от смеха, сбил шляпу с головы Джека Корнока. Когда палец Гая коснулся шляпы Джека, их взгляды наконец встретились. В глазах Джека светилось торжество, в глазах Гая — страх. Гай не усидел на качелях. Спрыгивая, он изогнулся в воздухе и, спасая голову от удара, схватил летевшее на него сиденье. Это отвлекло внимание Сидди, выходявшего с лестницей из-за угла дома, поэтому он не сразу заметил, что Джек Корнок вопреки обыкновению сидит в саду без шляпы.

— Качели не сломал? — спросил Сидди.

— Конечно нет, — ответил Гай, чуть не плача.

— Вот так-так, что ты скажешь! Сбросил шляпу. — Сидди прислонил лестницу к дереву, подошел к креслу Джека, поднял шляпу, отряхнул ее и надел хозяину на голову. — Настроение у вас сегодня хорошее, сразу видно, — обрадовался Сидди. — Только газету надо держать крепче.

Джек был явно доволен, но газета, которую он вновь начал читать, дрожала у него в руке. Когда Грета вышла из кухни со стаканом яблочного сока, Сидди стоял, нагнувшись над Джеком.

— А то газета у вас прямо пляшет, — сказал Сидди.

Джек Корнок смотрел на Грету поверх дрожащих листков газеты, видел, с каким трудом она переставляет ноги, и лицо его сияло. Грета остановилась, не дойдя до кресла.

— Тебе, пожалуй, лучше отложить газету, — сказала она.

Сидди осторожно взял газету, но по руке Джека пробежала судорога.

— Таблетку, Сидди,— сказала Грета.— А ты, Гай,— ей пришлось повысить голос,— пойди открой дверь. Это, наверное, Бертеншоу с женой.

Сидди вложил таблетку в рот Джека. Гай побежал по траве к дому. Грета поднесла яблочный сок к губам мужа, потом поставила стакан на столик. Дождаясь, пока подействует таблетка, Грета села на качели и закрыла глаза. Когда Сидди крикнул, что Джек просит ее подойти, Грета с трудом поднялась, и в эту минуту из дома в сад вышли Кейт и Марджори Бертеншоу вместе с незнакомой женщиной, чем-то похожей на Марджори. Кейт Бертеншоу нес в руках портфель.

— А где Гай? — нерешительно спросила Грета, идя им навстречу.

— Он открыл нам дверь и заявил, что должен уйти,— сказал Кейт Бертеншоу.— По-моему, он очень торопился. У Джека взволнованный вид.

Джек по очереди оглядел пришедших и показал скрюченной рукой, что просит всех подойти поближе. Переглянувшись, они окружили Джека: безучастная Грета, сосредоточенный Бертеншоу, ухмыляющийся Сидди, две снисходительные женщины. Джек с торжествующим видом взял дрожащей рукой красную ручку, показал на качели и, указывая буквы в алфавите, составил слово: «Бог». Не очень понимая, что это означает, все одобрительно кивнули. Джек вновь взялся за ручку. «Пар». Он оглядел собравшихся, заметил их недоумение, и огонек торжества погас в его глазах. Сидди отошел, взял лестницу и прислонил ее к фиговому дереву. Кейт Бертеншоу взглянул на часы, Марджори шепотом представила Грете свою подругу. Джек Корнок сердито переводил взгляд с одного лица на другое и вдруг, будто его внезапно осенило вдохновение, издал какой-то нечленораздельный крик, сорвал с головы шляпу и бросил на траву.

Кейт Бертеншоу наклонился за шляпой и пробормотал несколько укориженных слов.

— Ну и ну, Джек! — сказала Марджори Бертеншоу.—

Такой пышной шевелюре, как ваша, позавидовал бы любой мужчина вдвое моложе.

Джек посмотрел на нее с презрением. Марджори смущенно рассмеялась. Джек вырвал шляпу из рук Кейта Бертеншоу, надел на голову и, сжав поля указательным и большим пальцами, лихо сдвинул в сторону. Потом вопросительно заглянул в глаза Кейту и показал здоровой рукой, что готов писать.

Кейт Бертеншоу кивнул и открыл портфель.

— Если вы не возражаете, я вас оставлю,— сказала Грета, повернулась и пошла к дому.

Доминик, Метью, Эмма и Джейсон быстро справились с ланчем и ушли к другу Доминика Дереку. Теперь настал черед взрослых радоваться свободе: они ели, пили, без стеснения подшучивали друг над другом — взрывы смеха то и дело оглашали сад. После одного из приступов веселья Стюарт попросил всех посмотреть на бусы Сильвии и сказать, не лучше ли носить жемчуг с более дорогим платьем. В ту же минуту воцарилось молчание, все принялись внимательно разглядывать бусы. Сильвия коснулась их и торопливо сказала:

— Пока я ношу жемчуг с таким платьем, никто не подумает, что он настоящий, я могу не бояться грабителей.

Минута сосредоточенности и тишины утонула в спорах о бусах, разговоры слились в общий благожелательный гул. Позже, днем, такие же паузы возникали не раз, когда Розамонда или Стивен бросали взгляды на окно кабинета, где заперлись Тед и Мерримен (в отличие от других окон на нем сохранилась черная сетка из гнутых железных прутьев), но эти паузы всегда были коротки, едва заметны и тут же тонули во вновь разгоравшемся общем веселье.

Стюарт и Сильвия ушли около пяти. Они поцеловали Розамонду и уехали, Розамонда, проводив их, вернулась в гостиную, где Гермiona со Стивеном и Имоджин ждали двух старших детей, чтобы тоже ехать домой. В саду прислуга Розамонды, получавшая в субботу двойную плату, убирала стол. У нее на шее висел транзистор, Тед окликнул ее

через окно и попросил выключить приемник — единственное, чем он обнаружил свое присутствие в доме.

Розамонда спросила у Стивена, не хочет ли он еще кофе или вина, но он решительно покачал головой. Когда Эмма и Джейсон вошли в комнату, Стивен вскочил и заявил, что они немедленно уезжают. Озадаченная Розамонда, провожая их, наклонилась к окну машины и примирительно улыбнулась Стивену, он вежливо попрощался с ней, но, едва отъехав, дал волю своему гневу:

— Мог, по крайней мере, показаться!

— Кто? — спросил Джейсон.

— Неужели это так важно? — сказала расстроенная Гермiona.

— Кто мог показаться? — выкрикнула Эмма.

— Дядя Тед, — ответил ей Джейсон.

— Какая отвратительная грубость, — одновременно с ним сказал Стивен.

— Ты сто раз говорил, что не уважаешь его, — рассердилась Гермiona. — Стоит ли тогда обращать внимание на такие пустяки?

— Не в этом дело. Речь идет об элементарной вежливости.

— Ох, как я ненавижу эти твои нравоучения. Ничего за ними нет, кроме трусости.

— Что? — закричал Стивен.

— Ты знаешь, что Теду на тебя наплевать. Тебя это задевает.

— Меня это задевает? Его невоспитанность!..

Но Гермiona уже отвернулась к окну.

Розамонда сидела в кресле перед большим окном.

— Удивительно, — сказала Розамонда. — Просто удивительно. Я передала Сильвии маленький стеклянный кувшинчик и сказала: «Налей сюда соус, я отнесу этим двум негодьям». И вдруг поняла, что вовсе не шучу, что уже давным-давно знаю, кто вы такие.

Тед ходил взад и вперед по небольшому пространству между креслом, где сидела Розамонда, и окном, за которым виднелись багрово-синее небо, сверкающая темная вода

и гроздьа огней.

— Какое там давным-давно,— сказал Тед.— Все началось, когда земельные участки стали собственностью государства.

— Значит, четыре года тому назад.— Розамонда снова заплакала, сунула два пальца за лифчик, достала бумажный носовой платок и вытерла глаза.— Ты говоришь, мы все равно останемся богатыми,— сказала она.— Кто же тогда обеднеет? Держатели акций? Мелкие компании?

Тед наконец остановился.

— Мне до черта надоело слушать про держателей акций и мелкие компании. Рискуют ерундой, зато требуют хороших барышей! Ладно, хватит, послушай, дорогая,— Тед решительно наклонился над женой: — Вылези из этого старого халата, приведи в порядок лицо, надень свое черное платье и давай немного проветримся, поедем покатаемся.

— Ты меня повезешь в дом, где хозяин — преступник. Прежде мне это было интересно. Но теперь я могу наслаждаться обществом преступника в своем собственном доме.

Тед улыбнулся, его брови дернулись.

— В твоём доме живет все-таки не совсем обычный преступник.

— Что не помешает вынести ему обычный обвинительный приговор.

— Исключено.— Тед снова подошел к креслу.— Довольно, Роза. Мне трудно сегодня оставаться дома. Я хочу пойти куда-нибудь. Мне надо разрядиться. В последнюю неделю я совсем измотался, пошли, дорогая, вылезай из кресла.

Но Розамонда сказала: — Мальчикам придется оставить школу.

— Я тебе сто раз повторял: не придется.

— Они сами не захотят остаться. Метью не захочет.

— Метью несовершеннолетний, он будет делать то, что ему скажут.

— Зато я совершеннолетняя.

— Что?

Розамонда съежилась под взглядом мужа, но повторила: — Я совершеннолетняя. Я взрослый человек. И я не хочу жить с негодяем.

— Ты от меня отказываешься? — изумился Тед.

— Ох, я не знаю. Не знаю.

— Не знаешь! — Тед удивлялся все больше и больше.— Ты что думаешь, мне этого хотелось? Мы пытались откупиться, тебе это известно. Нас загнали в угол. И это мне, мне, мне достались все шишки и синяки.

— Но ведь это ты все наделал! — крикнула Розамонда.

— О том и речь. Я, а не ты. Ты способна только сидеть здесь и ныть. Хватит! Идешь ты со мной или нет?

Розамонда снова вытатила носовой платок и вытерла глаза.

— Нет,— сказала она.— И если ты не порвешь с этим негодяем, я не смогу остаться с тобой. Не смогу.

Стюарт отвез Сильвию в ее квартиру на Мэкли-стрит, она тут же легла в постель и заснула. Проснувшись Сильвия в темноте и скоро поняла, отчего ей не по себе: она провинилась перед Гарри, нарушив одно из неписанных правил любовного кодекса, согласно которому должна была прямо от Розы вернуться к нему. И конечно, когда она позвонила, Гарри отвечал сухо. Тогда Сильвия решила не торопиться. Она снова пристроила на голове полиэтиленовый мешочек вместо купальной шапочки и пока снимала перед зеркалом бусы и любовалась их розоватым сиянием, пришла к мысли, что Стюарт прав: жемчуг нужно носить с более изысканным платьем. В эту же минуту в ней вдруг проснулась застарелая жажда роскоши, желание завладеть множеством самых разных вещей клещами сжало сердце, и, на мгновение лишившись разума, она лишилась возможности четко представить себе каждую из этих вожаделенных вещей, но сверкающая сеть безумия все равно волокла их все к ее ногам.

Отрезвление наступило немедленно. Полное отрезвление. Впервые в жизни она была в состоянии не только сформулировать свое решение отказаться от всех этих побрякушек, но и подкрепить его осмысленными доводами. Сильвия почувствовала себя свободной и беззаботной. Она торопливо приняла душ — так как теперь ей хотелось поскорее увидеть Гарри и рассказать ему, что наконец-то она полностью

разделалась с давней болезнью, упорно гнездившейся где-то в глубине ее души. Она нетерпеливо ходила по комнате и, одеваясь, наткнулась на старый конверт, на котором как-то утром наспех подсчитала свои расходы в Сиднее и обвела кружком с завитушками остаток, с каким рассчитывала начать жизнь в Риме. Надевая через голову платье, Сильвия машинально вычла из этой суммы деньги, необходимые, чтобы прожить в Сиднее лишний месяц.

Сильвия застала Гарри за письменным столом. Она сразу почувствовала, что Гарри все еще сердится. Сильвия нагнулась, прижалась щекой к его щеке и подумала, что Маргарет, наверное, часто заставляла Гарри в таком состоянии. Она осторожно потерлась щекой о его щеку.

— Я принесла целую кучу сплетен.

— Ты умеешь быть такой нежной,— сказал Гарри, не поворачивая головы.

Сильвия не изменила позы.

— Если хочешь, поговорим серьезно. Или посплетничаем. А может, лучше...

Сильвия обрадовалась, когда Гарри рассмеялся. Юмор всегда спасал его от излишней придирчивости, помогал идти на уступки. Позднее, когда они в темноте сидели у окна и разговаривали, а ее пальцы произвольно перебирали бусины, Сильвия подумала, что эта нитка жемчуга тоже спасает ее от излишней придирчивости.

2

Тед Китчинг проснулся в комнате с грязными розовыми стенами и поблекшими занавесками на окнах, никогда не видевших солнца. За туалетным столиком спиной к нему сидела девушка-вьетнамка, с которой он провел ночь.

Подняв руки, она укладывала и подкалывала длинные волосы. Уже почти час сидела она голая на стуле, дожидаясь, когда Тед проснется, но сейчас старалась не встретиться в зеркале с его глазами и делала вид, что не подозревает

о его присутствии. Американцам было трудно произносить ее настоящее имя, поэтому они называли ее Джеки. Позднее из любви к французскому она взяла себе фамилию Тон, а так как, исходя из правил английской фонетики, Тон иногда произносили как Тан, она добавила еще одно «н» и стала Джеки Тонн.

Джеки было двадцать пять лет, но большинство австралийцев и американцев охотно верили, что ей восемнадцать. Подколов волосы, Джеки наклонилась вперед, почти касаясь своего отражения в зеркале. С величайшим вниманием и осторожностью она прикоснулась мизинцем к уголку глаза, будто достала соринку. Потом повернулась на стуле, выпрямила спину в струнку, всунула ноги в туфли на высоких каблуках и встала. Решительным шагом она подошла к стулу, где поверх ее дорогого завлекательного вечернего одеяния лежали трусики и платье, приготовленные на сегодняшний день.

Тед оглядел комнату.

— Будь я проклят, если помню, как здесь оказался.

Джеки не обратила ни малейшего внимания на это глубокомысленное замечание. Натягивая трусики, она нагнулась, показывая Теду, что даже в этой позе ни единой складочки не появляется у нее на талии, а груди остаются неподвижными.

— Джеки! — вдруг вспомнил Тед.

— Да.

Джеки произнесла скорее «дя», пытаясь скрыть американский акцент, выдававший ее возраст, и заодно подчеркнуть, что торопится и ничуть не дорожит обществом Теда. Джеки попала в Сидней потому, что была смешлива и смазлива, но довольно скоро одна китайка из Малайзии, научившаяся с неприступным видом и суровым взглядом править собственной машиной, объяснила ей, что смешливость и смазливость не приведут ее ровным счетом никуда. А по мнению этой китайки, место, куда следовало попасть, должно походить на картинку в рекламных объявлениях журналов с глянцевиной обложкой.

— Как твоя фамилия, Джеки? — спросил Тед.

Джеки взяла в руки платье.

— Я тебе вчера сказала,— с полным безразличием ответила Джеки.

— Я забыл.

Джеки накинула платье на голову.

— Тонн,— громко сказала она.

Одно движение гибкого тела, и Джеки оказалась в плотно облегающем платье великолепного покроя холодного темно-синего цвета. Тед посмотрел, как она застегивает пояс, обвел взглядом комнату. Нахмутив брови, он снова взглянул на вечернее платье и лежавшие под стулом серебряные туфли.

— Что ты, черт побери, делаешь в этой берлоге? Или, вернее, что я тут делаю?

— Я жду возможности снять хорошую квартиру,— сказала Джеки.— Приличную квартиру трудно найти.

— Не хватает капиталов, да, Джеки?

Его улыбка заставила Джеки зажать рот рукой, чтобы не прыснуть в ответ, но Тед уже разразился громовым хохотом, повалил Джеки на кровать, и ее смешливость вновь одержала победу.

В полдень Розамонде позвонил Дуглас Мэрримен и сообщил, что сегодняшний и, по крайней мере, завтрашний день Теду лучше провести вне пределов досягаемости, даже для Розамонды. Не смущаясь ее молчанием, он сказал, что завтра сам будет отвечать на вопросы, так как лучше Теда умеет разговаривать с репортерами.

— Как будет с телевидением, не знаю. Они, конечно, захотят снять дом и мальчиков. Тед просил не пускать мальчиков в школу, пусть сидят дома. Подходите к телефону, только если раздастся условный звонок. Тед будет звонить так: три звонка, потом еще три.

— Я не люблю бросать трубку, с кем бы я ни разговаривала,— сказала Розамонда.— Даже с вами.

— Вы, дорогая, зря считаете меня злым гением Теда. Моя жена думает то же про вашего мужа.

Розамонда положила трубку. Дома не было никого, кроме нее. Мальчики ушли очень рано, захватив непромокаемые костюмы и доски для серфинга. Забравшись с ногами в крес-

ло, Розамонда полюбовалась на воскресные яхты, обкусала ноготь большого пальца и позвонила матери.

— Мама, я лучше скажу тебе сейчас, потому что завтра ты прочтешь об этом в вечерних газетах.

— Мы не получаем вечерних газет, родная. Я как раз собиралась тебе позвонить. Папе очень нехорошо.

— Ты считаешь, что ему стало хуже?

Грета говорила громко, безжизненным, ломким голосом:

— Началась кома.

— Боже мой! — едва слышно откликнулась Розамонда.

— Вчера он вел себя очень странно. Снял шляпу, швырнул на траву. Потом ему стало лучше, а потом, уже в доме, это случилось.

— Врач был?

— Конечно. Хотя непонятно зачем.

— Как ты сама, мама?

— Я... что ж... жду.

— Папа... он останется дома?

— Он так хотел. Ты знаешь, как он относится к больницам. Позвони, пожалуйста, Гермине сама.

— Хорошо, — сказала Розамонда, — я тогда не стану ничего тебе рассказывать, это слишком длинный разговор.

— Если ты про Теда, не нервничай, Роза. Тот, кто нажил одно состояние, наживет и другое, а Тед еще молод. Дом вам, наверное, придется продать.

— Мама, — сказала Розамонда, — мне бы не хотелось...

— Пришел врач. Мне надо идти.

Розамонда сжала трубку обеими руками.

— Мама, одну минуту. Я завтра не буду подходить к телефону, если тебе что-нибудь понадобится, звони два раза: три звонка, потом еще три, тогда я сниму трубку.

— Три звонка, потом еще три, — с тупой покорностью повторила Грета. — Хорошо, родная. До свидания, не тревожься.

Розамонда положила трубку и расплакалась; вода в гавани заискрилась серебряными звездами. Розамонда уже давно не смотрела на гавань сквозь слезы, со времен первых ссор с Тедом, когда они еще только поженились и снимали квартиру на берегу Элизабет Бей. Розамонда вытерла глаза

и позвонила Гермione, но у Гермione никто не ответил, тогда Розамонда позвонила Гарри. Выслушав ее, он вежливо, почти официально, сказал:

— Мне очень жаль, Рози.

— Судя по твоему тону, ты ничуть не удивлен.

— Видишь ли...

— Я одна. Тед скрывается, как в кино,— поторопилась добавить Розамонда,— приходите.

— Мы с Сильвией как раз собрались пойти к маме.

— Но захочет ли мама...

— Мне не понравился ее голос по телефону. Сильвия имеет право... Он умирает, ты знаешь.

— Знаю.

— Сильвия никак не может поверить. Не тоскуй, Рози. Где Мин?

— Я звонила, никто не отвечает.

— Позвони кому-нибудь из друзей.

— Скажи: «Мой муж отъявленный негодяй» — и посмотри, что будет? Одна сумеет этим пренебречь, может быть, две, но как раз их мужья наверняка не сумеют. Инстинкт. Так легче сохранить душевный покой, а заодно дом. Ничего, Гарри. Не беспокойся обо мне. Я сейчас снова позвоню Мин. Да, Гарри, если тебе что-то понадобится, звони два раза: три звонка, потом еще три, тогда я сниму трубку.

Розамонда снова набрала номер Гермione, к телефону подошел Джейсон.

— Они все поехали смотреть дом, тетя Рози.

— В воскресенье?

— Частная продажа. Простите, тетя Рози, мне надо идти.

— Что случилось?

— Мы играем. Я играю с Николасом Смитом.

— Джейсон, попроси маму позвонить мне, когда она вернется. Скажи, что это важно.

— Хорошо.

— Скажи ей, пусть звонит два раза: три звонка, потом еще три.

В гавани начался шторм, на синевато-сером небе появились фиолетовые облака, по зеленой воде стремительно

побежали сверкающие белые барашки. Через несколько минут в комнату с шумом ворвались промокшие возбужденные мальчики.

— Идите и обсушитесь,— сказала Розамонда,— мне нужно с вами поговорить.

— Мы же только переодеться,— сказал Доминик.— Мы идем к Дереку.

— Вы, кажется, хотели узнать о банкротстве отца? Я расскажу вам, когда вы переоденетесь.

Мальчики немедленно примолкли.

— Скажи сейчас,— попросил Доминик.

— Неприятностей нам и так хватит, незачем добавлять к ним еще воспаление легких. Идите и переоденьтесь.

Пока мальчики переодевались, дождь прекратился, ветер унес фиолетовые тучи, небо вновь радостно засияло.

— Так вот,— сказала Розамонда, отпив глоток джина,— некоторые из компаний отца оказались неплатежеспособными, но сам он не обеднел, ему не придется продавать дом.

— Это не имеет значения,— сказал Доминик.

— Если только он не мошенник,— неуверенно проговорил Метью.

— Этот вопрос вы зададите ему сами, когда он вернется.

— А когда он вернется? — спросил Метью.

— Да, и где он все-таки сейчас? — спросил Доминик.

— Его не будет дома ни сегодня, ни завтра. Я не знаю, где он. И еще, отец хочет, чтобы вы завтра не ходили в школу, потому что вас могут изловить репортеры или телевизионщики.

— Я не останусь дома,— заявил Метью.— Если человек не хочет, репортеры не могут заставить его говорить.

— Все-таки, наверное, могут,— неуверенно сказал Доминик.

— Я вас предупредила,— продолжала Розамонда.— Но это не все. Я уйду от вашего отца. Я вам никогда ничего подобного не говорила, верно? — Доминик и Метью молчали.— Верно? — Они кивнули.— Значит, вы понимаете, что я говорю не просто так. А теперь идите.

Гарри и Сильвия вошли к Корнокам через садовую калитку. Грета сидела в кресле лицом к дому и не заметила их. Сильвия услышала шепот Греты, жестом остановила Гарри и посмотрела на него с неммым вопросом.

—... тянулась за угол Пит и Кинг-стрит. Ювелирный магазин, где...

Листья акации вдруг зашелестели и заглушили голос Греты. Гарри сделал шаг вперед.

— Мама?

Грета обернулась и несколько мгновений смотрела на них невидящими глазами. Потом наконец улыбнулась и встала.

— Как Джек, мама? — спросил Гарри.

— Без перемен.

— Сидди с ним?

— Да.— Грета принялась за шитье.— Подшиваю новые кружева к нижней юбке. Сильвия, ты пришла посидеть с отцом? Что ж, иди. Только не отпускай Сидди — вдруг понадобится.

Сильвия вошла к отцу, кивком поздоровалась с Сидди. Он свертывал сигарету.

— Вы не возражаете, если я закурю, мисс?

Сильвию мутило от запаха его немытого тела. Она улыбнулась и сказала, что лучше бы ему покурить в другом месте.

— Я позову вас, Сидди, если что-нибудь понадобится.

Уступчивый, как всегда, Сидди тут же поднялся:

— Я буду перед домом.

С табаком на ладони и папиросной бумагой, висевшей для сохранности на нижней губе, Сидди на цыпочках вышел из комнаты, его грубые башмаки громко скрипели.

Сидя рядом с матерью в садовом кресле, Гарри положил руки на колени, сцепил пальцы, наклонился и заглянул матери в лицо.

— Мама, что ты тут шептала?

— Разве я шептала? — Грета разглядывала пришитые кружева, растянув их на ладони.— Прежде чем выбросить какую-нибудь вещь, мы с тетей Эдит выдергивали завязки,

шнурки, срезали пуговицы, потом вырезали не слишком изношенные куски и пускали на тряпки.

— Про тетю Эдит мы все знаем. Ты шептала о чем-то другом.

— Да, про нее мы как-то уже разговаривали.

— Я не стал бы настаивать, но я не сомневаюсь, что тебе хочется с кем-то поговорить.

— Когда тебе хочется с кем-то поговорить, разве ты непременно приходишь ко мне?

— Нет.

— А я необязательно обращаюсь к тебе.

— Реже всего ко мне или к кому-нибудь из нас.

— Ах, вы же все время куда-то мчитесь. У вас так мало времени.

— У нас найдется время. У меня найдется время. Ты сама держишь нас... меня... да, всех нас... держишь на расстоянии.

— Ах, слишком поздно об этом говорить,— Гретой вдруг овладело нетерпение,— мне уже поздно менять привычки.

— Ну, тогда прости.— Гарри разжал пальцы и откинулся в кресле.— Ты знаешь о неприятностях Теда?

— Ах уж этот Тед с его неприятностями.

— Мама, Роза просила тебя позвонить сегодня или завтра.

— Конечно, конечно,— с сочувствием сказала Грета.— Бедная Роза. Я позвоню.

— Звони два раза: три звонка, потом еще три. Перед уходом я напишу в телефонной книжке.

— Ты разговариваешь со мной, будто я выжила из ума.

— У тебя столько забот. Такие записки очень помогают. Когда появились новые качели?

— Вчера. Сидди с Гаем повесили их как раз перед тем, как Джек почувствовал себя плохо.— Грета снова расправила кружева, внимательно их оглядела, потом покачала головой и опустила подбородок.— Сильвия, возможно, получит весьма значительную сумму. Она твердо решила вернуться в Рим?

— Да,— коротко ответил Гарри.

Грета улыбнулась, глядя на кружева.

— Вот видишь, стена между нами — это иногда совсем неплохо. Что ж, так или иначе, дорогой, Сильвии уже поздновато иметь детей. И в любом случае она не из тех женщин, которые к этому стремятся.

Гарри засмеялся.

— По-моему, ты права. Голос у тебя сейчас гораздо лучше, чем по телефону.

— Голос бывает лучше, бывает хуже. Ты из-за этого приехал? Из-за того, как я говорила по телефону?

— Отчасти, мама.

— Что ж, спасибо, Гарри. Как видишь, сейчас все в порядке. Не сочти меня неблагодарной, но мне нужен покой, я не хочу, чтобы меня тревожили.

— Сильвия имеет право...

— Конечно,— согласилась Грета с той же поспешностью, с какой привыкла уступать притязаниям Молли.— Вы ведь с ней не сиамские близнецы. Сильвия вполне может приехать одна.

— Она не нарушает твоего покоя?

— Это я в состоянии вынести,— сухо ответила Грета.— Поезда ходят достаточно часто. Пусть приезжает когда хочет. Хотя она ничего не может сделать. Ничего. Сегодня прекрасная погода. Поскольку она уже выполнила свой долг, почему бы тебе не поехать с ней куда-нибудь?

Гарри встал, положил руку на плечо матери. Когда он наклонился и поцеловал ее в щеку, Грета опустила шитье на колени и, на мгновение потеряв власть над собой, схватила его руку в свои.

— Прости, родной,— проговорила она.

— Ну что ты,— мягко ответил Гарри.— Пойду спрошу Сильвию, что она собирается делать.

В холле Гарри вырвал из блокнота страницу, заполненную Гретиными геометрическими узорами, и написал, как звонить Розамонде. Дверь в комнату Джека была полуоткрыта, Гарри постучал и вошел.

Увидав, что Сильвия стоит на коленях, засунув руку под платяной шкаф, Гарри поспешил к ней и только искоса взглянул на кровать. Джек Корнок лежал на смятых простынях, одна его рука свисала с края постели. Услышав

шаги Гарри, Сильвия повернула к нему пылающее, мокрое от слез лицо и с трудом поднялась на ноги, сжимая в пальцах одну жемчужину. Она вынула из кармана оборванную нитку бус и, держа жемчуг в сложенных ковшиком ладонях, растерянно смотрела на Гарри.

— Ты подобрала все жемчужины? — тихонько спросил Гарри.

— По-моему, да.

— Где Сидди?

— В саду перед домом. Я сказала, что он может выйти,— Сильвия едва заметно улыбнулась.— Запах...

Гарри подошел к кровати, расправил простыни, положил руку Джека на одеяло и попытался нащупать пульс.

— Он был в сознании, когда сорвал бусы? — тихонько спросил Гарри.

— Вряд ли,— неуверенно ответила Сильвия и добавила ни с того ни с сего: — Он открыл глаза. Он открыл глаза...

— Лучше попросить Сидди вернуться.

Сильвия кивнула. Пока они шли к двери, она сказала:

— Он принял меня за Грету, когда открыл глаза.

— Почему ты так думаешь?

— Однажды я видела, как он смотрел на Грету такими же глазами.

За дверью Гарри остановился, задержал Сильвию и взял ее сложенные ковшиком руки в свои.

— Я боялся, что случится что-нибудь такое.

— Боялся за мать?

— Да.

— А она боится?

— Не этого. Думаю, что этого она не боится. Она осторожна, ничего больше. Очень осторожна.

— Грете все равно придется поместить его в больницу.

— Конечно.

Гарри и Сильвия посидели с Гретой еще минут десять, старательно поддерживая бессмысленный разговор, но когда Гарри сказал, что хорошо бы перевезти Джека в больницу, Грета в очередной раз оторвала нитку и пробормотала, что в этом нет никакой необходимости.

— Я пригласила опытную сиделку,— сообщила она.

Вдевая нитку в иголку, Грета подняла голову, и Гарри одновременно с Сильвией увидел у нее на шее синяк, закрытый прежде воротником.

— Зачем, собственно, нужна сиделка? — сердито спросил Гарри.

В это время в дверь позвонили, и через минуту Гарри впустил в дом плотного молодого мужчину с курчавыми рыжими волосами и курчавой рыжей бородой, которого никто никогда даже в страшном сне не принял бы за сиделку. Мягким, ласковым голосом мужчина сообщил, что его зовут Бенджамин Томас или просто Бен.

Гарри и Сильвия доехали до Карин-гей Чейз и пошли к морю по одной из узких тропинок, протоптанных на высоком плоскогорье среди жалкого низкорослого кустарника. Сильвия вспомнила, как приходила сюда когда-то со школьными друзьями, они тогда казались себе высокими, смелыми и могущественными, а потому дурачились, кричали и пели. Сегодня она хмурилась и сердилась, хотя не знала, на кого обратить свой гнев. Сначала они с Гарри беспорядочно обменивались впечатлениями о Грете и Джеке, но потом Гарри ушел вперед.

Постепенно настроение Гарри переменялось, он улыбался и кивал, а это означало, что ему здесь нравится. Тогда заулыбалась и Сильвия. Низкий кустарник уже не казался ей таким жалким. Под худосочными, покрытыми паутиной листьями росло много цветов, таких крохотных, что Сильвии приходилось садиться на корточки, чтобы их разглядеть. Только обилие этих цветов чуть нарушало однотонность зарослей кустарника. Гарри замедлил шаг, они снова шли рядом.

— Мама шептала что-то про угол Пит и Кинг-стрит, когда мы пришли. Это она вспоминала очередь, которую выстояла, чтобы получить работу.

— В ее возрасте большинство людей охотно рассказывают о трудностях, пережитых в молодости.

— Она никогда не говорит о своих унижениях.

— Ты видишь в этом какую-то закономерность?

— Да.

Когда дорога пошла вниз, они замолчали, тишину нарушал только звук их собственных шагов. Время от времени Сильвия останавливалась полюбоваться цветами или поднимала и пристально разглядывала какой-нибудь маленький желтовато-коричневый или бледно-голубой камушек, едва заметный на грязно-белой тропинке. В узкой промоине кустарник, высоко поднимавшийся по обеим сторонам тропинки, напомнил Сильвии клумбы Ботанического сада, и она невольно сравнила щедрое изобилие сада с неприветливой упрямой порослью рядом с собой и пряный аромат цветов в саду с едва ощутимым, часто пропадавшим запахом кустарника. Если Сильвия останавливалась, Гарри тоже останавливался, но поджидал ее с отсутствующим видом. Сильвия понимала, что он все еще погружен в мысли о матери, так же как и прежде, когда бы они ни заговаривали о Грете, Гарри каждый раз надолго умолкал и уходил в себя. Они начали размышлять об отношениях между Гретой и Джеком очень несмело, еще в ту пору, когда Гарри сел за руль своей первой машины. Они размышляли об этом уже смелее, бродя по городу, лежа на пляжах, на лужайках парков. Но только четыре года назад в Лондоне Сильвия, во время длинного разговора с участием жены Гарри Маргарет, робко упомянула о своей детской враждебности к Грете. Она сделала это после того, как Гарри признался в своих враждебных чувствах к Джеку, правда, Гарри добавил, что они с Розамондой настолько вошли в роль помощников Греты и опекунов двух младших детей, что, стараясь подавать им пример доброжелательности, он почти полностью преодолел себя.

Долгий разговор в Лондоне начался с того, что Гарри рассказал Сильвии и Маргарет, как газетное сообщение о разводе Джека и Молли Корнок своим тоном — сочетанием грубого юмора с претензиями на аристократизм — раздражило его любопытство и привело к тому, что позднее, дожидаясь, пока ему принесут книги из хранилища, или закончив определенную часть работы, он стал просматривать газеты в зале периодики. Среди фотографий отмеченных наградами баранов и спортсменов, молодых женщин, ожидавших представления ко двору, политических деятелей,

возлагавших венки к памятникам анзакам*, ему иногда попадались фотографии самих анзаков, и он неотступно думал об отце своей матери. Гарри просматривал объявления о распродаже товаров, выписывал цены, читал биржевые сводки не потому, что отыскивал какие-то нужные ему факты, он просто надеялся с помощью всех этих общих сведений понять сущность, разглядеть подлинные контуры прошлого. Он видел, как рубрика объявлений с предложениями работы хирела, а сообщений о продаже домов «по распоряжению кредиторов» становилось все больше. Гарри просматривал газеты и сравнивал свои впечатления с неиссякаемыми еженедельными рассказами Греты. По его просьбе Грета показывала фотографии матери и отца, сохраненные для нее тетей Эдит, и выцветшую фотографию тети Мод, которую едва помнила, так как жила у нее до того, как ее взяла к себе тетя Эдит. Для детей Греты жизнь матери начиналась с того времени, когда тетя Эдит забрала ее от тети Мод.

Тетя Эдит была старой девой и служила в судостроительной конторе. У Гарри сложилось впечатление, что, забрав Грету от Мод, тетя Эдит чуть ли не спасла ее от гибели. Во всяком случае, Грете, видимо, было очень хорошо у тети Эдит, так как она часто и с удовольствием о ней рассказывала, даже слишком часто, потому что в какой-то момент имя тети Эдит превратилось почти в символ, и Розамонда, так же как Сильвия, выбрасывая чулки со спущенными петлями, не забывала сказать, что тетя Эдит, конечно, просидела бы всю ночь и подняла бы все петли. Тетя Эдит и Грета вместе хлопотали по хозяйству, а по вечерам под звуки радио чинили, шили, вышивали или читали взятую в библиотеке книгу, сидя рядом за обеденным столом, причем в первые годы тетя Эдит не переворачивала страницу, дожидаясь, пока Грета дочитает до конца, а потом, когда Грета подросла, она дождалась, когда дочитает тетя Эдит.

В тридцатом году тетя Эдит лишилась работы, об этом

* Анзак (сокращение от Australian and New Zealand Army Corps) — Австралийский и Новозеландский армейский корпус в первой мировой войне; анзаки — солдаты этого корпуса.

времени Грета рассказывала не так подробно, она только говорила, что, к счастью, была уже достаточно взрослой, чтобы оставить школу и начать работать.

Тетя Эдит призналась Гарри, что никому об этом не сказала и продолжала получать Гретины продовольственные талоны. В сад позади своего крошечного коттеджа в Питерсхэме она пускала лишь тех, кого хорошо знала, потому что боялась, как бы работники из отдела социального обеспечения не прослышали про ее огород и не лишили ее самое продовольственных талонов или пособия, когда вместо талонов начали давать деньги. Беспокоилась тетя Эдит напрасно, но ее рассказ показался Гарри весьма поучительным. Тетя Эдит твердила, что Грета поклялась никому не рассказывать про огород, но Грета со смехом заявляла, что совершенно этого не помнит.

И конечно, тетя Эдит первая сказала Гарри, что его отец вовсе не всегда был «со странностями». Хью Полглейз служил в той же судостроительной конторе, что и тетя Эдит. Тетя рассказала Гарри, что увлечение спиритизмом, столоверчением были очень модны в то время, поэтому никто не удивился, когда Хью Полглейз начал читать и цитировать книги индийских мистиков. Никому не могло прийти в голову, что он отрастит бороду, начнет носить домотканые рубахи и, после нескольких вежливых предупреждений, лишится работы. Когда тетя Эдит узнала, что Хью Полглейз хочет поселиться на ферме в окрестностях Парэмметы вместе с людьми, которых он называл «своими последователями», она предложила Грете остаться у нее в Питерсхэме. Но Грета уехала с мужем.

Тетя Эдит пустила к себе жильца, бледного тихого юношу астматика, по имени Винсент. Он изредка возил тетю Эдит к Грете на своей машине, но тете Эдит было тяжело видеть, как живет Грета, и она приезжала к ней все реже и реже. Несмотря на требования мужа, Грета отказалась кормить детей только скудными дарами земли, арендованной на деньги последователей Хью Полглейза. Грета работала в бакалейной лавке в ближайшем поселке и отвозила Гарри в начальную школу по соседству на том же автобусе, на каком ездила в поселок. После школы Гарри приходил

в магазин и сидел в подсобке среди коробок и ящиков, дожидаясь, пока Грета кончит работу и отвезет его домой. Он помнил, как они в темноте выходили из автобуса и с фонариками в руках пробирались домой по огороженным пастбищам. Когда Хью Полглейза посадили в тюрьму, небольшая коммуна продолжала жить, как прежде, в деревенском доме и нескольких сараях, но последующие события ненадолго вывели ее из неизвестности, так как отказ Хью Полглейза от военной службы, его появление со своими единомышленниками в суде, их широкие рубахи, длинные волосы и своеобразная диета привлекли внимание прессы, и позднее Гарри с большим интересом прочел об этом процессе в старых газетах. После освобождения Хью Полглейза из тюрьмы преданные последователи восприняли крайнее истощение и другие перемены во внешности своего учителя как доказательства его святости, но когда было установлено, что Хью Полглейз болен лейкемией, они один за другим его оставили. Объяснения тети Эдит, что все они были страшно суеверны, неуравновешенны и разбежались, наверное, потому, что боялись заразиться, показались Гарри вполне правдоподобными. Грета привела Гарри и Розамонду в больницу попрощаться с отцом. Хью Полглейз положил руку на голову Гарри и произнес несколько слов о земле, которые Гарри тут же забыл. Розамонда спряталась под кровать, что Грета сочла за благо, поэтому Розамонде Хью Полглейз не сказал ничего. На следующий день он умер.

Настойчивость, с какой Грета — привлекательная, практичная, честолюбивая молодая женщина — пыталась сохранить этот брак, можно было объяснить только приговором, со вздохом вынесенным тетей Эдит: любовь, надежда, жалость. Маргарет, Сильвия и Гарри, тогда в Лондоне, единодушно решили, что Грета всей душой любила мужа, долго надеялась, что он вернется к нормальной жизни, а в последние годы жалела его так же сильно, как когда-то любила.

После смерти Хью Полглейза тетя Эдит приехала к Грете и снова предложила ей кров в Питерсхэме. Этот визит тети Эдит Гарри запомнил особенно хорошо. «Все будет

как в прежние времена», — сказала тетя Эдит, а Грета ответила: «Нет, тетя, так уже не будет». Гарри ел пирог, привезенный тетей Эдит, и когда понял, что мать отказалась к ней переехать, громко разрыдался, крошки пирога веером разлетелись у него изо рта и обсыпали тетю и мать. Тетя Эдит уехала в машине Винсента, а Гарри долго топтался вокруг матери, хныкал и без конца спрашивал, почему они не могут поехать к тете, пока Грета вдруг сердито не приказала ему замолчать. Так Грета начала новую жизнь: она стала решительной, властной, скрытной и, почти не меняясь, осталась такой до конца своих дней. Только спустя много лет Гарри понял, что их переезд прогнал бы из дома Винсента, с которым тетя Эдит жила в добром согласии до самой смерти.

Грета, беременная Гаем, вернулась в Сидней с тремя детьми. Все, что было потом, Гарри и Розамонда уже прекрасно помнили. Гарри считал, что именно тогда Грета обратилась за помощью к семье Хью Полглейза и получила отказ. Он знал, что у него есть родственники в Сиднее, но в ответ на его вопрос Грета сказала, что она их не знает и знать не хочет.

После рождения Гая Грета работала в швейной мастерской, ее заработок вместе с комиссионными за проданные вещи кое-как хватало на содержание семьи. Но недавняя война вызвала страшную нехватку жилья. Люди платили тайком огромные деньги за возможность получить ключ от квартиры или от дома (и по крайней мере одно состояние было нажито в Сиднее именно таким образом). Грете, чтобы «получить ключ», нужно было потратить весь свой годовой заработок. Некоторые квартирные хозяйки относились к ним хорошо, и Гарри думал, что все они, наверное, пытались помочь их семье. Даже у той женщины, которую он ударил щеткой для чистки ковров, вначале, может быть, тоже были самые лучшие намерения. Но как-то так получалось, что шум и беспорядок, неизбежные при четырех детях, мокрые постели, ссоры, простуды, натянутые нервы вечно переутомленной, измученной заботами матери делали свое дело: хозяйки не выдерживали и превращались в злобных придири или тиранок. Когда в Лондоне, разговаривая с Маргарет

и Сильвией, Гарри попытался представить себе, какие события повлияли на жизнь Греты, он понял, что в первую очередь это была вовсе не первая мировая война и не эпидемия инфлюэнцы, не годы депрессии или вторая мировая война, — нет, больше всего Грета пострадала от самого заурядного стечения обстоятельств: послевоенной нехватки жилья, когда она наверняка чувствовала себя как бездомная кошка со скулящими котятами. Сильвия и Маргарет не соглашались с ним, они говорили, что Гарри придает такое значение послевоенному жилищному кризису только потому, что помнит их собственные квартирные мытарства, но Гарри стоял на своем и постоянно восхищался матерью, так как в конце концов она сумела без чьей-либо помощи поселить их всех в приличной квартире и найти няню-испанку, о которой они с Розамондой всегда вспоминали с нежностью. При этих словах Сильвия неизменно умолкала, так как плата за Гретины труды — она ходила из дома в дом и предлагала косметику — казалась ей неправдоподобно высокой, и втайне она больше верила громогласным заявлениям Молли, утверждавшей, что Джек Корнок знал Грету дольше, чем говорил всем, и с начала их знакомства давал ей деньги.

Тропинка продолжала идти вниз, в конце глубокой промоины показался треугольник моря.

Догнав Гарри, Сильвия спросила: — Нам хватит времени спуститься к морю и вернуться к машине до темноты?

— Если поторопимся, хватит.

Но когда тропинка круто пошла вниз и в более глубоких промоинах им начали попадаться высокие деревья с гладкими стволами и густыми кронами, почти закрывавшими небо, на руки Сильвии упало несколько капель дождя. Гарри и Сильвия остановились, сквозь сплетение ветвей проглядывало все такое же голубое небо. И все-таки едва они пересекли плоское дно другой промоины, ураган, который на глазах Розамонды пронесся над гаванью, добрался до Чейза и обрушился на них. Гарри и Сильвия, скорчившись, укрылись под выступом огромной серебристо-серой скалы, нависшей над тропинкой, и смотрели, как потоки воды обрушиваются на кустарник, стекают с гребней пересекающих тропинку гряд песчаника и размывают землю.

Вскоре на тропинке появились двое юношей и две девушки. Им было лет по шестнадцать; судя по легкой одежде, дождь захватил их врасплох. Мокрые волосы у всех четверых слиплись, платья, рубашки облепили тела, но они беззаботно шли вперед, будто на небе все так же сияло солнце. Сильвии понравилась беспечность этой компании, ей стало стыдно, что они с Гарри так старательно оберегают себя и свою одежду. Гарри тем не менее ответил отказом на ее предложение покинуть их жалкое убежище и вернуться к машине, поэтому, когда снова появилось солнце и они тронулись в обратный путь (так как было уже поздно идти к морю), Сильвия погрузилась в молчание. Но на плоскогорье на них набросился ветер, и Сильвия обрадовалась, что не промокла. Ветер решительно не хотел подпускать их к машине, Сильвия и Гарри крепко обнялись, нагнули головы и, с трудом передвигая ноги, пошли вперед ему наперекор.

3

В понедельник утром Розамонда позвонила Гермионе.

— Мин, Джэз передал тебе мою просьбу?

— Какую просьбу?

— Значит, не передал!

— Не сердись. Джэзу всего тринадцать. Обычно в таких вещах на него вполне можно положиться.

— Я хотела поговорить с тобой о Тед. Я хотела сказать, что Тед...— Розамонда рассказала Гермионе, что произошло, и добавила: — А теперь я хочу сама произнести эти слова, пока кто-нибудь меня не опередил. Тед — отъявленный негодяй. Тед — жулик.

Гермиона стояла в кухне. Она взглянула на утюг, дожидавшийся ее на гладильной доске, протянула руку и вытащила вилку из розетки.

— Они обсуждали все эти дела в субботу, когда сидели взаперти?

— Видимо, да.

- Просто ужасно.
- Ты очень вежлива.
- Лучше быть невежливой?

Розамонда сидела в кресле, сжавшись в комок. Она снова была одна. Метью, как она и думала, не захотел остаться дома, Доминик, восхищенный отвагой брата, ушел вслед за ним.

— Попробуй забыть о вежливости, Мин,— сказала Розамонда.

- Кто будет возмещать убытки?
- Я только что тебе сказала.
- Я не поняла. Мелкие компании? Акционеры? Вы сами не пострадаете?
- Тед не пострадает.
- Но его обвинят... в мошенничестве, да? Ему грозит тюрьма?

— Он говорит, что нет.

— Почему?

— Он говорит, что если ему предъявят обвинение,— Розамонда прижала руку ко лбу и старательно выговаривала каждое слово,— он должен только утверждать, что невиновен, и тогда у них не хватит доказательств, чтобы его осудить.

— Так просто он не вывернется,— заволновалась Гермiona.— Это ведь воровство.

— Минни, я сказала то же самое, только раньше тебя. Как дом? Джейсон сказал, что вы ездили вчера смотреть дом.

— Не хочу даже говорить об этом. Мама ничего не знает о Тедде. Я только что ей звонила, она о нем и словом не обмолвилась.

— Наверное, просто забыла,— огорчилась Розамонда.

— Мама пригласила опытную сиделку. И, пожалуйста, не говори мне, что не надо беспокоиться о расходах, раз они все равно неизбежны. В субботу снова приезжал Кейт Бертеншоу. Ах, эта ее дурацкая гордость! Мама играет только по правилам. Вот и получила!

— Я не хочу продолжать этот разговор, Мин. Ты невыносима, я не могу разговаривать с тобой, когда у меня неприятности.

— Роза,— в голосе Гермионы послышалось искреннее сочувствие.— Родная! Прости меня.

Розамонда расплакалась: — Я не спала всю ночь. Я уйду от Теда.

— Правда? Нет, неужели это правда? — Гермиона говорила все более взволнованно.

— Я не могу жить с человеком, способным хладнокровно пойти на преступление. Или сгоряча. Все равно не могу.

— А что будет с мальчиками?

— Надеюсь, они тоже не захотят жить с преступником.

— Кто же будет их содержать? — спросила Гермиона.— Тебе все равно понадобится помощь Теда, чтобы содержать мальчиков, значит, ты будешь получать деньги, добытые преступником. Какой же смысл в вашем разводе?

— Мне страшно нравятся твои рассуждения, Мин.

— Ты ведь хотела, чтобы я была с тобой откровенна?

— Да, я рада, что ты говоришь откровенно. Китайский корабль уплывает, я видела, как он входил в гавань, это было тысячу лет назад, когда я думала, что все в порядке. Надеялась, что все в порядке, хотя знала, что это неправда.

— Я тоже видела китайский корабль,— медленно проговорила Гермиона,— в тот день, когда Стюарт возил меня смотреть дом. Ты будешь скучать о своем доме, Роза, ты наслаждаешься комфортом, красотой, роскошью. Красота, роскошь... знаешь, я уверена, что это замечательно, это чудесно.

Обе помолчали. Розамонда смотрела, как черно-желтый китайский корабль проходит мимо острова Шарк. Когда Гермиона наконец заговорила, в ее голосе отчетливо зазвучали нравоучительные нотки:

— Настаивать на своем, когда все вокруг думают иначе, бесполезно. Это нетрудно, пока чувствуешь себя героем, но когда страсти утихают, появляется ощущение, что ты какой-то урод. Оставайся лучше с тем, на чьей стороне сила, и радуйся своему благополучию.

— Ты в самом деле думаешь, что сила на стороне Теда?

— Во всяком случае, не на твоей... женщина тридцати

семи лет, без средств к существованию — конечно, не на твоей.

— Пусть так, я все равно должна уйти от Теда.

— В таком случае, может быть, Гарри согласится платить за обучение мальчиков?

— Плата за обучение! — простонала Розамонда. — Я так хотела, чтобы они продолжали учиться. Ох, не знаю. Я не в состоянии собраться с мыслями.

— Гарри скорее всего женится на Сильвии, а Сильвия, видимо, получит кучу денег. Она вернулась в самую подходящую минуту. В одном я уверена, Роза: если ты хочешь иметь деньги, забудь об угрызениях совести. Ты не можешь позволить себе роскошь быть хорошей. На твоём месте я осталась бы с Тедом.

— Мин, — сказала Розамонда, — я лучше пойду немного посплю. Мерримен сказал, что в дом могут явиться репортеры.

— Что ты тогда будешь делать?

— Постараюсь не подпускать их к мальчикам.

— Как?

— Не знаю, сначала я должна поспать. Мальчики придут из школы не раньше трех. Может быть, все еще обойдется. Пока мне никто не звонил. Никто, кроме Гарри. Мин, я просила Джэза передать тебе, чтобы ты звонила два раза: три звонка, потом еще три, тогда я сниму трубку.

— Джейсон просто забыл, — холодно ответила Гермiona.

Как только Розамонда положила трубку, раздался звонок. С этой минуты телефон звонил не переставая. Розамонда зажала уши руками и пошла наверх. В спальне, задергивая занавески, она увидела, что перед домом остановилась легковая машина. Вслед за ней подъехала телепередвижка. Розамонда завела будильник на два часа, легла в кровать и положила подушку на голову.

Розамонда вскочила. Ее лицо было покрыто красными пятнами, глаза припухли от слез и от недолгого сна. Минуту она постояла, будто не понимала, где находится, потом со словами: «О господи!» — устремилась к окну.

Легковые машины и телепередвижка уехали, телефон молчал. Розамонда взглянула на часы.

— О господи,— снова пробормотала она, выбежала из комнаты и помчалась вниз по лестнице.

Часы в холле тоже показывали десять минут третьего. В гостиной телефон прозвонил три раза, замолчал, снова прозвонил три раза и опять замолчал. Когда вновь раздался звонок, Розамонда сняла трубку.

— Ах, это ты, мама.

— А кого ты надеялась услышать?

— Я думала... да... Теда.

— Что ж, а я, родная, увидела около телефона записку, узнала почерк Гарри, вспомнила о неприятностях Теда и вот специально звоню сказать тебе, чтобы ты не беспокоилась. Если хочешь иметь деньги, знай: тот, кто нажил одно состояние, наживет и другое, а Тед еще молод.

Услышав, что мать бездумно повторяет свою вчерашнюю речь, Розамонда пришла в ужас.

— Я спала,— совсем по-детски сказала она.— Прилегла на минутку, а проспала несколько часов. Мальчики... Как папа?

— Немного хуже.

— Ах боже мой! Боже мой! — проговорила Розамонда.— Но я все равно не могу, мне надо идти.

— Конечно, Роза. У нас все спокойно. Бен — просто чудо.

Розамонда положила трубку, взбежала по лестнице и взглянула в окно. Легковая машина снова стояла у дома, телепередвижка подъехала у нее на глазах. Розамонда вбежала в спальню и схватила телефонный справочник, что-то бормоча, она стремительно листала страницы, пока не нашла нужный номер.

— Элизен?

— Да, кто это?

— Розамонда Китчинг.

— Я так и думала! — заявила Элизен Пайн.

Пайны жили в начале улицы. Метью и Доминик обычно возвращались домой с их сыном Эндрю.

— Элизен, не окажешь ли ты мне услугу?

— Какую?

— Если мальчики зайдут к тебе вместе с Эндрю, удержи их у себя. Не знаю, слышала ли ты...

— Слышала.

— Понимаешь, у нашего дома стоит телепередвижка. Если мальчики смогут побыть у тебя, пока...

— Нет,— сказала Элизен.

— Элизен, мальчики ни в чем не виноваты.

— Все это — страшная гадость. Негодяи, вроде твоего мужа, позорят нас всех. Ты глубоко заблуждаешься, если думаешь, что все останется по-прежнему. Если закон не может покарать преступников, это сделают честные люди.

— Вряд ли ты после смерти попадешь на небеса! — выкрикнула Розамонда.

— И ты еще насмехаешься! — вышла из себя Элизен Пайн и повесила трубку.

Розамонда сбросила платье, натянула брюки со сломанной молнией, рубашку и парусиновые туфли. Снова зазвонил телефон. Розамонда выбежала в сад позади дома, подтащила садовое кресло к ограде. С третьей попытки ей удалось подтянуться, и она повисла: голова по одну сторону, ноги по другую. Задышавшись от страха, Розамонда неловко перекинула через ограду одну ногу, другую и рухнула на клумбу с ноготками в саду Керри, но тут же вскочила и бросилась через лужайку. Вторая ограда ничем не отличалась от первой, и Розамонда взобралась на нее без особого труда, правда, спрыгивая на землю, она сломала какой-то куст в саду Эми Гау, а розы, которые она случайно пригнула, распрямляясь, исцарапали ей щеку. Девяностолетняя мать Эми Гау равнодушно смотрела, как Розамонда, запыхавшись, бежит по траве и хватает выкрашенный в белое железный стул. Стул оказался довольно низким, Розамонде пришлось несколько раз слегка присесть и подпрыгнуть, прежде чем она сумела взобраться на кирпичную ограду, откуда, разбив скулу, она свалилась кубарем на грядку салата позади дома Пирсонов. Мистер Пирсон, адвокат, ушедший на пенсию, только что вернулся домой с веселой пирушки. Он поставил на место машину и, выходя из гаража, с изумлением увидел, как Розамонда, с которой

он был едва знаком, волоча ноги бежит по его лужайке. На ней были грязные, рваные брюки и рубашка, живот и грудь тряслись при каждом движении, на красном, потном, расцарапанном лице, покрытом синяками, сверкали выпученные голубые глаза. Розамонда схватила стремянку, подтащила ее к ограде, взобралась наверх и исчезла в соседнем саду.

Свалившись с ограды Пирсонов, Розамонда оказалась в саду Пайнов. Здесь она остановилась и вытерла лицо рукавом рубашки. С хрипом втягивая ртом воздух, Розамонда шагом пересекла сад, бежать она уже не могла. Из окна дома высунулась Элизен:

— Розамонда!

Процесс дыхания отнимал у Розамонды почти все силы, она мотнула головой и, едва переставляя ноги, пошла дальше.

— Розамонда, я пыталась дозвониться тебе, я хочу сказать...

Но Розамонда не обернулась. Она оказалась на улице прежде, чем Элизен Пайн выбежала из дома и остановила ее.

— Розамонда, мальчики, конечно, могут побыть у нас, — Элизен схватила Розамонду за руку. — Нет, я никогда себе этого не прощу. Господи, на что ты похожа! Твои брюки...

Мальчики — Метью, Доминик, Эндрю — с соломенными шляпами и портфелями в руках появились из-за угла. Увидев обеих женщин, они в растерянности остановились.

— Что случилось, мама? — спросил Эндрю Пайн.

— Эндрю, пригласи Метью и Доминика зайти к нам.

— Нет, — сказала Розамонда, наконец высвобождая руку. — Метью, Доминик, идите в библиотеку.

— Посмотри на свои брюки, — шепнула Элизен на ухо Розамонде.

Розамонда прикрыла рукой разъехавшуюся молнию.

— Перед вашим домом стоит телепередвижка, поэтому идемте, — заторопилась Элизен Пайн.

— Уже две, — поправил ее Доминик. — Смотрите, обе видны прямо отсюда.

Метью решительно надел шляпу и пошел домой.

— Постой! — крикнул Доминик ему вслед.

— Метью! — едва слышно окликнула его Розамонда.

Метью не обернулся.

Доминик быстро пригладил волосы, надел шляпу и вприпрыжку побежал за Метью. Элизен Пайн снова схватила Розамонду за руку.

— В таком виде ты все равно никуда не можешь идти. Поэтому зайди в дом.

Розамонда все еще прикрывала рукой разорванные брюки, она вырвалась от Элизен, крикнула едва слышно: «Метью! Доминик!» — и, переваливаясь, побежала за мальчиками.

Сильвия отвезла Гарри на работу в западный пригород и долго добиралась до Уарунги. Увидев Грету, Сильвия испугалась: ее голубые глаза неестественно блестели, щеки прорезали две глубокие вертикальные линии, углы большого рта опустились. Здороваясь с Сильвией, Грета неохотно оторвалась от шитья. Сильвия прошла в дом и села у постели отца рядом с Беном. Маленький цветной телевизор, собственность Бена, стоял рядом с кроватью Джека, но когда Сильвия вошла в комнату, Бен его выключил. Губы отца, прежде выделявшиеся на лице чуть розоватым пятном, слегка посинели. Сильвия вглядывалась в неподвижное лицо, а перед глазами у нее стояло изможденное лицо Греты.

— Судя по виду миссис Корнок, ей необходимо проспать по крайней мере сутки, — негромко сказала она Бену.

— Да, конечно, но видите ли, она в таком состоянии, что не может этого сделать.

— Кто сидит с отцом ночью?

— Сидди и я, меняемся через четыре часа.

— Она не пытается заснуть?

— Нет. Не хочет.

— Что же она делает? Шьет?

— Она, видите ли, нам готовит. Зря она так беспокоится. Я говорил ей. Но повар она замечательный.

Расставшись с отцом, Сильвия поехала по Тихоокеанскому шоссе и снова оказалась в западном пригороде, машины двигались сплошным потоком. Во время вынужденных остановок Сильвия разглядывала газетные стенды. Заголовок «Мошенничество раскрыто, компания объявлена банкротом»

показался Сильвии довольно обычным, она вспомнила о нем, только когда Гарри бросил на заднее сиденье портфель с бумагами и сел рядом с ней.

— Я только что говорил с Розы. К ней приезжали две телепередвижки. Будем надеяться, что по телевидению ничего не покажут. А если покажут, мама не увидит. Как ты ее нашла?

4

Бен сидел у кровати Джека Корнока и смотрел по телевизору программу новостей.

Внезапно на экране появилась голова Метью. Взгляд его темных глаз был устремлен на телезрителей.

— Но это совершенно неверно,— уверенно говорил Метью.— Через несколько дней отец все приведет в порядок.

Голова Метью чуть сдвинулась, в кадре появился Доминик и кусок оштукатуренной стены дома Китчингов. Тот же репортер спросил: «Значит, в результате этого краха никто не понесет убытков?»

Метью по-прежнему не смотрел на людей с микрофонами, его взгляд был устремлен на Бена у кровати Джека, на Стивена и Гермиону, сидевших в своей гостиной поодаль друг от друга, на Розамонду, застывшую в дверях комнаты, на Гарри и Сильвию, оторвавшихся от приготовления еды, и особенно внимательно темные глаза Метью смотрели с экрана на его отца.

— Крах потерпел мой отец,— все так же уверенно продолжал Метью,— мой отец и больше никто.

Другой репортер спросил Доминика: — А ты как думаешь?

Доминик — до сих пор он казался маленьким мальчиком — вышел вперед и неожиданно сравнялся ростом с братом.

— Я-то? — сказал он и передернул плечами, видимо перекладывая портфель из одной руки в другую.— Я думаю так же.

— Что же именно ты думаешь? — придирчиво спросил первый репортер.

Но прежде чем Доминик ответил, обе камеры внезапно переключились на Розамонду: перепачканная, растрепанная, она бежала, прикрывая рукой ширинку брюк, и звала:

— Метью! Доминик!

Цветной телевизор Бена и Китчингов позволял разглядеть все царапины и синяки на лице Розамонды, но на черно-белом экране Файфов и Гарри ее лицо казалось просто грязным. Один телерепортер показал в заключительных кадрах Розамонду и Доминика, когда они, ссутулившись, открывали калитку, другой — Метью, смотревшего вслед матери и брату, пока они не исчезли из виду. У Китчингов и Файфов была включена первая программа, у Бена, Гарри и Сильвии — вторая. Когда Сидди открыл дверь и вошел на цыпочках в комнату Джека Корнока — его ботинки, как всегда, скрипели, — Бен тут же поднялся и выключил телевизор.

Сидди подошел к кровати. Большая голова умирающего Джека Корнока как камень вдавилась в подушку. Телефон, картонка с алфавитом, красная ручка, очки, зеркало, гребенки и щетки — все орудия борьбы и мести по-прежнему лежали на столике рядом с его кроватью. Как только Бен вышел из комнаты, Сидди, глядя на безжизненное лицо Джека, доверительно прошептал: — Я буду хорошо смотреть за тобой, хозяин.

Бен вошел в кухню, где Грета стояла у окна и напряженно, не мигая, вглядывалась в отраженные в стекле полки с посудой, висевшие, как казалось, на залитых луной деревьях ее сада.

— Ух, спасибо, что налили, — с удовлетворением сказал Бен. Вино Бен принес сам. — Ух, — снова сказал он, принимаясь за обед. — По телику только что показывали одну женщину, она немного смахивала на вас.

— Эта женщина что-нибудь продавала? — сухо спросила Грета.

— Честно говоря, не знаю, что она делала. Я пропустил начало. Там еще был мальчонка. Нет, они ничего не продавали. Присаживайтесь, выпейте стаканчик, почему не выпить?

Это такое же вино, как в прошлый раз, сами сказали, что вам нравится. Вы тогда остановились на том, как приехали в Сидней со всеми своими ребятами. И тогда приняли решение...

— Джек принял решение в шестнадцать лет,— сказала Грета, подходя к столу.— В ту ночь, когда он добрался до Сиднея, его арестовали за бродяжничество и посадили под замок. Тогда он сказал себе: «Я должен разбогатеть, пусть меня потом отправят в ад».— Грета поднесла к губам бокал вина, налитый Беном.— Он верит в ад,— холодно добавила она.

Когда Грета заговорила, Бен отрезал кусочек хлеба, ломтик сыра, положил на тарелку и подвинул к Грете; продолжая рассказывать, Грета машинально начала есть.

Метью поднялся и выключил телевизор, потом снова уселся рядом с Домиником. Розамонда отняла руки от лица, подошла к мальчикам и тоже села.

— Последняя часть была совсем ужасная? Я не могла смотреть.

— Когда мы с тобой открывали калитку, у нас был такой вид, будто мы куда-то крадемся,— сказал Доминик.

— Прекрасный у вас был вид,— сказал Метью.— И вообще все прекрасно. Могло быть куда хуже.

— Люди теперь будут думать, что это отец тебя избил,— сказал Доминик.

— Неужели я так ужасно выгляжу? — воскликнула Розамонда.

— Ничего подобного,— спокойно возразил Метью.

— Зря ты за нами побежала,— не унимался Доминик.

— Я не могла иначе,— растерянно проговорила Розамонда.— Я просто не могла иначе.

— У тебя был прекрасный вид,— повторил Метью.

Зазвонил телефон. Розамонда вскочила.

— Не подходи!

Но Метью с просиявшим лицом обогнал Розамонду, сбежал по лестнице в холл и схватил трубку.

— Алло.

— Я получил твоё послание, Метью,— сказал Тед Китчинг.

— Отец! — крикнул Метью.

— Да, получил, паршивец ты несчастный,— бушевал Тед.— Да, да, паршивец несчастный да ещё шантажист. Ты, значит, решил пробудить во мне чувство вины, так я тебя понял? Шантажист несчастный, дерьмо собачье...

— Тед Китчинг, сейчас же замолчи,— вне себя от ярости крикнула Розамонда, схватив трубку в спальне.

— Ах, это ты, моя голубка? Ты, значит, даже не смогла удержать их дома. Не могла сделать даже такой малости. Кто же это тебя измордовал, моя голубка? Уж не твой ли сыночек-шантажист, дрянь он этакая? Сделай одолжение, побудь дома, я приду и добавлю.

— Только попробуй! — заорал Метью из холла.

Но Мерримен отобрал трубку у Теда:

— Не беспокойтесь, Рози. Я никуда его не пушу.

— Так это вы, значит, его опекаете?

— Нет, Рози, я его не опекаю. Просто Тед вдрызг пьян, как вы сами могли догадаться. Подождите до завтра, завтра днем он вернется домой, придет в себя и снова будет не человек, а золото.

— Скажите ему, что меня он здесь не застанет,— прокричал Метью.

Стивен и Гермiona сидели перед пустым экраном. Каждый держал в руках бокал вермута, каждый ждал, что заговорит другой. Тесная квартира и присутствие детей — а они не отходили от родителей, когда Стивен возвращался домой,— заставляли их проявлять дружелюбие, но только драма, разыгравшаяся на телеэкране, вынудила их немедленно заключить мир. Гермiona встала, вышла в кухню и заглянула в духовку. Вернувшись, она холодно спросила:

— Ты все еще намерен отказываться от углеводов?

— Я поем немного риса. В субботу они, видимо, уничтожали следы своей деятельности. Я, как ты знаешь, давно это предвидел.

— Боюсь, что ты прав. Рози сказала то же самое сегодня утром. Бедная Рози. Надо, наверное, ей позвонить.

— Я предвидел это, по меньшей мере, пару недель назад.
— Мама вряд ли позвонит ей, пока папа в таком состоянии.

— Будем надеяться, что у Греты не нашлось времени посмотреть телевизор. Я предвидел это уже в тот день, когда мы с Тедом бегали в Ботаническом саду.

— Предвидел, что совершится преступление? Банкротство предвидели все. Пойду все-таки позвоню Розе. У нее было такое лицо...

Гермиона дважды набрала номер, как было условлено, она звонила из кухни, пока готовила рис. Стивен с бокалом в руках стоял в дверях, но Гермиона только повторяла время от времени: «О господи!», или «Боже мой!», или «Что же ты будешь делать?» Рис закипел, вода побежала на плиту, Стивен, раздраженно хмурясь, подошел и снял кастрюльку с огня.

— Да, да, помни, что я здесь, если что-нибудь понадобится,— сказала Гермиона.

Она повесила трубку и взяла кастрюльку из рук Стивена.

— Как она?

— Я не очень поняла. Она сказала, что у нее такое лицо то ли из-за сада, то ли из-за садов.

— Где Тед?

— Она не видела его с субботы. Розамонда и мальчики никак не могут решить, уходить им или оставаться. Останутся, конечно.

— Им очень трудно уйти,— сказал Стивен.— Даже в перешедших обстоятельствах это значит бросить человека в беде. А остаться — все равно что стать соучастниками его преступления.

— Но ты подумай,— сказала она, явно забавляясь,— даже мы с тобой — это при наших-то добродетелях! — не можем отгородиться от мошенничества Теда.

— Обедать будем здесь?

— Почему бы нет? Подумай, должны мы, например, с негодованием вернуть газонокосилку, которую нам подарил Тед, когда они купили себе новую?

— Я истратил пятьдесят долларов на ее ремонт.

— А этот тостер? — со смехом спросила Гермиона.

— Скороварку, пожалуй, можно отдать,— включился в игру Стивен.

— Наверняка. Мы никогда ею не пользуемся.

Гермиона и Стивен со смехом сели за маленький пластиковый столик.

— А как насчет подвесного креслица для Имоджин? — спросила Гермиона. — Или черной занавески в ванной, помнишь, Джейсон наступил на нее и порвал?

— Завтра же ликвидирую. А пока открою бутылку вина,— заявил Стивен, вставая из-за стола.

— Открой ту, что подарил Тед.

— Конечно!

Но хотя вино подняло настроение Гермионы, она не обращала внимания на еду и медленно пила, вливая вино в рот. Наконец она осторожно поставила бокал на стол.

— Знаешь, человек не может остаться честным, если живет в бесчестном обществе.

Стивен еще не кончил есть.

— Ты снова цитируешь Стюарта Корнока?

— Нет. Сама додумалась.

— Геродот додумался до этого раньше тебя.

— Неужели я позаимствовала эту мысль у Геродота? Просто удивительно, что за кладезь премудрости. Но как верно сказано! Зачем тогда мы портим себе кровь и пытаемся совершить невозможное? Сдавайся, бери, что нужно, наслаждайся жизнью. Другого пути нет.

— Какая грязная, какая примитивная философия.

— И вовсе не грязная. Она как это вино. Она обещает мне роскошь. Я помню свое первое ощущение от роскоши. Мне было три, может быть, четыре года, однажды утром я проснулась под свежей простыней, под мягким пушистым одеялом, обшитым атласной лентой, я увидела окно с белыми занавесками и дерево за окном, и вокруг царил покой. И я поняла — это роскошь.

— Теперь все это ничего не стоит в твоих глазах.

— Да, но тогда... Роза говорит, это было сразу после переезда в нашу собственную квартиру, когда у нас появилась няня, девушка-испанка. Переезда я не помню. Помню только, как проснулась, как мне было тепло, помню дерево,

покой, восторг от ощущения роскоши — больше ничего. Наверное, это произошло после того, как мама получила свою замечательную работу, но я думаю, хотя Розы и Гарри со мной не согласятся, я думаю, что это произошло сразу после того, как мама встретила папу. И тогда возникает вопрос, верно, дорогой... — Гермiona снова подняла бокал, — возникает вопрос, как папа добыл те самые деньги, что помогли сохранить мою плоть и кровь. Мою жизнь. Так что все очень просто. Я возвращаюсь в свою исконную *социобиологическую группу*. Или нужно сказать *социопитательную среду*?

— Какая разница, если ты мелешь такую чепуху?

— Скажи это своему Геродоту.

В кухню вошел Джейсон, он не мог сам справиться с уроками.

— Вы все еще ссоритесь?

Гермиона и Стивен дружно рассмеялись. Гермiona поставила бокал.

— Мы всего лишь люди, Джейсон.

— Знаю, — терпеливо ответил Джейсон.

— И если мы не всегда во всем соглашаемся, — сказал Стивен, — это еще не значит, что мы непременно ссоримся.

— В этом нет ничего невозможного, — убеждал Метью младшего брата. — Куча людей так живет, почему же это невозможно? Нам надо уйти отсюда, найти работу, снять квартиру или дом и поселиться там, только и всего.

Розамонда с измученным видом сидела на жестком стуле, доставала вилкой кусочки лосося из консервной банки и клала в рот.

— Ты видел когда-нибудь дешевую комнату или квартиру? — спросила она.

— Куча людей живет в таких квартирах, значит, в них можно жить.

— А как насчет безработицы? — спросил Доминик.

— Насчет безработицы? — повторил его вопрос Метью. — Люди каждый день находят работу.

— Я прошу только об одном, — сказала Розамонда, —

не принимай решения, пока ты в таком возбужденном состоянии.

— Мое возбужденное состояние никуда не денется,— рассердился Метью.

— Я прошу только об одном: подожди хотя бы до завтра.

— Не могу. Я уже принял решение. Вы оба можете ждать до завтра. А я уйду.

— Ну и иди тогда! — крикнул Доминик.

— Вот еще,— сказал Метью.— Никуда я сегодня не пойду. Уже слишком поздно. Я уйду завтра утром.

— Сколько сейчас времени? — спросил Доминик.

Метью посмотрел на часы: — Четверть одиннадцатого.

— А часы возьмешь с собой?

— Конечно, возьму.

— Кто тебе купил часы? — с торжеством спросил Доминик.

— Ну и пусть он их купил. Часы мне нужны. И еще кое-что мне нужно. Сейчас запишу все, что мне нужно.

Розамонда доела лососину и с пустой консервной банкой в руках сидела и смотрела на старшего сына. Доминик молчал и тоже не спускал глаз с Метью. Потом нагнулся и прочел вслух его список:

— Непромокаемый костюм. Маска, ласты для подводного плавания. Доска для серфинга.

— Я все это зачеркнул.

— После того как я прочел.

— Знаете, сейчас всем нам лучше лечь спать,— сказала Розамонда, вставая со стула.

— Верно,— сказал Метью.— Я только допишу и сейчас же лягу. Я не собираюсь сегодня уходить. Я не сумасшедший. Только не надейтесь, что я останусь. Для этого меня надо связать, а связывать вроде некому.

Розамонда, бережно держа в руках консервную банку, осторожно подошла к Метью и заглянула через плечо в список, который он составлял.

Джек Корнок открыл глаза.

— Отец,— позвал он.

Сидди отлепил сигарету от нижней губы.

— Я здесь, сынок.

— Мне крышка, отец,— отчетливо произнес Джек Корнок.

— Верно, сынок.

Джек Корнок закрыл глаза. Сидди подождал минут пять, потом обогнул кровать, взял со столика зеркало и поднес к губам Джека. Положив зеркало на место, Сидди сказал с нежностью:

— Я позабочусь о тебе, дружище.

В кухню Сидди вошел на цыпочках, Бен попил вино и читал какую-то научно-фантастическую книжку.

— Где она, Бен?

— Спит.

— Она говорила, что не может.

— Значит, может. Я только что ходил смотрел.

— Его больше нет.

Бен отложил книжку: — Правда, Сид?

— Правда, Бен.

Бен на минуту задумался.— Не вижу смысла ее будить,— сказал он.— Ей очень нужно поспать.— Бен допил стакан и встал.— Значит, предстоит работенка!

— Я поеду домой,— сказал Сидди.— Как раз успею на последний поезд. Если она спросит, скажи, он только открыл глаза и посмотрел на меня, лицо у него было счастливое. Правда, счастливое и спокойное.

— Ладно, Сид, скажу. А уж поверит она мне или нет, не знаю.

5

Кен собрался на работу, но едва выехал из гаража, как увидел Молли: подняв руку, она ковыляла по лужайке ему наперерез, она так волновалась и так торопилась, что Кен остановил машину и приглушил мотор. Молли жестом показала, чтобы он опустил ближайшее к ней стекло, Кен многозначительно посмотрел на часы и выполнил ее просьбу.

Молли всунула голову в машину. Она тяжело дышала.

— Только что позвонил Стюарт.

На лице Кена выражение покорности сменилось маской сочувствия: — Неужели скончался?

Молли разразилась слезами: — Кен, Кен, я теперь вдова.

Мгновение Кен тупо смотрел на Молли, потом спросил: — Кто, кто?

— Вдова,— рыдала Молли.

— Ну, извини,— сказал Кен и решительно поднял стекло.

Телефон зазвонил буквально через минуту после того, как Гарри уехал на работу.

— Ох,— безжизненным голосом произнесла Сильвия, услышав слова Греты.— Когда? — Она не могла сообразить, что бы еще спросить, поэтому бессмысленно повторила: — В одиннадцать.— Но тут же добавила: — Грета, если вам нужен Гарри, я сбегая вниз и скажу ему, пока он не уехал.

Но Грета сказала, что Гарри не нужен.

— Розамонда сейчас приедет, она сама на этом настояла. Может быть, Гарри заедет после работы и захватит тебя. Или ты предпочитаешь приехать сейчас?

— Не знаю...— пробормотала Сильвия. Она чувствовала себя такой же беспомощной, как в первые дни после приезда.— Если вы...— начала она.

— Что ж, поскольку у тебя нет желания увидеть отца прежде, чем его увезут...— сказала Грета, в сущности сама отвечая на свой вопрос.

— Не знаю... это не то, ради...— Но Сильвия не договорила. «Не то, ради чего я приехала»,— хотела она сказать, и не договорила, потому что ее слова могли прозвучать как злая насмешка. Она предпочла спрятаться за вежливой фразой времен своей юности: — Нет, спасибо.

— Как хочешь. Стюарту я позвонила. Гермiona позвонила мне сама, я попросила ее разыскать Гая. Его все-таки тоже нужно предупредить. Гарри я позвоню попозже, когда он доберется до работы.

Голос Греты, спокойный, уверенный, чуть холодноватый, свидетельствовал, что в отличие от Сильвии она твердо знала, как себя вести. Сильвия вспомнила ее поднятое вверх лицо, когда она подставляла к свету ушко иголки,

синяк у нее на шее и спросила с внезапно прихлынувшей теплотой: — А как вы, Грета, себя чувствуете?

— Я выпалась и чувствую себя гораздо лучше.

— Сидди с вами?

— Нет, уехал домой, но Бен здесь.

— Я приеду сегодня вечером вместе с Гарри.

— Хорошо, приезжай вечером.

Грета положила трубку, Сильвия легла на неприбранную постель и уставилась в потолок. Горе, думала она, все расставило бы по местам, но она не чувствовала горя. Сильвия заставила себя сесть и позвонила Стюарту домой. Ей никто не ответил, тогда она позвонила ему на работу. Еще не было половины девятого, Стюарт сам снял трубку.

— Стюарт, кто-то должен сказать маме.

— Я уже сказал, мама очень огорчилась.

— Стюарт...

— Что?

— Как это будет происходить?

— Спрашивать у Греты про копию завещания, пожалуй, еще рановато.

Сильвия подняла голову, свободной рукой откинула волосы назад. — Я имела в виду похороны.

— Нам сообщат, Сил.

— Значит, я ничего не должна делать?

— А что ты можешь делать?

— Не знаю.

Стюарт помолчал, потом сказал: — Во время похорон будет служба.

— Служба? Религиозная служба?

— Как всегда.

— Почему?

— Может быть, иногда не бывает службы, но на всех похоронах, где я присутствовал, всегда была служба.

— Я никогда не была на похоронах. Мне не приходилось хоронить никого из друзей, а из родных отец — первый.

— Из родных для меня тоже.

— Я взяла напрокат машину, нужно будет отказаться, — сказала Сильвия.

— Наверное, ты в состоянии сама с этим справиться?

Сильвия позвонила и отказалась от машины, сбросила халат Гарри и решила надеть индийское платье. Когда она вдохнула его пряный запах, ее вновь закружил вихрь желаний, но на этот раз она расслышала голос — свой собственный голос, — который беззвучно сказал ей, что теперь она сможет побывать и в Индии, и в Китае — везде.

Хотя Тед Китчинг парился, окунался в ледяную воду, хлестал себя веником и глотал лекарства, хотя он побрился, тщательно оделся и надушился, выпученные покрасневшие глаза и неуверенные движения выдавали его состояние. У Розамонды глаза были нормальные, полоска пластыря закрывала царапину на щеке. Они стояли в холле и кричали друг на друга.

— ...Хорошая же ты мать, дома не удержала.

— Он ушел прежде, чем я проснулась.

— Вот где дал о себе знать твой полоумный дедушка. В моем сыне.

— Ничего подлее ты не мог сказать. — Тед встретил Розамонду на пороге дома, она уходила с двумя большими чемоданами и остановилась, глядя в лицо мужу. — Я тебе никогда этого не прощу. Никогда! Метью написал мне: «Позаботься о бабушке».

— Позаботься о бабушке! — Тед толкнул чемодан и покачнулся. — Если ты собралась ухаживать за матерью, зачем тебе, черт возьми, эти огромные чемоданы?

— Я уже сказала: может быть, я останусь у мамы.

— Всего лишь «может быть»?

— Дай мне пройти. — Розамонда взяла один из чемоданов.

— Машину что, тоже упаковала?

Розамонда открыла дверь: — Машина мне не нужна.

На верхней ступеньке лестницы появился Доминик, он не знал, спускаться вниз или нет. За стеной сада дважды проигнало такси. Тед оторопело смотрел, как Розамонда, сгибаясь под тяжестью чемоданов, с трудом шла по узкой асфальтированной дорожке к калитке. Когда она уже вышла на улицу, Тед внезапно пришел в себя.

— Ты меня слышишь? — прокричал он.— Назад не приходи!

Доминик убежал.

— Честно говоря,— сказала Гермиона,— я не знаю, зачем мы приехали.

— Я-то знаю, зачем приехала,— сказала Розамонда.— Мне легче уйти из дома постепенно. Я не хотела сжигать за собой мосты. Но все равно сожгла.

Вид у обеих сестер был довольно унылый. Грета посадила их в гостиной на диван, как гостей, и попросила отвечать на телефонные звонки и открывать входную дверь, а сама извинилась и ушла в сад к Бену. При других обстоятельствах Розамонда и Гермиона не посчитались бы с ее неявным запретом выходить из гостиной, но чувство неловкости и страха, вызванное смертью, заставило их остаться там, где велела Грета.

— Как ты думаешь,— спросила Гермиона,— о чем мама говорит в саду с этим... сиделкой?

— Обсуждает планы совместной жизни,— ответила Розамонда.

Она закрыла лицо руками, будто собиралась заплакать, но вместо этого рассмеялась.

— И одновременно шьет,— подхватила Гермиона.— А то, что сошьет, бросит в корзину с тряпьем.

— Мама чувствует себя добродетельной женщиной, когда шьет,— уже серьезно сказала Розамонда.— Однажды она сама мне в этом призналась.

— По-моему, она таким образом вызывает дух тети Эдит. Розы, что ты скажешь, если я расстанусь со Стивеном ради другого человека?

— Скажу, что ты плохая мать.

— И это ты мне говоришь!

— Ой, Мин, сегодня мне позволено быть бестактной.

— Ты думаешь, дети так уж сильно привязаны к родителям?

Но Розамонда была занята своими мыслями.

— С одной стороны, я рада, что Доминик предпочел Теда, потому что Теду так легче. С другой, не очень понятно,

зачем я тогда ушла. И как знать, смогу ли я видеть Доминика.

— Я часто думаю, что детям на нас совершенно наплевать...

— Ты прекрасно знаешь, Мин, что это неправда.

— ...и что мы всего лишь биологическое приспособление, природа использует нас и выбрасывает на свалку.

— Мужчин тоже?

— Мужей. Мужья и жены — священный биологический союз.

Розамонда с любопытством посмотрела на сестру:

— Смешно, конечно, думать, что я знаю о тебе все...

— Конечно,— согласилась Гермиона потупившись.

— Но я знаю, чего ты жаждешь, поэтому этот другой человек, если он вообще существует, непременно должен быть богат.

— Он говорит, что богат. Только не думай, что меня влечет к нему одно лишь богатство. Я правда чувствую... Как это ни удивительно, я правда чувствую...

— Это случайно не Тед? — воскликнула Розамонда.

Гермиона запрокинула голову и расхохоталась, потом вспомнила, что в доме покойник, прикрыла рот рукой и посмотрела на открытую дверь, будто ожидала возмездия. Но отдав эту дань приличиям, она снова повернулась к Розамонде и улыбнулась:

— Розы, ты неисправимый однолюб.

Розамонда откинулась на спинку дивана.

— Ну и пусть, такая я есть. Понимаешь, Мин, Метью звонит и говорит, что у него все в порядке,— прекрасно. Но я хочу знать конкретные вещи. Что значит «все в порядке»? Где он, например, будет сегодня ночевать?

— Он, наверное, тоже хочет это знать. Все-таки как ты могла даже подумать, что я и Тед...

— Что в этом такого? Я помню, как однажды...

— Розы, Тед был тогда пьян. Я ему совсем не нравлюсь.

— Знаю, но дело не в этом.

— Так, значит, я ему не нравлюсь? — возмутилась Гермиона.— А почему я ему не нравлюсь? Мне он, впрочем, тоже не нравится. Ты поступила совершенно правильно,

что рассталась с ним. В конце концов, он просто вор, верно?

— Мин, пока только я имею право это сказать.

— Ты и сказала, разве нет? Когда вчера звонила. Спорю на что хочешь, от тюрьмы ему не отвертеться.

— Теду? — спросил Гай, входя в комнату.— Ставлю пять против одного. Нет, три.

— Ох, замолчи,— сказала Гермiona.

Гай держал в руках кружку кофе и тарелку с толстым кое-как сделанным бутербродом. Он осторожно сел и ногой подтянул к себе маленький столик.

— Вы лучше посмотрите, сколько барахла у Джека в шкафах,— сказал Гай.— Можно одеть всех актеров, занятых в «Артуро Уи»*.

— Неужели ты рылся в его шкафах? — встревожилась Розамонда.

— Я искал копию завещания,— сказал Гай.— Я думал, он, может быть, попросил Сидди где-нибудь ее припрятать.

Гермиона не раз говорила, что не намерена прощать Гаю его дурацкие выходки, она достала из сумочки блокнот и занялась списком предстоящих покупок, а Розамонда — когда-то она так преданно заботилась о маленьком Гае, так по-матерински гордилась этим прелестным ребенком,— Розамонда сдвинула брови, будто искала ответ на мучивший ее вопрос. Оберегая костюм, Гай подставил руку под подбородок и откусил кусок толстого бутерброда. Прожевав его под неотрывным взглядом Розамонды, Гай сказал:

— До смерти хочу знать, как он распорядился деньгами, а вы?

Гермиона оторвалась от списка.

— Мама будет обеспечена,— сказала она тоном, не допускающим возражений.

— Об этом можно не беспокоиться,— согласилась с ней Розамонда.

— Да? — Гай снова набил рот и продолжил, когда прожевал: — Кейт Бертеншоу привозил сюда окончательный текст завещания в субботу. А вот знаете вы, подписал его Джек или нет? — Сестры обменялись беглым взглядом.

* «Карьера Артуро Уи» (1941) — пьеса немецкого писателя и драматурга Бертольта Брехта (1898—1956).

дом.— Не знаете,— сказал Гай.— И я тоже не знаю. Я был здесь как раз перед приходом Кейта Бертеншоу, и мне пришло в голову, что если я...— Гай откусил еще один кусок и снова принялся жевать, сестры ждали,— если я хорошенько его пугну, он возьмет и помрет, прежде чем явится Кейт Бертеншоу, или ему станет так плохо, что он не сможет подписать эту бумагу. Думаете, я заранее готовился, обдумывал... Ничего подобного — порыв! Но Джеку понравилась моя затея. Он доказал, что может переиграть меня и выжить, и ему это понравилось. Только он недолго торжествовал, согласны? А я так и остался в неведении, подписал он завещание или нет.

Гермиона и Розамонда снова переглянулись, в глазах Гермионы сквозило отчаяние, в глазах Розамонды — тревога.

— Мы знаем, что ты чудовище, Гай,— сказала Гермиона.— Можешь не трудиться доказывать это лишний раз.

— Ничего я не доказываю,— сказал Гай и положил в рот последний кусок.

Гермиона встала.— Пойду спрошу маму и этого Бена, не хотят ли они кофе.

Гай кончил есть.

— Я спрашивал, сказали, хотят. Я сварил, принес им и себе. Не успел сесть, как мама сказала: «Спасибо. А теперь извини нас, Гай». И мне пришлось убраться.

— О чем они разговаривали? — спросила Гермиона.

— Мама рассказывала про дом, куда она однажды пришла предлагать косметику.

Розамонда и Гермиона обменялись преувеличенно изумленными взглядами, это была привычная шутка времен их молодости.

— Никогда не оглядывайся назад! — шепнула Розамонда.

— Это вредно для здоровья,— в тон ей ответила Гермиона.

— В какую дверь они войдут, Роза? — спросил Гай.

— Агенты из похоронного бюро? В парадную, Гай.

— Мы откроем, когда они позвонят.

— Мама поручила нам это небольшое дело,— сказала Гермиона.

— А почему Сильвия не явилась на сегодняшние провода? — спросил Гай.

— Гарри привезет ее после работы, — сказала Розамонда.

— Сомневаюсь, что Сильвия разбогатеет.

— Что-то, наверное, получит, — сказала Гермиона.

— Роза, ты правда уходишь от Теда?

— Ты видишь, я здесь, Гай. Я уже ушла.

— Вернешься.

— Теперь я почти уверена, что нет.

— А ты, Мин, когда расстанешься со Стивенем? — спросил Гай. — При такой внешности тебе, наверное, не раз приходило в голову, что можно бы прыгнуть и повыше. А что тут особенного? Допустим, ты где-то служишь, тебе предлагают более выгодную работу, ты соглашаешься, и все считают, что ты продвинулась. Если ты расстанешься со Стивенем, все будут говорить то же самое, потому что каждый только и думает, как бы продвинуться.

Гермиона встала и пошла к двери.

— Надо приготовить кофе, — сказала она устало. — Хочешь кофе, Роза?

— Да, Мин, спасибо.

— Гермиона вроде меня, — сказал Гай, когда она вышла. — Ей не терпится узнать, кому достанутся деньги. — Гай вынул из кармана зубочистку. — Она, наверное, рассчитывает на мать: если мать получит деньги, Гермиона сможет ухватить кое-что и купить такой дом, какой хочет. А если мать ничего не получит, я лишусь последней опоры. Никто другой не согласится выносить меня так долго. И с годами охотников будет все меньше. Мое прибежище, — сказал Гай, вынимая изо рта зубочистку и глядя прямо в лицо Розамонде, — будет неизменно становиться все менее и менее привлекательным.

— Мое тоже, — проговорила Розамонда.

— Грязный, прожженный папиросами ковер, — задумчиво говорил Гай, снова орудуя зубочисткой. — Замызганные перила. В холле целый день мозолят глаза зеленые мешки для мусора, бутылки, коробки.

Розамонда выставила перед собой руку: — Перестань!

— Это Гай приходил,— сказала Грета, когда Гай поставил кофе и по ее просьбе ушел.

— Сколько ему тогда было? — спросил Бен.

— Всего год, когда я начала. Около полутора, когда я стала наводчицей и у меня появились настоящие деньги. Звучит очень грубо, по-бандитски, но так они меня называли. Я согласилась на это, потому что была в отчаянии, а когда согласилась... Вы даже не представляете себе, какое огромное удовлетворение я получала.

— Правда? — спросил Бен с интересом, но без удивления.

— После долгих лет нищеты и отчаяния, отчаяние к тому же приходилось скрывать, я вознеслась на такую высоту, куда мне иначе никогда бы не взобраться. Не только потому, что я получила возможность покупать — я купила «ключ от квартиры», заботы доброй надежной няни, хорошие кровати, пищу и одежду для детей. Но не только это... Я радовалась своей работе. Я пошла бы вместе с ними взламывать квартиры, если бы мне разрешили. Один-единственный раз я испытала чувство стыда из-за женщины, о которой я говорила вам, когда пришел Гай. Она рассказала мне о своих бедах. Что ж, они часто рассказывали о своих бедах. Но ей, правда, было очень тяжело. Все равно я недолго мучилась. Раз она способна принимать подачки, думала я, значит, не пропадет.

— Вы просто наказывали себя за то, что сами тоже принимали подачки, когда они вам перепали.

— Психологические объяснения часто так туманны и расплывчаты.

— По-моему, тоже. Из-за их туманности и расплывчатости появляются все новые и новые объяснения, старые цепляются за новые, колесо это крутится и крутится.

Полог птичьего щебета повис над деревьями, радостно шелестели листья акаций. Коричневатые цветы выстилали землю вокруг садовых кресел, и только ножки кресел вместе с Гретиной корзинкой для шитья нарушали узор этого ковра. Бен разглядывал небо в просветах бронзово-зеленых листьев. На нем была синяя миткалевая блуза, на шее висела длинная серебряная цепь.

— Отчего вы бросили все это?

— Я едва не угодила под суд за соучастие. Мне посчастливилось найти хорошего адвоката. Он вытащил меня из этой истории и добился, что мое имя не попало в газеты. Это стоило денег. Он не любит, когда ему сейчас об этом напоминают. От работы пришлось отказаться. Риск был слишком велик. Мать в тюрьме — плохая опора для детей, не говоря о дурном примере. Кроме того, я уже получила все, что мне было нужно. Поэтому я снова пошла в магазин. Ко мне вернулись здоровье и привлекательность, я работала в хорошем месте, у меня был уютный дом. Я вышла замуж во второй раз. Адвокат, который мне помог, познакомил меня с Джеком. Я могла выйти замуж за другого человека, хорошего, уважаемого человека, специалиста в своей области. Но он был сущим ребенком. А для меня существовали только мужчины вроде Джека Корнока.

— Просто удивительно! — сказал Бен. — Он ведь мог пригрозить вам, что расскажет детям, ему-то уже нечего было терять.

Грета, не отрываясь от шитья, покачала головой.

— Он никогда бы этого не сделал. Он не мог разрушить основу, фундамент нашего союза.

— Даже на краю могилы?

— Даже на краю могилы.

— Не понимаю.

— Правда? — спросила Грета. — Что ж, неважно. Вы были мне чудесным помощником. И может быть, единственным человеком, способным понять, что такое безвыходное положение.

— Вы не выпили свой кофе, — сказал Бен.

Грета продолжала шить. — Мне нехорошо от кофе.

— Гай хотел выпить кофе вместе с вами, — сказал Бен.

— Пусть лучше досаждают тем двум женщинам.

— Гай похож на вашего первого мужа?

— Я думала, Гай будет походить на отца больше всех остальных детей, но он вдруг переменялся и вырос совсем другим. Его отец... Когда мы познакомились, он ничем не выделялся, только своей красотой. А у вас сложилось другое впечатление?

— Нет. Судя по вашим рассказам, я бы никогда не

подумал, что вы можете выйти замуж за чудака.

— Я бы и не вышла. Я хотела быть такой, как все. Но в те времена одежда мужчин — строгие костюмы из толстой материи — и одинаковая манера вести себя служили им надежным прикрытием. Австралийцы — воинственная нация, они мастера находить прикрытия. Я считала себя счастливой, потому что у моего возлюбленного была постоянная работа в судостроительной конторе. Я надеялась, что он станет начальником отдела, купит кирпичное бунгало. Мне так нравился чайный столик на колесах в магазине «Берд и Уотсон»... Мне нужно было заглянуть ему в глаза. Забыть обо всем остальном и заглянуть в глаза. У него был беззащитный летящий взгляд.

— Я знаю этот взгляд! — воскликнул Бен. — Кто-нибудь из ваших детей унаследовал его глаза?

— Никто. Ни дети, ни внуки. Я в страхе ждала этого, слава богу, не дождалась.

— Тут я опять вполне с вами согласен, — сказал Бен. — Полет души грозит многими бедами. На сей раз к нам идет одна из ваших дочерей.

Розамонда остановилась перед матерью и Беном, и так как Бен с нескрываемым любопытством смотрел ей в глаза, она сказала прерывающимся голосом: — Мама, во-первых, Кейт Бертеншоу вернулся на день раньше и едет сюда, а во-вторых, у парадной двери стоят агенты из «Фернли и Гауса».

Кейт Бертеншоу вышел из машины, когда от дверей отъезжал похоронный фургон «Фернли и Гауса». Кейт принадлежал к поколению людей, уважающих обычаи, поэтому он снял шляпу и на минуту прижал ее к груди. Грета стояла у открытой двери рядом с Беном. В холле Кейт Бертеншоу увидел Розамонду, Гермioniу и Гая. Розамонда и Гермioniа стояли обнявшись. Все плакали, но скорее от страха, чем от горя. Кейт Бертеншоу тронул Грету за руку и указал шляпой на дверь гостиной.

— Может быть, мы...

Но Грета покачала головой: — Скажите сразу всем, Кейт. Тогда не придется повторять одно и то же много раз.

— Я пойду уложу свои вещи,— заторопился Бен.

Грета повернулась и пожала Бену обе руки: — Спасибо. Спасибо.

— Не за что,— сказал Бен.

— Кто же это такой? — спросил Кейт Бертеншоу, когда Бен вышел.

— Сиделка,— хором ответили Розамонда, Гермиона и Гай, на их заплаканных лицах явственно читалось нетерпение.

— До чего мы дожили,— с отвращением сказал Кейт Бертеншоу. Он положил шляпу на столик.— Дом, конечно, ваш, Грета, как мы и предполагали. Деньги, весьма значительные, все целиком, кроме небольшой суммы в две тысячи долларов, завещанной Сидди, будут принадлежать Сильвии после того, как умрет ее мать, которая до конца своих дней будет получать проценты с этого капитала.

Грета смотрела на Кейта Бертеншоу с любопытством, остальные трое с недоумением. Только Гермиона сумела произнести два слова: — Ее мать!

— Оспорить это завещание,— продолжал Кейт Бертеншоу, обводя взглядом детей Греты,— будет нелегко, даже если ваша мать захочет рискнуть деньгами и своими нервами, чего она, насколько я понимаю, делать не собирается.— Бертеншоу посмотрел на Грету.— Я не ошибся?

— Нет, не ошиблись,— решительно заявила Грета.

— Можем мы теперь поговорить наедине?

Но в гостиной Кейт Бертеншоу не сказал Грете ничего существенного, он только добавил, что если она захочет воспользоваться его услугами при продаже дома, он с радостью поможет ей на правах друга. Грета рассеянно кивнула. Потом улыбнулась и сказала: — Это хорошая мысль. Он хочет, чтобы я вступила с ним в борьбу.

Кейт Бертеншоу нагнулся, не вставая с кресла, и приблизил лицо к Грете.— Хотел, Грета.

— Ах да,— сказала Грета, думая о чем-то своем.

Кейт Бертеншоу вздохнул и откинулся назад.

— Его дочь очень привязана к матери?

— Привязана? Не знаю. Не думаю, что они любят друг друга.

— Позор, что она вернулась в такое время.

— Я никогда не поверю, что это Сильвия убедила его принять такое решение.

— Как-то она все-таки повлияла.

— Может быть, напомнила. Но он вполне мог придумать все это самостоятельно. Удивляюсь, как он не сделал этого раньше. В своем роде это шедевр. Оспорить такое завещание можно только ценой жизни.

Сильвия и Гарри застали Розамонду, Гая и Гермину еще в холле, они стояли тесной группкой и тихонько разговаривали. Когда три лица обернулись к ней, Сильвия поняла, что никогда не забудет этого потрясения. Нападение откровенно враждебных пронзающих взглядов оказалось еще более чувствительным ударом, чем тот миг в саду Розамонды, когда глаза всех присутствующих устремились на ее нитку жемчуга. Сильвия залилась краской и поднесла руку к горлу, забыв, что отдала перенизать бусы ювелиру. Гарри, до этой минуты державший Сильвию под руку, отпустил ее, она растерялась и обернулась к нему, ища защиты. Но он смотрел на Розамонду.

— Где мама, Роза?

Розамонда с честью вышла из положения: она подошла и поцеловала сначала Гарри, потом Сильвию.

— Мама с Кейтом Бертеншоу. Я думаю, Сильвия, он захочет с тобой поговорить.

Сильвия вспомнила, что разговаривала с Кейтом Бертеншоу по телефону, и снова покраснела, еще сильнее.

— Будь добра, Сильвия, зайди в гостиную, с тобой хочет поговорить мистер Бертеншоу. Гарри, дорогой,— Грета поцеловала Гарри, потом Сильвию.— Интересно, куда это делся Бен.

— Я ухожу,— крикнул разъяренный Гай.

— Бен укладывает вещи,— сказала Розамонда.

— Как он тебе и сказал, мама,— сурово добавила Гермина.

Гай выбежал, хлопнув тяжелой дверью.

— Через день-другой он разобьет один из этих витражей,— сказала Грета отворачиваясь.

Розамонда пошла провожать Гермioniу до машины.

Кейт Бертеншоу сидел на низком диване расставив ноги, на его лице было отчетливо написано, что разговор ему неприятен.

— Помещение капитала будет осуществлено конторой «Соул и Бертеншоу», миссис Фоли, в соответствии с указаниями вашего отца, и вы можете быть уверены, что мы примем все меры предосторожности, какие только возможны в наше время, когда...

— Но мое теперешнее положение не изменится? — спросила Сильвия.

— ... в наше время, когда... — повторил Кейт Бертеншоу и на мгновение прикрыл глаза, давая понять Сильвии, что недоволен ее нетерпеливостью, — когда свирепствует инфляция, человечеством завладевают компьютеры, надвигается мировой топливный кризис и вся денежная система почти наверняка должна претерпеть серьезные изменения. Да, ваше теперешнее положение не изменится, если только вы не захотите воспользоваться услугами тех, кто одалживает деньги под завещание. Я не советовал бы вам прибегать к этому средству без крайней необходимости, хотя давать вам советы не входит в мои обязанности.

— Я не собираюсь, — сказала Сильвия, думая о другом.

Она смотрела мимо Кейта Бертеншоу, потом наконец взглянула на него, не скрывая радости и удивления:

— У меня точно гора с плеч свалилась.

— Значит, вы допускали такую возможность, миссис Фоли?

Лицо Сильвии померкло: — После возвращения, да. До возвращения сюда — никогда.

— Вы считаете необходимым указать на это различие?

— Меня вынуждает к этому ваше отношение ко мне, я почувствовала его, едва вошла в эту комнату. Просто смешно, что вы заставляете меня размышлять, не таится ли в моей душе... нечто мне неведомое, что пробуждает корыстолюбие.

— Или враждебные чувства к миссис Корнок?

— К Грете? Нет, — сказала Сильвия, качая головой. —

Нет. У меня нет враждебных чувств к Грете.

— А если появятся?

— Не появятся. Вы хотите, чтобы я почувствовала себя виноватой, но я не сделала ничего, во всяком случае сознательно, в чем могла бы себя упрекнуть. По-моему, вы просто вымещаете на мне собственное дурное настроение.

Кейт Бертеншоу задумчиво посмотрел на Сильвию, горькая складка у его рта чуть разгладилась.

— Я знаком с миссис Корнок уже очень много лет.

Сильвия мгновенно смягчилась.

— Понимаю. Но ведь дом остался у нее.

— О да.

— Это хорошо?

— Да, будем считать, что хорошо. Прежде чем вы получите деньги, могут пройти годы. Вполне допускаю, что у вас гора с плеч свалилась. Владение деньгами обязывает, многих это пугает. Завещание дает вам возможность привыкнуть к новому положению.

— Поэтому он так и поступил?

— Поэтому? То есть хотел...

— Да, хотел дать мне время.— Но Сильвия тут же покачала головой.— Нет, скорее из-за того, что я сказала ему про маму.

— Могу я спросить, что именно вы сказали?

— Нет. Простите. Я говорила о сугубо личных вещах. И очень мучительных,— добавила Сильвия.

— Вы, следовательно, полагаете, что он внес эти изменения, пожалев вашу мать?

— А почему бы нет? Он поступил с ней очень нехорошо.

— В этом не приходится сомневаться.

— И чтобы как-то ее вознаградить... Вы знакомы с моей матерью?

— Я не видел ее много, много лет. Но прекрасно помню.

— Вы ей сказали?

— Я позвонил ей, прежде чем прийти сюда. Она страшно разволновалась. Не могу поверить, что ваш отец захотел ее вознаградить. Он был из тех, кто хорошо понимает, что такое деньги.

— Тогда зачем же он это сделал?

— В первую очередь, конечно, чтобы лишить денег свою теперешнюю жену. Кроме того, мы с вами, видимо, догадались еще кое о чем. Не исключено, что он хотел дать вам возможность привыкнуть к новому положению.

— За счет моей матери.

— Ваша мать безусловно так не думает.

— Все равно,— мрачно сказала Сильвия.

— И он тоже так не думал, я уверен. Для него она, вероятно, была всего лишь орудием.

— Орудием,— повторила Сильвия. Она поднялась со стула.— Орудием. Мне, наверное, нужно позвонить ей, сказать, как я рада и все такое.

Кейт Бертеншоу тоже встал, подошел к двери вместе с Сильвией, но Сильвия остановилась на пороге и задержала его.

— Мой отец наверняка многое знал о деньгах, о том, что можно сделать с помощью денег, но знал ли он, чего нельзя сделать ни за какие деньги.

— Не сомневайтесь, прекрасно знал,— ядовито ответил Кейт Бертеншоу.— Он знал, что деньги бессильны купить расположение некоторых людей, излечить некоторые болезни, избавить от смерти. Но когда речь идет об убеждениях, с помощью денег можно сделать очень много, он это знал, тут деньги действительно могут многое.

— Но не все.

— Почти все,— с раздражением сказал Кейт Бертеншоу.— Будьте добры, скажите миссис Корнок, что дела вынудили меня уйти.

Когда у дверей зазвонил колокольчик, Молли пробежала через холл с такой невероятной для себя быстротой, что даже захромала.

Она открыла дверь, крикнула: «Ах, дорогой!..» — и с оглушительным хохотом бросилась в объятия Стюарта. Потом отстранилась и сказала:

— Только Кен портит всю радость.

— Его досаду можно понять.

Молли откинула голову, прищурилась и взглянула на Стюарта.

- Он тебе позвонил?
- Да.
- Наглец.
- А Сильвия звонила тебе, мама?
- Звонила,— мрачно буркнула Молли.

Она повернулась и снова прошла через холл, прихрамывая от волнения, Стюарт шел за ней. Кен в гордой позе сидел в столовой перед телевизором. Звук был включен на полную мощность.

- Стюарт пришел,— крикнула Молли.— Сделай потише.
- Когда досмотрю, что мне хочется,— не оборачиваясь, крикнул Кен.

Молли подмигнула Стюарту и кивком показала на дверь кухни.

— Он у нас сам себе голова,— сказала Молли, когда они остались одни.— Взбесился. Фу-у, просто взбесился. Ну-ка, дорогой, открой эту бутылку.— Молли достала из холодильника бутылку шампанского.— Я бы не стала специально покупать, как-никак все-таки кончина, так уж совпало, это я для Сильвии припасла, я и думать не могла... Ах, какой сегодня день!

— Что сказала Сильвия?

— Ничего, поздравления и все такое,— уклончиво ответила Молли. Она плюхнулась в кресло и принялась обмахиваться рукой.— До сих пор не знаю, на каком я свете. Ты не сосчитал, сколько получается в неделю?

— Это тебе может сказать только Кейт Бертеншоу, мама.

— Мне неудобно его беспокоить,— встревоженно сказала Молли.

— Забудь об этом, старушка. Ты теперь имеешь полное право его беспокоить.

— Пусть так, Стюарт, все равно скажи, сколько у тебя получилось?

— Не меньше трехсот. Не думай только, что непременно столько и будет.

— Я позвонила тебе, а потом не могла придумать, кому бы еще сказать,— снова заговорила Молли.— Звоню одному, другому, никого нет дома. Я пошла по магазинам, пошла пешком, даже не сообразила взять такси. До меня еще не

дошло, что теперь я могу разъезжать на такси сколько душе угодно. Значит, все-таки скребло у него на душе, раз он вспомнил. Это его совесть замучила. Страшно подумать, сколько лет это его грызло. Хотя в глубине души я всегда знала. Ну да ладно, прошлась я по магазинам, успокоилась и тут вдруг решила поехать к Кену на работу, сказать ему, схватила, конечно, такси, на этот раз догадалась.

— Я думал, все соберутся: Барри, Гэвин, дети,— сказал Стюарт.

— Кен говорит, он не намерен сходить с ума, даже если я спятила, он говорит, нечего спешить, скажем, когда увидимся.

Стюарт достал с полки три бокала и поставил на стол рядом с бутылкой шампанского. Потом подошел к двери:

— Кен, вы к нам не присоединитесь?

Кен убавил звук.

— Что вы сказали? — спросил он и через плечо взглянул на Стюарта.

— Не хотите, Кен, выпить со мной и с мамой?

Кен встал и, не торопясь, вошел в кухню.

— Хорошо, выпью. Только вот это.— Он подошел к холодильнику, достал жестянку пива.— Это мне вполне подойдет, но вам все равно спасибо.

Стюарт наполнил два бокала, потом поднял свой:

— Ладно, друзья, за вашу удачу.

— Веселенький тост для человека, у которого только что умер отец,— не удержался Кен.

— Я, Кен, не собираюсь притворяться, что убит горем.

— По крайней мере, честно.— Кен поднял жестянку с пивом.— За мою нищую старость.

— Ох! — Молли поставила бокал и отвернулась.— Как ты мне надоел, злыдень несчастный.

— Послушайте,— сказал Кен, обращаясь к Стюарту,— вы сами меня позвали. Я не навязывался. Вы меня сами позвали. А теперь, если никто не против, я хочу кое-что сказать.

— Давайте, Кен. Выкладывайте.

— Когда я вам позвонил и попросил прийти придержать ее,— начал Кен,— я вам сказал, что теперь будет, так

оно и вышло. Минут через двадцать подошел ко мне Ральф и говорит: «Слушай, Кен, что думаешь делать? Тебе обломился изрядный куш, а у нас тут ребята дожидаются работы».

— Его можно понять,— сказал Стюарт.

— Очень даже справедливо,— вставила слово Молли.

— Я не говорю, Стюарт, что его нельзя понять. Я ведь не идиот какой-нибудь. Я вполне могу его понять. Правда, я помогал его отцу, когда работу было не достать, но не в том дело. Я не хочу ему про это напоминать. Не вломись она ко мне в таком виде, я бы посмотрел, как у нас идут дела, выбрал сам подходящую минуту, подошел бы к нему и сказал: «Видишь ли, Ральф, я тут прикинул, возьми-ка кого-нибудь из безработных парней на мое место, пусть попытают счастья». Но она ворвалась как сумасшедшая. Лицо перемазано губной помадой. «Кен, Кен, я разбогатела!» Фу, гадость какая!

— Ладно, чего уж, мама человек впечатлительный, верно, мама? Давай, старушка, я тебе подолью.

— Погодите,— сказал Кен.— Я еще не все сказал. Вот я теперь без работы. Конечно, Стюарт, раньше, позже — этого не миновать, и тут я с вами вполне согласен. Раз так, я должен получить пенсию на нас двоих — сотню в неделю — да еще проценты со сбережений, кое-что можно вырастить на огороде. Случайная работа у кого-нибудь из соседей — мы жили бы без забот и даже машину смогли завести.

— Но ведь получилось еще лучше,— сказал Стюарт.— После семидесяти доходы не учитываются, а вам обоим уже за семьдесят. Значит, у вас будет полная пенсия и мамины деньги. Четыре сотни в неделю.

— Вот это да! — крикнула Молли, но Кен, грозя пальцем Стюарту, сказал одновременно с ней: — Подлежащие налогообложению!

— Конечно. Ладно, пусть налоги съедят восемьдесят. У вас останется триста двадцать. Что в этом плохого?

— У кого будет триста двадцать? — спросил Кен.

— Видишь, что его не устраивает? — воскликнула Молли.— Все из-за того, что это мои деньги, а не его.

— А теперь погодите,— сказал Кен, размахивая рукой.— Погодите. Поговорим как разумные люди. Когда ваша мать ходила по магазинам, Стюарт, и рассказывала всем и каждому про свои дела, она еще между делом договорилась о покупке стиральной машины. Не знали? И заодно миксера. Она купила эти две игрушки потому, видите ли, что ее приятельница работает в отделе электротоваров.

— Это очень полезные игрушки.

— Она купила их, даже не потрудившись узнать, хорошо ли они работают.

— На них есть гарантия,— сказала Молли.

— Стюарт,— снова заговорил Кен.— Я бы не стал пилить вашу мать за стиральную машину, за миксер. Только... старую собаку не научишь лаять по-новому, откуда вы знаете, сумеет она пользоваться машиной и миксером в ее-то возрасте?

— Бытовые электроприборы, Кен, необычайно просты в употреблении,— сказал Стюарт,— иначе бы их не раскупили с такой быстротой.

— Хорошо, Стюарт, отложим пока машину и миксер, но она уже занята скачками, договаривается с какой-то сомнительной дамочкой, а когда я, уволенный, пришел домой, она собиралась идти в ресторан праздновать свою удачу, она, видите ли, считает, что вполне может себе позволить раз в неделю ходить в ресторан. Теперь, прежде чем вы что-нибудь скажете, Стюарт, а я вижу, вам не терпится, давайте посчитаем. Стиральные машины, миксеры, рестораны — что, по-вашему, останется от трехсот двадцати в неделю? Считайте, что я ничего не говорил. Ваше здоровье.

— Ваше здоровье. Я думаю, трехсот двадцати на это хватит, Кен, если только мама не потеряет голову на скачках.

— Я еще не решила, пойду на скачки или нет,— сказала Молли.— Я говорила в шутку. На скачки надо идти с мужчиной. С подружкой — это совсем другое дело.

— Про инфляцию она и не думает, когда составляет свои планы,— продолжал Кен.— Про старость тоже. Про страховку. Про ремонт. Этому списку нет конца. Я говорю дело, Стюарт, тот, кто этого не понимает,— ни черта не пони-

мает.— Кен поставил на стол пустую жестянку.— Будем мы сегодня есть? — обратился он к Молли.

— Что ты хочешь? — спросила Молли.

— Все сгодится. На меня не очень трудно готовить.

— Тебя я накормлю, а сама пойду есть в город.

— Получила уже первые денежки?

— Послушайте, Кен,— сказал Стюарт.— Что вы скажете, если я приглашу маму пообедать со мной? Я все равно соби-
рался сегодня повести маму обедать.

— Это ваша мать,— сказал Кен, направляясь к двери.

— Я приглашаю вас тоже, Кен.

— Спасибо, Стюарт, не стоит. Можно вас на пару слов?

Кен и Стюарт вышли на веранду позади дома.

— Стюарт,— сказал Кен,— вы считаете, что я жестковат с вашей мамой?

— Я ведь сам не женат, Кен.

— Вы, наверное, думаете, что я просто скуплюсь, но дело совсем не в скупости. Ваша мать любить сорить деньгами, вот в чем дело. Сколько ей ни дай, она все истратит. Не держи я ее в узде, туго бы нам пришлось. Я знаю, что последние двенадцать-тринадцать лет вы подкидывали ей денег, думали, наверное, что я даю ей маловато, но вы ее сын, я не обижаюсь. А что, по-вашему, она сделала с этими деньгами? Сколько у нее, по-вашему, осталось из этих денег?

— Я давал ей долларов пятнадцать в неделю, не больше,— сказал Стюарт.

Маленькие глазки Кена от изумления стали круглыми, но он решительно стоял на своем:

— Это не ответ на мой вопрос, Стюарт. Я спросил, осталось у нее что-нибудь из этих денег? Ответ: нет, она умеет только сорить деньгами.

— Но то, что вы называете «сорить деньгами», некоторые люди называют «тратить деньги».

— Да неужели, Стюарт? Тогда, наверное, эти люди просто не чувствуют ответственности. Но на моих плечах лежит ответственность за вашу мать, и я сделал ей немало добра. Сейчас у нас нет долгов, а когда я женился на вашей матери, дела обстояли по-другому, должен вам сказать. Все эти годы у нее было вдоволь хорошей еды, она знала, что, если забо-

леет, всегда сможет позвать врача, и я никогда не заглядывался на других женщин.

— Мама тоже вносила свой вклад в ваше благополучие, не стоит об этом забывать.

— Да, вносила. Я это ценю. Мне не приходилось напоминать о горячем завтраке, о хорошо отглаженной рубашке. Но я одно знаю про женщин, Стюарт: женщинам ни в чем нельзя уступать. Стоит один раз уступить, и ты пропал.

Стюарт потер нижнюю челюсть, стараясь скрыть улыбку.

— Улыбайтесь сколько влезет,— сказал Кен,— только вы сами сказали, что не были женаты, так что вам этого не понять.

Сильвия наконец почувствовала, что способна написать правду Ричарду и Джэнет Холиоук.

«Мой отец умер ночью в понедельник. Не могу сказать, как я себя чувствую. Не могу понять, что я чувствую. Наверное, жду. Мне тяжело, и я жду. Но гнетет меня не горе, хотя я горюю. Главное, наверное,— ответственность. Отец завещал мне свои деньги, но я получу их только после смерти матери, а мать до конца своих дней будет получать проценты с капитала. Мне досталось не такое уж большое состояние. По словам моего брата Стюарта, это всего лишь полезная надбавка. Но почему мне не хочется писать, сколько денег оставил отец? Откуда это безотчетное стремление сохранить тайну? Ни для кого никогда не было тайной, что у меня нет денег. Я не стану хранить тайну. Отец оставил мне примерно триста — четыреста тысяч долларов.

Несмотря на insult, он прекрасно меня понимал, когда я сидела и болтала с ним, старательно скрывая свои беспричинные тревоги. Чем дольше я размышляю, тем неколебимее становится мое убеждение, что отец не хотел сразу передать мне деньги ради моего же блага. Я так утвердилась в своих привычках, так уверовала в свою судьбу, с такой покорностью решила всю жизнь следовать ее предначертаниям, я одержала такую блистательную победу над всеми глупыми, издавна терзавшими меня искушениями и так хорошо, как мне кажется, научилась справляться с новыми... Стать вдруг обладательницей огромной суммы денег было бы

для меня слишком суровым испытанием, потрясением, из-за которого я могла бы наделать множество глупостей или вновь оказаться бессильной перед старыми пошлыми искушениями. Сейчас такое потрясение переживает моя мать, она приняла удар на себя и тем самым защитила меня, благодаря ей я получила отсрочку.

Не будь мой отец моим отцом, он бы не вызывал у меня симпатии. Уже в двенадцать лет я была в состоянии взглянуть на него со стороны и понять эту простую мысль. Но он мой отец, поэтому я любила и люблю его, моя любовь уходит корнями в детство, она не подвластна разуму, неразрушима и настолько гибка, что проявляется самым неожиданным для меня образом, например, за утренним кофе, когда я проливаю слезы в чашку. Гарри — я по-прежнему живу с ним — смотрит на меня поверх своей чашки кофе, но не прикасается ко мне, не произносит ни слова, только излучает сочувствие, и мне это помогает.

Похороны состоятся в пятницу. Мне почти сорок лет, но я еще ни разу не была на похоронах. В изломанных семьях вроде моей, рассеченных многочисленными трещинами, такое бывает. Моя мать рассчитывает прийти на похороны, а брат рассчитывает помешать ей, потому что мать хочет любым способом досадить Грете. Стюарт — человек изворотливый, я уверена, что он преуспеет. Надеюсь, что преуспеет. При мысли, что мама явится на похороны, меня бросает в дрожь.

У меня есть три ученика: один — друг Гарри, два других — друзья этого друга. Начиная с понедельника, мне предстоит давать девять уроков в неделю. Я могла бы взять еще двух учеников, но они хотят изучать язык всерьез, на это нужен год, а я не знаю, где проведу этот год. Мои планы тоже изломаны, как моя семья. Между мной и Гарри с самого начала висел безмолвный вопрос, останусь я здесь или нет, хотя, настаивая на своем желании обосноваться в Риме, я отвечала на него отрицательно. Эта проблема постепенно разрасталась, обретала голос и наконец встала во весь рост, так что теперь мы обсуждаем, как устроить наш дом, — о браке речь не идет. Мы не хотим иметь детей, следовательно, брак просто не нужен, а так как Гарри работает здесь,

привязан к этому месту еще по многим причинам и относится к людям, для которых жизнь вне Сиднея просто немыслима, мне придется остаться в Австралии. Поэтому если вы получите письмо с просьбой переслать сюда мой ящик из-под чая, не удивляйтесь. Почти все мои вещи каким-то образом уже оказались у Гарри, и я прихожу к себе только посмотреть, нет ли мне писем. С другой стороны, отказаться от Рима, где я привыкла бывать... Отказаться от Лондона, который я считаю своим... Когда я думаю о Лондоне, мне видится большой сдобный коричневый пирог»...

6

О предварительной встрече никто не договорился, никто не попытался организовать кортеж, до крематория всем предстояло добираться самостоятельно. Грета вместе с Розамондой должна была заехать за Сильвией, так как Гарри, единственный, кому выбор Джека Корнока не причинил больших неудобств, собирался поехать в крематорий прямо с работы.

— Я думала, Сильвию привезет Стюарт,— сказала Розамонда, когда Грета отъехала от дома.

— Я тоже,— ответила Грета, слишком круто срезая угол.

Выехав на соседнюю улицу, Грета нахмурилась, нагнулась вперед и протерла рукой лобовое стекло, хотя оно было безупречно чистым, так как Сидди протирал его перед самым отъездом. Сидди сидел сзади, на сей раз от него несло только нафталином, в котором слишком долго пролежал его синий шерстяной костюм. На Ньютрал Бей Розамонда вышла из машины и побежала за Сильвией. Сильвия с испуганным видом открыла ей дверь, она приводила в порядок голову, стоя в холле перед зеркалом.

— Розы, как Грета?

— Само спокойствие. Зато машина очень нервничает. Ее так заносит, что скоро придется хоронить еще четверых.

— Четверых? Гай с вами?

— Нет. Мама подсунула его Мин и Стивену. Мин была

вне себя. Тебе придется сидеть рядом с Сидди, но он принял ванну.

Сильвия захлопнула дверь, и они торопливо сбежали по лестнице.

— Интересно, придет Тед?

— Тебе будет неприятно, если он придет?

— Смешно, но не знаю, куда мне тогда девать глаза.

— Ты думаешь к нему вернуться?

— Нет. Правда, по вечерам мне не по себе, все время кажется, что нужно что-то сделать, а что — не могу вспомнить. Привычка: когда я уезжала куда-нибудь, я каждый вечер звонила Теду. Теперь-то я понимаю, каким тугим узлом были связаны наши жизни и как важно развязать этот узел.

— Да, мучительная операция.

Они подошли к машине, Розамонда понизила голос:

— Предложи, что ты поведешь машину, Сильвия. Я уже пробовала, тебе мама, может быть, позволит.

Но Грета не согласилась:

— Конечно нет, дорогая. У тебя очень усталый вид.

Минут через сорок Сильвия с беспокойством сказала: — Это правда очень далеко.

— Мама, может, поменяемся? — спросила Розамонда.

— Теперь уже недолго, — мягко возразила Грета.

Но машина все неслась и неслась вперед, Грета то и дело наклонялась и протирала переднее стекло рукой или тряпочкой. Розамонда, сидевшая рядом с Гретой, обернулась назад и взглядом спросила Сильвию, что же делать, Сильвия пожалала плечами и отвернулась к окну.

— Мин и Стив проехали мимо, — вдруг сказала Розамонда.

— Я не заметила Гая на заднем сиденье, — отозвалась Грета.

— Мин, наверное, сунула его в багажник.

— Мы обогнали маму, — сказала Гермiona.

— Я смотрел на дорогу, — ответил Стивен.

Гермиона оглянулась и удивленно пробормотала, что мама очень плохо ведет машину, хотя всегда водила великолепно.

— Любопытно, явится Тед или нет,— сказал Стивен. Гай почти сполз с заднего сиденья.

— Мне тоже любопытно, захватит он с собой Джеки Тонн или нет.

Гермиона не разговаривала с Гаем, она повернула было голову, но не сказала ни слова.

— Кто такая Джеки Тонн? — без всякого интереса спросил Стивен.

— Китайка. Или вьетнамка. А может, немножко китайка и немножко вьетнамка. Тед всюду таскает ее за собой. И всем говорит, что он ее любит.

Стивен свернул в ворота, проехал по подъездной дорожке, обсаженной распустившимися весенними цветами, и остановился на стоянке, тоже окруженной цветочными клумбами.

— Стюарт уже приехал,— сказала Гермиона.

Гай вышел, захлопнул дверцу, сунул руки в карманы и направился к небольшой вывеске «Контора», висевшей под аркой на длинном кирпичном здании, из-за которого больше ничего не было видно. Под его ногами громко захрустел гравий.

Спустя пять минут машина Греты с трудом въехала в ворота. Сильвия прежде всего оглядела стоянку в поисках машины Стюарта. А когда нашла ее, вновь подумала, что лучше, наверное, предупредить Грету о возможной встрече с Молли, но пробормотала вместо этого: — А Гарри еще нет.

Гретины пассажиры долго вылезали из машины. Сама Грета, ступив наконец на землю, остановилась там, где вывеска «Контора» была не видна, и беспомощно оглядывалась по сторонам, пока Сидди не указал, куда идти. Тогда, неожиданно обретя уверенность, она торопливо пошла к конторе рядом с Сидди. Сильвия ждала Розамонду, которая приводила в порядок волосы и одежду.

— Как здесь чисто и красиво,— сказала Сильвия, когда они пошли по дорожке, хрустя гравием.

Через несколько шагов Розамонда заметила машину, застопоренную прежде другими. Она остановилась и тут же закрыла глаза.

— Машина Теда,— чуть слышно проговорила она.

— Возьми себя в руки,— осторожно подтолкнула ее Сильвия.

— Не могу. Скажи маме, что я подожду здесь.

— Перестань, идем,— сказала Сильвия и пошла вперед. Но, сделав несколько шагов, она увидела, что в машине кто-то сидит. Розамонда стояла слегка покачиваясь.

Место рядом с водителем было занято девушкой, китайкой или вьетнамкой. Джеки наклонилась, чтобы посмотреть, кто идет. Встретившись взглядом с Розамондой, она медленно приподняла тыльной стороной руки тяжелую прядь распущенных волос, откинула ее назад, потом так же медленно сама откинулась на сиденье.

Сильвия решительно взяла Розамонду за руку, и та, ошеломленная, покорно пошла дальше с ней рядом. Грета и Сидди ждали их под аркой там, где красовалась вывеска «Контора».

— Мама, в машине Теда сидит китайка.

— Правда, родная? Что ж, я рада, что Тед приехал. Он поступил как порядочный человек.

Сидди помахал рукой: — Туда!

Выйдя из-под арки, они оказались на крутом ступенчатом склоне, где лесенки отделялись одна от другой невысокими кирпичными стенками и вдоль каждой росли цветы. У подножья склона на плоской лужайке стояло несколько Г-образных зданий, и Сидди, их верный поводырь, взволнованно махал рукой, показывая, к какому из этих зданий они должны подойти. Две женщины и человек тридцать мужчин в темных костюмах стояли под крышей на асфальтированной полосе, протянувшейся вдоль внутренней стороны Г-образного здания. Сильвия смотрела, как Стюарт переходит от одной кучки мужчин в темных костюмах к другой точно такой же. Обе женщины были ей незнакомы. С долгим вздохом облегчения Сильвия сказала Розамонде: — Гарри, видимо, не смог вырваться.

— Вон Гай,— проговорила Розамонда.— А вон Гермиона и Стив, стоят в стороне и рассуждают, как ужасно выглядят все, кроме них. А вон там... неужели?.. да, это Тед разговаривает с какими-то типами, похожими на мафиози.

Сильвия увидела, что в кирпичные стены по обеим сто-

ронам лестницы вделаны металлические ящики, и подумала, что чем-то это напоминает сейфы в банках.

— Ничего не поделаешь,— сказала она,— надо же куда-то нас деть. Нельзя похоронить всех на кладбище Пер-Лашез. Привидения, во всяком случае, сюда не забредут.

— Если хотят жить полноценной жизнью, не забредут,— поддержала ее Розамонда.

Они спустились с лестницы, Розамонда сжала локоть Сильвии.

— Тед подошел поговорить с мамой, он даже не взглянул на меня,— с изумлением сказала она.

Тед пожал руку Грете. Свободной рукой Грета неловко поманила стоявших сзади.

— Тед, вы, конечно, помните Сильвию.

— Конечно.

Пока Тед здоровался с Сильвией, Розамонда стояла чуть поодаль и терпеливо ждала. Когда Сильвия отошла вместе с Гретой и Сидди, Розамонда спокойно сообщила Теду:

— У тебя в машине сидит девушка-китаянка.

Свежий и бодрый Тед стоял потирая руки.

— Привет, Роза. На самом деле она вьетнамка. Мы всюду бываем вместе. Я люблю эту девушку.

— Ты не можешь ее любить. Ты же любишь меня,— сказала Розамонда.

— Теперь уже не люблю, Роза. Мой мир взлетел на воздух, а когда я пришел в себя, у меня в руках оказалось это прелестное дитя.

«Прелестное дитя»,— беззвучно повторила Розамонда, не отрывая неверящих глаз от лица Теда.

— Как поживает Доминик? — спросила она, с трудом, будто в полусне, подбирая слова.

— Вполне приспособился. Почему бы тебе не позвонить ему?

— Позвоню. Как он все-таки?

— Великолепно. Великолепно. От Метью слышно что-нибудь новенькое?

— Пока нет.

— Сообщи мне, когда что-нибудь узнаешь. Пожалуй, нам больше не стоит здесь задерживаться. Давай подойдем к остальным.

Так и не придя в себя от изумления, Розамонда покорно подошла к матери и Сидди. К ним присоединились Гермона и Стивен, потом с другой стороны появился Гай. То одна, то другая группа пожилых мужчин окружала Грету, мужчины почтительно пожимали ей руку и произносили несколько сочувственных слов. Грета снова неловко поманила стоявших сзади.

— Вы помните Сидди... А это две мои дочери... и Стивен Файф... Гай, мой младший сын... Дочь Джека, Сильвия... Сильвия, это друзья твоего отца...

Сильвия вряд ли нуждалась в пояснениях Греты. Все эти старые ссохшиеся мужчины с головами, утопавшими в воротниках неуклюжей одежды, до сих пор походили на тех, «кому звонил отец». Сильвия отошла в сторону и направилась к Стюарту, стоявшему в одиночестве у дальнего конца здания. Венки, некоторые перевязанные широкими лентами, лежали или стояли у стены, и на неярком фоне цветов особенно резко выделялись черные начищенные туфли мужчин и отвороты их темных брюк. Сильвия обходила стороной группы мужчин и разглядывала венки. Несколько человек окружили Теда, он потирал руки и что-то рассказывал, а мужчины как зачарованные смотрели ему в рот. Кто-то рассмеялся. К венкам были приколоты карточки: «Лига защиты австралийских...», «Австралийская автомобильная ассоциация и финансовые...», «Мотель Лансет...».

Добравшись до Стюарта, Сильвия сказала: — Все венки от компаний.

— Не все, Сил. Не стоит обращать внимания на такие вещи.

Разговаривая с Сильвией, Стюарт вежливо наклонился, и Сильвия вспомнила, что он тоже из тех, «кому звонил отец». Сильвия чувствовала, что слезы вот-вот покатятся у нее из глаз, и всячески уговаривала себя, что все дело в нервах, а горе здесь ни при чем.

— Мама, значит, передумала,— сказала она.

— Будем надеяться, что да. Но я стою здесь из-за мамы. Она почувствовала, что я не одобряю ее затею, и сказала, чтобы я за ней не заезжал. Заявила, что наемная черная машина будет вполне уместна. А Гарри не приехал?

— Пока нет. Опаздывает.

Дверь в стене приоткрылась, в высоком дверном проеме появился молодой человек, его обычный костюм дополняла мантия священнослужителя. Молодой человек беспокойно и нетерпеливо вглядывался в собравшихся.

— Может быть, у него это тоже первые похороны,— сказала Сильвия.

Стюарт взглянул на часы.— Осталось девять минут.

Смех стал громче. Кто-то из мужчин так расхохотался, что ему пришлось отойти, снять шляпу и вытереть лоб белым носовым платком. Сидди стоял в стороне от всех, он прижимал шляпу к ноге и смотрел вдаль, его, казалось, занимали только свои собственные мысли. Кейт Бертеншоу быстро спустился по широким ступеням, помахивая сложенным зонтиком. Он пожал руку Стюарту, кивнул Сильвии, быстро прошел вдоль здания и присоединился к Грете и ее семье. Гермиона подошла к Сильвии и Стюарту.

— Стюарт, мама говорит, что всем нам лучше держаться вместе,— ледяным тоном сказала она.

— Мы еще немного постоим здесь.

— Я думаю, мама хочет, чтобы внутри вы с Сильвией стояли около нас.

— Вряд ли это так уж важно, как ты считаешь?

— Я тоже считаю, что это не так уж важно, но... ты понимаешь... Впрочем, забудь об этом. Увидимся во вторник.

— Ты уверена, что стоит смотреть тот дом?

— Да, я решила.

Сильвия заметила, как взгляд Стюарта впился в лицо Гермионы, а взгляд Гермионы впился в лицо Стюарта с пронзительностью, совершенно несоответствовавшей их ничего не значащим словам, но прежде чем Сильвия успела сообразить, что происходит между Стюартом и Гермионой, ее внимание отвлекла женщина, которую она заметила краем глаза на верхней ступеньке широкой лестницы.

Стюарт увидел мать, испуганно вскрикнул и прямо по

лужайке бросился ей навстречу. На Молли было строгое серое платье, но несколько ниток бус и черная шляпа с большими полями, украшенная легким шарфом, развевающимся на ветру, говорили всем и каждому, какое значение она придает этим минутам и какую важную роль отводит себе в предстоящей церемонии. Молли спускалась по лестнице, неуверенно покачиваясь на каждой ступеньке, ветер безжалостно срывал с нее шляпу, которую ей приходилось придерживать то одной, то другой рукой, отчего ремень сумочки съехал с плеча ей на шею. Но Стюарт наконец добежал до матери. На нижних ступеньках ветер оставил в покое шляпу Молли, она взяла Стюарта под руку, распрямила плечи и впервые взглянула на собравшихся.

Мужчины перестали смеяться. Грета взглянула на Молли, приподняла манжету и посмотрела на часы. Кейт Бертеншоу что-то сказал ей, и они вместе принялись разглядывать прикрепленные к венкам визитные карточки. Сидди улыбнулся и неуверенно поднял вверх свой зонт, будто хотел помахать Молли.

— Старушка Молли,— шепнула Розамонда Гермионе.— Мы всегда знали...

— Мы не знали, как это скверно,— сказала Гермиона.

— Наши шутки кажутся сейчас более осмысленными.

— Они слишком беззубы,— сказала Гермиона.

Сильвия с трудом догнала мать и Стюарта и услышала, как Молли сказала: — Я даже подумать не могла, что машина придет не вовремя.

— Здравствуй, мама.

— Сил! — Сильвия хотела поцеловать мать, но Молли отстранилась.— Мне нужно тебе кое-что сказать, Сил, и сейчас, по-моему, как раз подходящая минута и подходящее место, и я хочу сказать это тебе прямо в лицо.

— Мам, сейчас не время...— вмешался Стюарт.

— Нет, самое время,— стояла на своем Молли.— Не рассчитывай, Сил, что в одну минуту получишь то, что хочешь, даже не надейся.

— Мам,— повторил Стюарт.

Но Молли, хоть и покраснела не меньше Сильвии, уже

закусила удила; она уже не могла остановиться, даже если бы захотела:

— Ты преспокойно отсутствовала двадцать лет и, если хочешь знать мое мнение, можешь отсутствовать еще двадцать. К тому времени тебе исполнится шестьдесят, верно я говорю? И не забудь про инфляцию. И не трудись мне звонить, не воображай, что мы станем подружками и будем нежничать с утра до вечера. Пошли, Стюарт.

Но Стюарт отпустил руку матери и обернулся к Сильвии: — Она не понимает, что говорит, Сил.

— Ошибаешься,— сказала Сильвия, пряча полные слез глаза.— Иди с мамой, Стюарт, может быть, тебе удастся смягчить...

Грета приняла решение внезапно. Она сошла с асфальтированной полосы и, чуть припадая на обе ноги, стремительно двинулась по лужайке навстречу Молли. Молли вновь распрямила плечи и подняла голову. Но ее лицо вдруг сморщилось, она беспомощно наклонилась и с жалобным стоном прижалась щекой к щеке Греты. Ее бусы перепутались и тихонько зазвенели, поля шляпы задралась вверх, они с Гретой обнялись, и Молли расплакалась.

Кто-то из стариков усмехнулся, кто-то пробормотал: «Будь я проклят», кто-то сказал, что такое бывает только в книжках. Кейт Бертеншоу в сопровождении откровенно ликующего Сидди поспешил к Грете и Молли и оказался около них в ту минуту, когда они разжали объятия и Молли вытирала глаза. Его приход заполнил неловкую паузу или испортил финал этой встречи — на лице Кейта Бертеншоу неожиданно появилась характерная кислая улыбка, и, вертя в руках зонтик, он решительно заявил:

— Мы встречаемся с вами не в первый раз, миссис Фидис. И, конечно, не в последний.

— Конечно,— откликнулась Молли, робко, хотя не без кокетства, передернув плечами.

Сидди улыбался во весь рот: — Помните меня?

Молли замерла от изумления: — Сидди Дикерсон! Да пусть я...

Молли пронзительно вскрикнула, всплеснула руками и устремила взгляд на одного из стариков. Выставив вперед

указательный палец, она подошла к нему вместе со Стюартом и Сидди.

— Ронни... не подсказывайте... Ронни Кармоди!

Со всех сторон послышались громкий смех и крики: «Молли!», «Молл!», «Ей-богу, это Молл!»; в ответ Молли выкрикивала: «Джефф! Джим! Пит! Олаф! Бетти!»

Стюарт, улыбаясь, стоял рядом, позабыв обо всех огорчениях. Тед выбрался из кучки обступивших его людей, встал, потирая руки, рядом со Стюартом, и они оживленно о чем-то заговорили, кивая головами. Гермiona и Розамонда молча смотрели на них. Грета вместе с Сидди и Кейтом Бертеншоу вновь отошла к своим детям и Стивену.

Сильвия осталась на лужайке в одиночестве, она первая увидела, как открылись двойные двери. Несколько мгновений старики продолжали переговариваться друг с другом. Потом один подтолкнул другого, и все, теснясь, потянулись к раскрытым дверям, снимая на ходу шляпы. Сильвия последний раз оглянулась и с удивлением увидела, что Гарри вместе с Метью Китчингом бегут по лестнице вниз. Она бросилась к Гарри, они на бегу поцеловались, а Метью подбежал к Розамонде, которая обхватила сына обеими руками.

— Метью, родной, тебя привез Гарри?

— Я добрался на общественном транспорте, — многозначительно ответил Метью.

— Гарри, дорогой, — сказала Сильвия, — подойди к Грете. Здесь важно, кто где стоит. Родные стоят в первом ряду.

— Пройди тогда вперед.

— Не надо, пожалуйста. Я не хочу стоять вместе с ними.

Сильвия осталась сзади со стариками. В первом ряду справа от прохода встали Молли и Стюарт. Тед тоже проскользнул в первый ряд, рядом с ним встал Кейт Бертеншоу. Грета, Гарри, Розамонда, Гермiona, Метью и Стивен встали слева от прохода. Так как Гаю не хватило места рядом с ними, он попросил Кейта Бертеншоу подвинуться, сбоку от Гая встал Сидди.

На возвышении Сильвия увидела что-то вроде козел, на них стоял гроб с венками на крышке. Заднюю стену

закрывал красновато-коричневый занавес, на фоне которого отчетливо выделялась фигура молодого священника; он остановился рядом с гробом и смотрел, как входившие заполняли зал. Через минуту, хотя священник продолжал хранить молчание, Молли, Кейт Бертеншоу, Тед и все старики склонили головы. Сильвия последовала их примеру и тут же поняла, что сделала это потому, что ее глаза отказывались смотреть на гроб, а мысли убегали от того, кто в нем лежал. Поэтому она подняла голову, взглянула на гроб, на молодого священника и тогда увидела, что Грета и ее семья, Стюарт, Стивен, Сидди и Метью не склонили голов, они терпеливо смотрели на священника и, казалось, недоумевали, почему он так долго молчит. Священник выставил вперед правую ногу, левой рукой ухватился за лацкан пиджака.

— Никто из вас не знает меня,— сказал он.— И я не знаю никого из вас.

Кое-кто из стариков с удивлением поднял голову и тут же снова опустил. Священник нервно теребил пиджак, но продолжал свою речь твердым, хотя и напряженным голосом:

— Я не знал покойного, и он не знал меня. Так обстоят дела на сегодняшний день. Люди приглашают чужого человека на крещения, свадьбы, похороны, в остальное время им нет дела до этого человека. Некоторые вообще больше не приглашают нас, они, по крайней мере, поступают честно; но большинство приглашают, одни из благочестия, другие из суеверия, некоторые просто потому, что так принято. Каждый из вас в глубине души знает, почему он это делает.

Склоненные головы не шелохнулись. Лица, обращенные к священнику, оставались бесстрастными, только по лицу Стивена видно было, что он слушает с интересом, а на лицах Греты и Розамонды было написано вежливое ожидание: «В самом деле? Продолжайте, пожалуйста». Сильвия чувствовала, как панцирь благопристойности все надежнее сковывает ее бурлящую горячую враждебность, она слегка наклонила голову. В самом деле? Продолжайте, пожалуйста.

— Так как я не знал покойного при жизни, мне пришлось навести о нем справки. Он родился на северо-западе этого штата, но с шестнадцати лет погрузился в разнообразную деловую жизнь здесь, в Сиднее. Он оставил вдову... — Молли приподняла голову, но тут же снова опустила, — и двух взрослых детей. Он преуспел в делах, а значит, проявил трудолюбие. Он жертвовал деньги на дела милосердия, и какими бы мотивами он ни руководствовался, это его украшает. И вот сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить память трудолюбивого милосердного человека и...

— И помолиться за его душу, — громко крикнул Сидди.

Молодой священник покраснел и еще крепче ухватился за лацкан пиджака.

— И помолиться за его душу, — произнес он медленнее и глуше, обращаясь только к Сидди. Потом сказал всем остальным:

— Друзья мои, прочтем молитву господню. Отче наш, иже еси на небесех...

— Отче наш, иже еси на небесех, — повторили все или сделали вид, что повторили, потому что некоторые просто что-то пробормотали или пошевелили губами.

— ...да святится имя твое.

— Да святится имя твое... — услышали все приятный поставленный голос Стивена и резкий — Сидди. Молодой священник выдержал паузу после «Аминь», повернулся к гробу и уже своими словами поручил душу Джека Корнока заботам Всевышнего. Несколько человек подняли было голову, но, увидав, что гроб медленно заскользил к занавесу, снова опустили. Откуда-то послышалась тихая музыка. Занавес раздвинулся. Старик, стоящий рядом с Сильвией, шепнул своему соседу: — Без прикосновения рук человеческих.

Музыка стала громче, гроб исчез, занавес медленно сомкнулся.

Сильвия шла к двери в окружении мужчин и прислушивалась к их негромким замечаниям.

— Хотел бы ты, Ральф, заполучить такого священника на свои похороны?

— Он еще зелен. Обучится.

— Деньги-то ему платят, верно? По-моему, он это нарочно, а ты как думаешь?

— Что-то есть в его словах.

Дождь усилился. Теперь мужчин занимала только одна мысль, как бы быстрее добраться до машин, они выставляли вперед зонтики, нажимали кнопки на ручках, и над их головами, словно по волшебству, вырастали одинаковые черные купола. Сильвия услышала за спиной голос Молли и отошла в сторону, чтобы избежать встречи с матерью. Из дверей вышел Тед, он неуклюже пробежал по лужайке, лавируя между людьми, и поднялся по лестнице. Молли, хлопывая рукой по шляпе, открывала шествие семей:

— Мой зонтик в машине.

За ней шел Кейт Бертеншоу: — Если вы, миссис Фиддис, не сочтете за труд подождать, я скажу несколько слов миссис Корнок и провожу вас до машины.

— Лучше я провожу, — вмешался Гай. И тут же ловко выхватил зонтик у Кейта Бертеншоу. — Одна нога здесь, другая там.

Кейт Бертеншоу не успел опомниться, как Гай уже открыл зонт и, обеспечив тяжело дышавшей Молли надежную защиту, увлек ее под дождь.

Грета вышла, ни на кого не глядя, занятая своими мыслями. Она достала из сумочки складной зонтик, не торопясь открыла его и посмотрела на Сильвию. Поколебавшись минуту, Сильвия рассталась с дверным проемом и подошла к Грете. Появился озабоченный Гарри, он торопливо поцеловал Грету и Сильвию, помахал остальным и побегал под дождем. Гермiona и Стивен вышли вместе, прячась под сломанным зонтом, к Кейту Бертеншоу подошел Стюарт. Кто-то изнутри закрыл дверь, двое высоких худощавых мужчин равнодушно переговаривались и смотрели на уходивших людей. Сидди галантно предложил Розамонде укрыться под его зонтом, Сильвия шла с Гретой под ее зонтиком. Метью бежал впереди без зонта.

— Я, пожалуй, рискну, — сказал Стюарт.

— Что вы, не стоит мокнуть, — попытался отговорить его Кейт Бертеншоу. — Подождите, пойдем вместе. Гай не

задержится. Он пошел провожать вашу мать.

Метью догнал Стивена и Гермиону под кирпичной аркой недалеко от вывески «Контора». Вслед за ним появились Сидди и Розамонда.

— Рози,— сказала Гермиона,— маме, наверное, не понравился этот священник.

— Мне показалось, что он очень мил,— рассеянно ответила Розамонда.

— Слушателям некуда было деться, и он прекрасно этим воспользовался,— улыбнулся Стивен.

— Если бы кто-нибудь подбросил меня в город,— сказал Метью.

— Побудь дома хоть одну ночь,— взмолилась Розамонда.

— Дома?

— У меня дома,— сказала Грета, подойдя к ним вместе с Сильвией.

— Ну, пожалуйста,— просила сына Розамонда.

— Ладно. Но только одну ночь.

— Мама, этот священник...

— Что ты хочешь сказать об этом священнике, Гермиона?

— Он прочел нам настоящую нотацию.

— Бедный молодой человек. Ему это, конечно, было нелегко.

— Так как я первый раз на похоронах...— начала Сильвия и отвернулась от всех, пожав плечами.

— Метью страшно боялся встречи с Тедом,— тихонько сказала Розамонда сестре,— но Тед бросил ему на ходу: «Привет!» — и помчался к машине, где сидит его прелестное дитя.

Гермиона не успела ответить, потому что дождь вдруг полил как из ведра, и Стивен предложил всем поторопиться. Подойдя к стоянке, они увидели, что из ворот выезжает большой черный лимузин. Стюарт, перескакивая через лужи, подбежал к машине Стивена, когда Стивен и Гермиона уже пристегивали ремни.

— Вы не видели мою мать?

— Видели,— сказала Гермиона, продолжая возиться с ремнем.

— Я хочу сказать, сейчас. Черная машина уехала при вас?

— Уехала, мы видели.

— Где же тогда Гай, черт возьми? Он взял зонтик у Кейта Бертеншоу.

— Гай нам не попадался,— сказал Стивен,— но, может быть, тут есть другая дорога...

— Стивен,— оборвала его Гермiona,— нам пора к детям.

Стюарт бросился к машине Греты, но она уже выехала за ворота.

Выруливая со стоянки, Стивен спросил: — Будем ждать Гая? Совершенно не понимаю, что нам делать.

— Не понимаю, чего ты не понимаешь. Гай и не собирался возвращать этот зонтик. Поехали.

— Наверняка не собирался,— фыркнул Стивен.— Мне все-таки удалось избежать встречи с Тедом.

— Да, дорогой. А он заметил твои старания? Поехали.

Стюарт сел за руль своей машины, снял мокрый пиджак и набросил на спинку соседнего сиденья. Причесываясь, он смотрел в зеркальце дальнего вида, хмурился и тихо, со злостью бормотал: — Пропади все пропадом, пропади все пропадом, пропади все пропадом...

В тот вечер за столом у Греты сидели Гарри, Сильвия, Розамонда и Метью. Так как Грета отметила, что Гай не появился, все поняли, что она его ждала, но Грета к тому же дважды повторила, что у Имоджин режется зуб, будто хотела как-то объяснить (прежде всего себе) отсутствие Стивена и Гермiony. Сильвии показалось любопытным желание Греты собрать в этот день всю семью. Она вспомнила, что Грета хотела устроить в воскресенье ланч у себя в саду, и пыталась угадать, напомнит Грета об этом или предпочтет промолчать, но Грета разрешила ее сомнения.

— Ланч в саду мы отложим до рождества,— объявила она.

— Сильвия в это время уже уедет,— сказала Розамонда.

Слова Розамонды напомнили Сильвии и Гарри об их затянувшемся споре, они погрузились в молчание и уткнулись в тарелки. Розамонда вдруг оттянула волосы назад,

отчего разгладилась кожа вокруг глаз, и громко сказала:

— Теперь мне все-таки придется подумать, что же делать. Теперь я уже не могу сказать себе «потом».

— Все мы, наверное, плывем в одной лодке,— сухо заметила Грета.

— Ну нет,— сказал Метью.— Мне надо только решить, что делать в первую очередь.

Уарунгу дождь обошел стороной. Половинка луны ярко освещала деревья, трава была влажной лишь от росы. Гарри и Сильвия сидели на садовой скамье лицом к дому. Гарри смотрел на дом, Сильвия — на Гарри. Она вытянула руку вдоль спинки скамьи и поглаживала Гарри по плечу, пытаясь смягчить резкость своих слов.

— Я поняла это только сегодня в машине, когда мы ехали домой. Между нами всегда что-то стояло, Гарри. На сей раз между нами стоит эта страна.

— Ты едва ее видела.

— Это отговорка. Я городской житель, и ты тоже, если я останусь, мы будем жить здесь, в Сиднее.

— К чему тогда говорить о стране?

— Когда лондонец говорит об Англии, он имеет в виду страну вообще, людей, их склад характера. А здесь страна держит тебя в тисках.

— Чтобы тиски разжались, страну надо увидеть. Но я не уговариваю тебя остаться.— Гарри внезапно повернулся лицом к Сильвии.— Я изумлен, только и всего.

Сильвия не могла разглядеть лица Гарри, но в наклоне повернутой к ней головы угадывала непримиримость, враждебность.

— Я хочу объяснить тебе,— сказала она.— Я тебя люблю, я хочу, чтобы ты это знал.

Гарри снова смотрел на дом, он заговорил прежним тоном — спокойным, безразличным, даже грубоватым:

— Знаю, что любишь. Но недостаточно.

— Достаточно, чтобы согласиться здесь остаться. Хотя нет, я понимаю, что не могу.— Сильвия почувствовала, что Гарри пожал плечами, она убрала руку и ухватилась за спинку скамьи.— Эта страна лишена целостности,—

сказала она.— Я не позволяю себе говорить об этом даже с тобой — в особенности с тобой, потому что... у меня такое ощущение, будто я вошла в чужой дом и замечаю только плохое. Но сейчас я все-таки скажу, так как хочу, чтобы ты меня понял. Все, что здесь происходит, я воспринимаю как нагромождение случайностей. Обрывки, кусочки чего-то. Я ощущаю это кожей, а не только понимаю умом и вижу глазами. И меня это мучает. Я уже прожила здесь довольно долго и видела довольно много — и что же? Да, конечно, есть гавань, но... не из-за гавани ли австралийцы решили, что со всем остальным можно примириться, и почили на лаврах, ничем, кстати, не заслуженных. Потому что о чем еще можно говорить? Не напоминай мне о национальных парках. Они великолепны. Замечательны. Но это ведь место паломничества. Человек не может жить в парке. А первое, что бросается в глаза,— тяжеловесный город из бетона, и видно, что люди понимают, как он некрасив, потому что тут и там заметны попытки сделать его более привлекательным. Выбравшись из города, попадаешь в пригороды, они тянутся и тянутся миля за милей. В тот день, когда я ездила в горы, стоило мне подумать, что пригороды кончились, как тут же снова появлялись дома, потом начинался пустырь, свалка, потом снова дома — о господи! Только не думай, пожалуйста, что я сравниваю те дальние западные пригороды, например, с Уарунгой. Я не сравниваю. В этом нет нужды. В сущности, они ничем не отличаются друг от друга. Пригороды могут быть чистыми. Дело в том — и тут все пригороды одинаковы,— что все они лишены ядра, лишены центра, сердца. Если, конечно, ты не согласен считать центром супермаркет, несколько магазинов или даже публичную библиотеку... Ох, мне давно пора замолчать, правда?

— Только если ты кончила.— Гарри говорил спокойно, но Сильвия чувствовала его гнев, его упорное нежелание понять ее.

— Беда в том, что я никогда не кончу,— сказала она.

— Видишь ли, в твоих словах, очевидно, есть доля истины, иначе об этом не говорили бы так часто. Лично мне кажется, что ты преувеличиваешь. Мне кажется, что

такие люди, как ты, находят все новые и новые доказательства в пользу своих убеждений ради самих убеждений и при этом забывают о конкретных фактах. Я видел районы Англии, Франции, Италии, где царило такое же нагромождение случайностей, как здесь, у нас.

— Знаю. Согласна.— Сильвия была рада хоть отчасти признать правоту Гарри и продолжала почти с мольбой: — Но там есть утешение — старина. И так много хорошей старины. Совершенство, качество — все это еще сохранилось, поэтому старые кварталы — это сердце города, даже самого плохого.

— Видишь ли, я не согласен считать центром супермаркет и магазины, но я все же не согласен жить вдали от тех, чьи сердца мне дороги.

— Каждый должен жить так, как ему лучше, что же мне делать, если я не могу найти в этом городе сердце?

— Ты похожа на Гермину. Тебя, правда, меньше волнует богатство, но ты тоже прежде всего обращаешь внимание на внешний вид.

— Внешний вид города имеет большое значение, иначе разве толпы австралийцев устремлялись бы в Европу с единственной целью: полюбоваться внешним видом старинных зданий и городов? Они чувствуют, что здесь, в Австралии, что-то не так, иначе стали бы они снова и снова будто одержимые ездить в Европу? И почему так много молодых австралийцев не возвращается? Нет, подожди,— воскликнула Сильвия, заметив, что Гарри хочет что-то сказать.— Я должна рассказать тебе, о чем я подумала, вернее, что поняла сегодня после похорон. Я поняла, что видела людей, отвергающих трагедию, упростивших свою жизнь настолько, что в ней осталось только то, что удобно и полезно. И я, конечно, задала себе тот самый вопрос, который хотел задать мне ты: а что можно предложить им взамен? Изощренный похоронный обряд, основанный на религиозных догмах, в которые они не верят? Нет, на это они бы не согласились. Я думаю, что они честные люди...

— Безусловно честные,— потерял терпение Гарри.— И они не хотят притворяться. Можешь ты предложить что-нибудь лучшее? Можешь ты сказать, чего ты хочешь?

— Я хочу чего-то другого. И они, по-моему, тоже. Для них это еще один повод поехать в Европу. Поехать и посмотреть на обычаи других людей.

В кухне внезапно зажегся свет. Они увидели Розамонду. Она взяла яблоко, откусила большой кусок и вышла, не погасив лампы.

— Теперь я уже окончательно испортила тебе настроение и окончательно тебе надоела,— спокойно сказала Сильвия.

— Еще не окончательно,— возразил Гарри.

При более ярком свете они обменялись сердитыми, хотя и тоскующими взглядами, потом снова отвели глаза.

— Значит, пока не окончательно,— с вызовом сказала Сильвия.— Самое время подумать, что же будет, если я останусь, если мы будем жить вместе.

— Из этого положения есть выход, постарайся вести себя иначе.

— Конечно,— с живостью откликнулась Сильвия,— конечно, я буду стараться, если останусь. У меня просто не будет другого выхода. Гермионе легче. Она такая крупная, такая красивая, ее нельзя не принять. А меня можно. Про меня будут говорить этим особенным тоном: «Ах, она ведь такая чувствительная». Про Гермиону, я думаю, говорить будут иначе: «Ах, она такая сердитая», и это гораздо лучше.

— Гермиона сердится, потому что ей не хватает денег.

— Гермиона сердится, потому что она здесь заперта, и единственное, что ей остается,— это сделать несколько квадратных метров своего жизненного пространства как можно более комфортабельными, а на это нужны деньги.— Сильвия заколебалась.— У меня-то деньги будут...— На мгновение она погрузилась в раздумья, но прервала свои размышления и вернулась к тому, о чем говорила.— Гермиона заперта здесь любовью. Так пламенно говорить о родине, так печься о ее процветании может только тот, кто ее любит. Австралия несколько меня не волновала, пока я не полюбила тебя, пока я по-настоящему тебя не полюбила. Сначала Австралия раздражала меня, хотя я понимала, что раздражаюсь только потому, что здесь родилась. И все же

я оставалась равнодушной. Я была гостьей. Я знала, что скоро уеду. Поэтому я соблюдала правила вежливости, улыбалась, говорила только о приятном, а неприятные ощущения старалась подавить.

— Никто не станет заставлять тебя это делать и дальше.

— Мне придется подавлять свою неприязнь ради тебя, Гарри, чтобы не разрушить твою любовь к этой стране. Человек, с которым ты живешь, может исподволь тебя ограбить. Каждый день ты будешь лишаться крупинки любви. Я не хочу грабить тебя. Я знаю, что значит — любить город. Поэтому мне придется быть осторожной, придется следить за каждым своим шагом, за каждым словом.

— Если ты останешься и не сумеешь искренне примириться с тем, что тебя окружает, мы наверняка будем ссориться.

— Ужасная перспектива,— сухо, едва слышно проговорила Сильвия.

— Ну что ж. Раз эта перспектива тебя ужасает, считай, что ее не существует.

Метью появился из-за угла, но, увидав Сильвию и Гарри, пошел к качелям.

— По-моему, Метью хочет с тобой поговорить.

— Минуту. Я все-таки скажу то, что хотел. Вообще говоря, когда так много людей покидает свою страну в период ее становления, когда все эти люди предпочитают оставаться там, где культура уже сложилась, и не испытывают потребности вернуться домой, это, по-моему, очень плохо. Бывают, конечно, исключения, но, вообще говоря, я уверен, что недопустимо обкрадывать одну часть света и перенасыщать другую. Я уверен, что это равно справедливо и когда речь идет о культуре, и когда речь идет о продуктах питания.

— Трудно поверить, что это говоришь ты,— сказала Сильвия.— Какая невероятная ограниченность.

— Вот и ты произнесла это слово. Тебя считают чувствительной, Гермину сердитой, а меня ограниченным.

Сильвия встала, опустила закатанные рукава рубашки.

— Будь нам по восемнадцать, мы бы кричали друг на друга, а я бы еще и плакала.

- Я бы хотел, чтобы нам было по восемнадцать.
- Метью, наверное, теряет терпение. Я ухожу. Он собирался поговорить с тобой о сборе фруктов.
- Это же не тайна. Оставайся.
- Мне хочется немного побыть одной.

7

В понедельник после похорон Кейт Бертеншоу вновь приехал к Грете. Дверь открыла Розамонда.

— Мама отправилась за покупками. Мистер Бертеншоу, посоветуйте, какую работу мне поискать?

— Она уехала на машине?

— Конечно.

Кейт Бертеншоу сел на стул в холле.

— Как это неудачно. Я рассчитывал, что она поймет без моих пояснений. Дом — это дом, машина ей не принадлежит. Я подожду ее. Дело нужно довести до конца.

— Пока вы ждете, подумайте о моей работе.

— Вы серьезно решили расстаться с мужем, миссис Китчинг?

— Совершенно серьезно.

— Никогда бы не подумал.

— Я тоже. Пытаюсь представить себе, что живу в одной комнате, бегу домой с кучей свертков и рассыпаю на лестнице апельсины. На кровати валяется салат, на стуле сохнет полотенце. Когда хочется пипи, выглядываю из комнаты и проверяю, свободна ли уборная.

— Боюсь, вам поздновато думать о карьере актрисы. А не могли бы вы работать продавщицей?

— Нет.

— Почему? Люди, не имеющие профессии, обычно так и начинают.

— Вы рассуждаете, как мой сын Метью.

— Очень красивый мальчик. Где он?

— Уехал из города сегодня утром,— сказала Розамонда

со слезами на глазах. — Никто не хочет брать меня на работу.

— Нужно продолжать поиски. Я полагаю, что вашему мужу грозит тюрьма.

— Он уверен, что нет.

Лязгнула металлическая дверь гаража. Вошла Грета, она казалась усталой, подавленной, растерянной.

Когда Кейт заговорил о машине, Грета сначала не поняла, потом тело ее напряглось, и в глазах засверкали голубые льдинки, которых Розамонда уже давно не видела. Грета достала из сумочки ключи, на какой-то миг показалось, что она швырнет их Кейту Бертеншоу в лицо, но Грета нашла лучший выход: подчеркнуто бережно она положила ключи на стол рядом со шляпой Кейта.

— Вы, конечно, помните, Грета, что, когда Джек перестал ездить сам, я пытался отговорить вас от продажи второй машины, записанной на ваше имя.

— Ну еще бы! — воскликнула Грета. — Еще бы, вы же знали, что задумал Джек.

— Он доверял мне, и я оказался в неловком положении.

— Мама, я хочу приготовить тебе чашку чая.

— Я сама приготовлю, Розамонда.

Грета направилась в столовую, но под аркой обернулась:

— А как с мебелью?

Кейт Бертеншоу положил ключи в карман и взял шляпу.

— Мебель считается движимым имуществом.

— Значит, я остаюсь в пустом доме?

— Согласно оставленным мне инструкциям, мебель должна быть продана. Надо заплатить налоги, покрыть кое-какие расходы, например, на похороны, остались некоторые долги.

— В частности, долг вам, за ваши труды?

— Это долг не мне, Грета. Это долг конторе «Соул и Бертеншоу». Я уже предлагал вам свои услуги бесплатно, на правах друга.

— Мне не нужны услуги юриста.

— Мама, когда ты будешь продавать дом...

— Успокойся, Розамонда. А когда все вещи будут распроданы, Кейт, все налоги, долги и расходы оплачены,

что будет с оставшимися деньгами?

— Они будут присоединены к основному капиталу.

— Предположим, что в доме не оказалось вещей на продажу. Из каких средств были бы тогда покрыты расходы?

Верхняя губа Кейта Бертеншоу поползла вниз, кончиком пальца он почесал крыло носа.

— Из основного капитала? Как ни странно, вы не знаете, что ответить, но ваша растерянность заставляет меня считать свои слова не вопросом, а ответом. Что ж, вы получили ключ от машины. Можете ее продать, поскольку в данном случае владелец известен. Но пусть вы или кто-нибудь другой попробует доказать, что вещи в этом доме принадлежат Джеку, а не мне. Розамонда, ты можешь не провожать мистера Бертеншоу.

Розамонда все-таки проводила Кейта Бертеншоу до машины.

— Мне очень неприятно, мистер Бертеншоу.

— Ваша мать вступила на опасный путь. Если я что-нибудь услышу насчет работы, миссис Китчинг, я непременно дам вам знать.

— Мама уговаривает меня не беспокоиться, она считает, что даже в самые трудные времена всегда можно подыскать какую-нибудь работу.

— Правда?

На следующий день Розамонда вместе с Сильвией и Гермией должна была освободить шкафы и комоды Джека Корнока. Гермияна приехала первой, она привезла Имоджин, так как на этот раз соседка не захотела присматривать за малышкой. Греты не было дома. Гнев пробудил в ней необычайную энергию. В девять часов утра она уже шла по Орландо Роуд быстрым пружинистым шагом, с негодованием переставляя сильные мускулистые ноги. Соседки, видевшие, как она идет пешком по улице, где прожила тридцать лет, осмеливались лишь холодно кивнуть.

Гермияна была не в духе, все ее раздражало:

— Куда ушла мама? Имоджин, сейчас же положи это на место!

Розамонда забрала у Имоджин кисточку для бритья и рассказала Гермие, что произошло накануне: — ...по-

этому мама пошла к тому человеку, который купил ковры, надеется уговорить его оценить мебель.

— Можно было ему позвонить.

— Наверное, она хотела с ним увидеться. И не очень хотела видеть нас, особенно Сильвию.

— Я знала, что эта нежная дружба долго не продлится. Куда мама собирается деть папину одежду? Раздать?

— Только ношенные вещи. Все остальное,— сказала Розамонда голосом Греты и взмахнула рукой,— все до последней тряпки будет продано.

— Ну, тогда хорошо, что мамы сейчас нет,— сказала Гермiona.

Она положила Имоджин спать и вместе с Розамондой принялась разбирать вещи.

— Одежда совершенно чистая,— сказала Гермiona.— Ох, Роза, я совсем пала духом.

— Как твой любовник, Мин?

— Этот человек вовсе не был моим любовником. Он предложил мне деньги и свою любовь. Отказаться от этого предложения можно, только если поселиться на другой планете. Его любовь всегда требовала от меня пребывания на другой планете, но соблюдать это условие было гораздо легче до того, как он предложил деньги.

— И все-таки, Мин... у тебя Стивен и дети...

— Я хотела забрать Имоджин, а Эмму и Джейсона оставить.

— Значит, ты уже обдумала...

— Да. И мне, конечно, стало легче.

— Настолько это серьезно? Я знаю его?

— Ты никогда не обращала на него внимания,— поспешно ответила Гермiona.

— Ты уже сказала ему...

— Ему ничего не нужно говорить, он и так все понимает. Мама, наверное, подыщет отдельного покупателя для всей этой одежды.

— Да. Гай уже предлагал какого-то театрального костюмера. Он бы не ушел отсюда с пустыми руками. Ой, посмотри, Мин, ты только посмотри на все эти коробки с носовыми платками. Ни одна не распечатана.— Розамонда

нагнулась и выдвинула нижний ящик, обе женщины заглянули внутрь.— А носки! — воскликнула Розамонда.— Все совершенно новые.

— Мама перекладывала их камфорой, камфору всегда меняла. Как она о нем заботилась!

— А сейчас распродает его вещи, это, наверное, незаконно,— сказала Розамонда.

— Конечно. Поэтому не рассказывай Сильвии. Если говорить правду, мама распродает вещи Сильвии.

— Конечно. Значит, мы оказываем Сильвии услугу: она никогда не узнает, каким скуперджем был ее отец.

Розамонда и Гермiona расхохотались; они все еще смеялись, когда вошла Сильвия в индийском платье, с жемчугом на шее, с сумкой через плечо. Сильвия радостно улыбнулась в ответ на их улыбки, но когда увидела аккуратные стопки одежды на полу и раскрытые шкафы, набитые добротными вещами, ее радость погасла.

Розамонда вскочила на ноги: — Сначала мы устроим ланч.

Грета появилась, когда три женщины сидели на кухне и ели. Вид у Греты был вполне довольный. Она поцеловала всех троих, села и налила себе чашку кофе.

— Сильвия, я продаю мебель.

— Угу,— промычала Сильвия с полным ртом.

Она не сомневалась, что продажа мебели — это дело Греты, и слегка удивилась угрожающим ноткам в ее голосе.

— Два человека приедут сегодня днем, двое завтра.

— Так скоро? — пробормотала Сильвия.

— А почему бы нет?

— Не знаю,— сказала Сильвия, огорченная Гретиной резкостью.— Розы и вам нужны столы, чтобы есть, кровати, чтобы спать...

— Один стол, две кровати и, наверное, четыре стула. Жемчуг, который ты носишь, Сильвия, я думаю, тоже относится к имуществу, так как он подарен совсем недавно.

— Да? — Сильвия выронила бутерброд и подняла руки, пытаясь расстегнуть бусы.— Тогда я...

— Нет, нет, нет,— сказала Грета, словно опомнившись.— Пусть эти бусы останутся у тебя, родная, пусть они оста-

нутя у тебя, не будем больше об этом говорить.— Грета бросила вопросительный взгляд на дочерей.— Вы согласны?

— Да, да,— хором ответили Гермiona и Розамонда.

— Вот что я вам предлагаю,— Грета снова говорила тепло и сердечно,— если вы хотите что-нибудь взять, какую-то безделушку, берите без стеснения.

— Мне, наверное, стоит проявить благоразумие и поинтересоваться щетками и тряпками,— сказала Розамонда.

— А мне нравится эта нарядная голубая вазочка,— воскликнула Гермiona.

— Это, конечно, не безделушка, Гермiona. Но ты все равно можешь ее взять.

— Приближается лето, нам с Гарри нужна другая кровать,— сказала Сильвия.— А так как кровать тоже не безделушка, я предпочитаю ее купить.

— Сильвия, ты разве не уезжаешь в Рим? — спросила Розамонда.

— Я остаюсь с Гарри.

— Ты хочешь сказать — насовсем? — удивилась Гермiona.

— И когда мы подыщем другую квартиру,— сказала Сильвия,— мы переедем, потому что мне нужна комната, где я могла бы давать уроки.

— Сильвия! — воскликнула Розамонда.— Я так рада. Мама, разве это не чудесно?

— Прекрасно,— сказала Грета.— Вы собираетесь пожениться?

— Официально нет.

— Это, конечно, гораздо разумнее,— сказала Грета.— Вы можете спокойно жить вместе и ни о чем не беспокоиться. Теперешние временные союзы гораздо легче прежних брачных цепей. Выбери любую кровать.

— Но я должна за нее заплатить.

— Если ты настаиваешь...

Сильвия удивилась, услышав цену, назначенную Гретой. Она не представляла, что кровати стоят так дорого. Правда, это была хорошая кровать. Сильвия покачалась на ней, проверяя пружины.

— У меня никогда не было своей кровати.

Розамонда и Гермиона рассмеялись. Грета все еще была полна сил, и ее неистощимая энергия позволяла им беззаботно откладывать все неприятные дела на будущее. Приехал Сидди, Грета попросила его отодвинуть мебель от стен, чтобы ее можно было побыстрее осмотреть.

— Как будто в моей мебели могут быть жучки!

Сидди отодвинул мебель, не снимая шляпы. Когда он ушел, Розамонда спросила Грету:

— А ты подумала, кто будет заниматься садом?

— Я сама, пока не продам дом.

В три часа Гермионе пришлось уехать. Она свернула с Орlando Роуд, поднялась на холм и выехала на Тихоокеанское шоссе. Дождаясь светофора, Гермиона обернулась, ей хотелось взглянуть на Имоджин, сидевшую сзади в подвесном креслице. Стюарт ехал по шоссе в противоположном направлении и увидел Гермиону в этой позе: напряженная шея, лицо повернуто назад, растянутые в улыбке губы шепчут что-то ласковое, широкие рукава соскользнули к плечам и обнажили руки. Гермиона не заметила Стюарта. Он резко свернул в боковую улицу и остановился у кирпичного забора, над которым высилась шапка цветущих кустов, перегибавшихся из сада на улицу, будто поднявшееся тесто, готовое убежать из квашни. В глубоком раздумье Стюарт смотрел невидящими глазами прямо перед собой. Минут через пять его машина снова влилась в поток транспорта, мчавшегося по Тихоокеанскому шоссе на север. Стюарт ехал в Уарунгу.

Дверь открыла Розамонда.

— Ты знаешь, что Сильвия остается в Сиднее?

— Конечно. Она мне звонила. Давно пора образумиться.

Один из покупателей уже приехал и ходил с Гретой по дому, другой появился чуть позже, когда Розамонда привела Стюарта в холл. Грета еще раньше сказала, что соперничество покупателей ей только на пользу, поскольку она намерена продавать все вещи по отдельности и как можно дороже. Розамонда сказала Стюарту, где найти Сильвию, поэтому Стюарт, который приехал вовсе не

ради встречи с Сильвией, зашел в комнату, где умер Джек Корнок.

— Здесь, пожалуй, больше нечего делать. Мы с Гермионой и Розы все привели в порядок. Но покупатель уже осмотрел эту комнату, поэтому я сижу тут, чтобы никому не мешать. Гарри придет после работы.

— Грета немножко торопится, тебе не кажется?

— Хорошо, что она так занята.

— Если только Кейт Бертеншоу в курсе дела.

— Я уверена, что в курсе.

— Что ж, ладно... Я, собственно говоря, приехал по своим делам. Ко мне явился один человек, он хочет продать дом в восточном пригороде и купить что-нибудь здесь. Я подумал, что Грету это может заинтересовать. Конечно, я мог бы позвонить, но мне хотелось уточнить планировку. Я бы добрался сюда раньше, но в Роузвилле у меня забарахлила машина. По дороге сюда я встретил Гермиону, да, да, Гермиону. Она ехала домой.— Стюарт встал рядом с Сильвией, обнял за плечи и на мгновение прижал к себе.— Не давай никому отговорить себя, Сил, делай, что делаешь.

Сильвия подумала, что Стюарт совершил это долгое путешествие (о котором рассказал так подробно) специально ради этих слов, поэтому вместо того, чтобы возразить: «Никто меня не отговаривает», покорно сказала: — Хорошо.

— Не отговаривай сама себя, вот что я хотел сказать. Решила, значит, решила. И хватит, поставь точку.

— Постараюсь. Мама все еще не хочет меня видеть?

— Теперь особенно, после того как узнала, что ты остаешься. Относись к этому с юмором.

— У меня нет другого выхода.

— Скоро все переменится.

— Если встать на ее точку зрения, вряд ли.

Стюарт завел часы, подержал около уха, искоса поглядывая на сестру.

— В конце октября около Редлиф Пул освободится квартира. Две спальни, нужен ремонт. Тебя и Гарри может это интересовать?

Сильвия рассмеялась.

— Ты воистину человек дела. Квартира выходит на это ужасное шоссе?

— Нет, на другую сторону.

— Значит, на гавань. Ой, как хорошо!

— Гавань едва проглядывает.

— Ой, не знаю, меня эта квартира безусловно интересует. Не представляю, как Гарри отнесется к северному району. Я его спрошу.

— Мама страшно нервничает из-за визита к Кейту Бертеншоу. Я уговариваю ее, что это не экзамен. Она хочет, чтобы я пошел с ней. Я предложил ей взять с собой Кена.

— А Кен способен...

— От Кена не требуется никаких способностей. Кейт опытный и надежный человек, а Кену нужно чем-то заниматься. Вот он и будет читать документы,— с легкой улыбкой сказал Стюарт.— Маме тогда не придется надевать очки.

— Значит, Кен тоже не знает?

— Возьми себя в руки.

— Ох уж эти мужчины!

— Не кипи, Сил, помни, что у мамы была хорошая практика.

Но Сильвия отошла от Стюарта и обхватила себя руками, будто хотела помешать своему негодованию вырваться наружу.

— Ладно, если ты все равно кипишь, я заодно скажу тебе, что мама договорилась поехать на скачки с Гаем.

Сильвия резко повернулась: — С Гаем?

— Успокойся. Мама считает, что у них с Гаем общие интересы — скачки.

— Значит, она будет платить...

— Нет, он внесет свою долю или не поедет. Мама рассчитывает, что ставить будет она, а Гай будет сообщать ей необходимые сведения.

— И просматривать бюллетень,— в отчаянии перебила его Сильвия.

— И просматривать бюллетень,— спокойно повторил Стюарт.— Мама говорит, что ей нужен друг. Подумай, пожалуйста, о том, что я сказал.

— Это требует усилий,— вздохнула Сильвия.

— Знаю. Я-то знаю. В последние годы мы с отцом прекрасно ладили, но мостик, перекинутый над той, прежней, пропастью, едва дышал — малейшая перегрузка, и конец. Как ни сложатся твои отношения с матерью, ей тебя недостаточно. У меня с мамой все хорошо, но этого ей тоже недостаточно. И Кена со всей его семьей тоже. Мама хочет появляться на людях с мужчиной. С таким мужчиной — будем говорить начистоту,— с каким можно пофлиртовать.

— О господи,— устало проговорила Сильвия.

— У нее это в крови,— сказал Стюарт.— Но на Гая ее уже не хватит. Да и он не станет долго около нее увиваться. Я-то боюсь, что он не явится даже на первое свидание. Мне бы хотелось, чтобы он сходил с ней на скачки разок-другой, а потом пусть катится на все четыре стороны. И не беспокойся, я не оставлю маму без присмотра. Если Гай вдруг присосется к ней и она начнет тратить слишком много денег, я положу этому конец. А сейчас, Сил, мне нужно внимательно осмотреть сад.

Стюарт неторопливо обошел сад позади дома. Он садился на середину каждой садовой скамейки, клал руки на спинку и оглядывал деревья, постоял под фиговым деревом, слегка толкнул сиденье качелей, посмотрел, как закручиваются и раскручиваются веревки. Здесь, уже почти в темноте, его отыскала Грета.

— Так что ж, Стюарт?

— Я нашел эту пару с Бельвю Хилл. Жена выросла в здешних местах. Спит и видит, как бы сюда вернуться, но будет ждать подходящего дома. Непременно с садом. Скучает по осенним листьям и всякое такое. Я не буду сам заниматься вашим домом, но могу передать вас надежному человеку, меня интересует эта продажа, потому что я буду заниматься тем домом.

— Спасибо. Если соглашусь, я сама займусь продажей.

Мгновение Стюарт смотрел на Грету с недоверием.

— Вполне разумно. Если вам понадобится совет, вы знаете, к кому обратиться. Я имею право вам помогать, так как не получаю комиссионных.

— Спасибо.— Грета взглянула на часы.— Жду Гая.

Сильвия здесь, значит, Гарри тоже придет. Вы можете задержаться и пообедать с нами?

— Нет, Грета, спасибо. Спасибо за приглашение.

Грета сжала руку Стюарта: — На похоронах не было возможности поговорить. Как вы живете, Стюарт?

— Чертовски скверно.

— Он был вашим отцом, — сочувственно сказала Грета.

— Не хочу, Грета, вводить вас в заблуждение. Не только поэтому.

— Понимаю. — Но, отвечая Стюарту, Грета смотрела в другую сторону: Гай открыл кухонную дверь и шел к ним по лужайке.

Гай поцеловал мать. — Гарри не побоялся заразиться проказой и подвез меня от станции.

— Гай, куда ты делся после похорон?

— Не помню. — Гай смотрел в глаза Стюарту. — Ты, кажется, забрел на чужую территорию, верно я говорю, Стюарт?

— Верно, — с удовольствием согласился Стюарт. — По-моему, Гай, каждый должен оставаться на своей территории.

Розамонда проводила Стюарта до двери: — Хорошо, Стюарт, что ты не пожалел времени, приехал и сам поговорил с мамой.

— Не хочу вводить тебя в заблуждение, Розамонда. У меня здесь было еще одно дело, но не выгорело.

— У меня такое чувство, что выгорит. Но даже одно дело из двух — тоже не так плохо.

— Ты никогда не работала машинисткой, Роза?

— Кем я только не работала! — закатила глаза Розамонда.

— Почему бы тебе немного не подучиться?

— Господи, помоги мне! Наверное, стоит подучиться. Хотя сейчас, куда ни глянь, всюду компьютеры.

— У компьютеров есть свои недостатки.

Молли и Кен сидели в конторе Кейта Бертеншоу. На Молли было то же платье, что на похоронах, и шляпка поменьше, но Кену хотелось показать, что он не придает

значения этому визиту, поэтому он надел шорты, рубашку с короткими рукавами и сандалии. Молли заявила, что, одевшись таким образом, он ставит ее в смешное положение, на что Кен ответил, что наряд Молли ставит в смешное положение его. В поезде они не сказали друг другу ни слова, но, сидя в двух одинаковых креслах, в одинаково застывших позах и глядя через стол на Кейта Бертеншоу, Молли и Кен стали союзниками.

— В настоящее время,— сказал Кейт Бертеншоу,— получится даже больше. За последние несколько месяцев проценты возросли... Простите...

Пока Кейт говорил по телефону, Молли наклонилась и шепнула Кену, чтобы он спросил, когда начнут поступать деньги. Он не ответил, и, прежде чем Молли успела повторить свою просьбу, Кейт Бертеншоу положил трубку.

Кен протянул руку через стол: — Можно еще разок проглядеть эту бумагу?

— Пожалуйста,— Кейт Бертеншоу передал завещание Кену.— Я приготовил копию, вы сможете взять ее с собой,— сказал он.

Кен просматривал завещание, Молли достала из сумочки очки, надела, наклонилась к Кену и, казалось, тоже погрузилась в чтение.

— А что с мебелью? — спросил наконец Кен.

— Я как раз собирался об этом поговорить.

— Здесь сказано «Дом», а не «Дом с обстановкой». Кому перейдет обстановка?

Молли сняла очки и нетерпеливо вздохнула.

— Миссис Корнок совершенно убеждена, что мебель принадлежит ей,— сказал Кейт Бертеншоу.

— У нее нет для этого никаких оснований,— возразил Кен.— Что говорится на этот счет в завещании?

Кейт Бертеншоу взял завещание из рук Кена и положил перед Молли.

— Вы совершенно правы. Я хотел, чтобы миссис Фиддис внимательно прочла завещание, а потом, если у нее возникнут вопросы, я с удовольствием на них отвечу.

Молли снова надела очки, протянула руку в перчатке, поджала губы и наклонилась над бумагой, ее глаза забегали

по строчкам. Кен скрестил руки и положил ногу на ногу.

— Она не понимает юридических терминов,— доверительно шепнул он Кейту Бертеншоу. Кейт Бертеншоу взял первую попавшуюся бумагу и сделал вид, что читает. Молли положила завещание и сняла очки.

— Пусть эта несчастная женщина оставит мебель себе.

— Несчастливая женщина! — Кен снова уперся в пол обеими ногами и наклонился над столом.— Ей достался дом, а это целое состояние.

— Вполне хороший дом,— раздраженно пробормотал Кейт Бертеншоу.— Миссис Фиддис,— обратился он к Молли,— скажите, пожалуйста, есть ли в этой бумаге,— Кейт Бертеншоу указал на завещание,— что-нибудь, требующее моих объяснений?

Молли подвинула завещание к Кейту Бертеншоу: — Вы уже все объяснили.

— Но не про мебель,— вмешался Кен.

— Мы не становимся моложе, Кен,— сказала Молли.— Я не хочу ее обижать, она может передумать и опротестовать завещание.

— Должен вам сказать,— вмешался Кейт Бертеншоу,— что миссис Корнок твердо решила не опротестовывать завещание.

— Вот видишь! — закричал Кен.

— Мне это безразлично,— заявила Молли.— У меня есть предчувствие.

— Ты с ума сошла,— не унимался Кен.

— Стоит только затеять этот спор, Кен, и ему не будет конца. Я слышала про такие тяжбы, они тянутся годами. Мы не станем моложе, Кен.

— Миссис Корнок отказалась от всех притязаний на машину. Не очень охотно,— добавил Кейт Бертеншоу.

— Вот видишь, Кен!

— Я вижу только одно...— многозначительно начал Кен. Но продолжил свою фразу, только когда они вышли на улицу и направились к Уин-ярд.— Я вижу только одно: половина юристов — мошенники.

— Ох, перестань! — проворчала Молли.— Давай посидим, Кен.

- Мне незачем сидеть.
- А мне есть зачем.
- Все из-за этих тупель.

Они сели на полукруглую пластиковую скамью в негустой тени тополей.

— Ты так и не спросил, Кен, когда начнут поступать деньги.

— Сама слышала: он сказал, что позвонит тебе.

— Надо было напомнить, что нам очень нужны деньги.

Кен скрестил руки на груди и крепко обхватил себя за плечи.

— Вся эта катавасия — несчастье. Добрался он до меня, старик Корнок, все равно добрался, не мытьем, так кантanjem.

— Хочешь, зайдем в магазин и купим все эти электрические штуки для твоей мастерской?

— Какие электрические штуки? — с презрением спросил Кен.

— Откуда я знаю какие. Тебе лучше знать.

— Не нужны мне никакие электрические штуки!

— Дело твое. Все равно ты без конца кому-нибудь их одалживаешь, такой ты у нас добряк, ничего своего тебе не жалко.

— А зачем тогда жить, если никому не можешь помочь? — спросил Кен.

Молли так и не удалось завлечь Кена в магазин. Они снова пошли к Уин-ярду. Когда Кен останавливался у газетного киоска, Молли дожидалась его, когда она останавливалась у витрины, Кен шел вперед. На станции Кен оказался раньше Молли, но так как оба билета были у него, перед контролером ему пришлось ее подождать: Кен стоял, уперев руки в бока, и сердито смотрел, как Молли неторопливо ковыляет по наклонному туннелю. На третьей платформе, дожидаясь поезда, они сели на скамейку.

— Тебе хочется поскорее получить деньги, чтобы отправиться на скачки с этим проходимцем, — сказал Кен.

— Зря ты его так называешь, Кен, мы все-таки почти родственники. Почему я не могу немножко порадоваться? Ты по субботам ходишь в бар, а я буду ходить на скачки.

Я не хочу тебя прижимать, Кен. Я сказала: всеми деньгами будешь распоряжаться ты. Я оставлю себе только сто долларов в неделю.

— Сто долларов,— застонал Кен.— Целых сто долларов, черт возьми!

— В наши дни это не очень-то много.

— Если уж ты такая дура, что собираешься давать деньги букмекерам, почему не ходить на скачки с той дамочкой? Почему?

— Потому, вот и все. С подругами на скачки не ходят.

— Молоденький мальчишка! Сколько ему там лет! Да еще бандит, сама говорила, что бандит.

— Я знаю только одно: мы с ним поладили. С той самой минуты, когда он подошел и предложил зонтик, очень вежливо предложил.

— Дура ты несчастная. Стал бы он с тобой цацкаться, если б не твои деньги? Сама подумай.

— Ну и пусть, деньги всегда имеют значение, не так, что ли? Женился бы ты на мне, если бы у меня не было дома, раз уж на то пошло? Я ведь записала дом на нас двоих, как только мы поженились.

— А я этот дом тут же принялся приводить в порядок, ни сил, ни времени не жалел! — взорвался Кен.

— Да, ты внес свою долю, знаю. Посмотри-ка на ту девушку, Кен. Эти миленькие цветастые юбочки снова вошли в моду, а ведь столько лет носили одни только проклятые джинсы.

— Завела любовника, так и скажи.

— Ты совсем спятил,— засмеялась Молли.

Но ее визгливый смех сменился таким ласковым, удовлетворенным мурлыканьем, что Кен с возмущением вскочил и, пока не подошел поезд, стоял у самого края платформы спиной к Молли.

Розамонда увлекалась гороскопами и часто произносила слово «суждено».

— Так все-таки легче,— говорила она.— Если мне все равно суждено стать машинисткой, к чему противиться?

Розамонда взяла напрокат электрическую пишущую машинку и печатала по шесть часов в день. Огромный дом медленно пустел, шаги Греты и Розамонды отчетливо слышались на голом полу, хотя они старались ступать осторожно и держаться как можно дальше друг от друга.

В предсказаниях Розамонды чувствовалось знакомство с популярной астрологией, но она утверждала, что черпает сведения из других источников.

— Уран пересекает мои знаки зодиака,— говорила она Гарри и Сильвии.— За три недели до рождества появятся исключительные возможности продвижения по службе для Рыб. Какие-то люди от Стюарта приходили смотреть дом. Мама сказала вам? Мин и Стивен нашли в Террамерре что-то не очень безобразное. А у вас уже есть своя квартира. Одна я осталась ни с чем. Но со мной все образуется. Мне так суждено. К тому же когда мама расстанется с этим домом...

В вечер переезда на новую квартиру Гарри и Сильвия оставили ящики и коробки нераспакованными и отправились ужинать во вьетнамский ресторан на Оксфордской улице. Ресторан открылся в бывшем молочном кафе и еще хранил память о прошлом владельце: на стенах красовались эвкалипты, голубые холмы, коровы, цветущие английские сады и огороды. Висела картина Мане «Флейтист». Гарри и Сильвия знали, что им предстоит прожить несколько напряженных недель, и наслаждались последним неторопливым обедом. Правительство назначило выборы задолго до истечения срока своих полномочий, так как Малькольм Фрейзер, по мнению членов своей партии, проявил свойственную ему проницательность, а по мнению членов лейбористской партии, поступил как циничный соглашатель, каким и являлся на самом деле.

Сильвия не переставала поражаться, с каким упорством

и терпением работал Гарри во время предвыборной кампании, хотя прекрасно понимал, что у лейбористов нет никаких шансов на победу. В глубине души она ждала, что он обратится к ней за помощью, но он этого не сделал, и Сильвия подумала, что Гарри, наверное, все еще не забыл, как она делилась с ним и Маргарет своими впечатлениями о политической жизни Лондона, в которой участвовала тогда вместе с Джеффри Фоли. В то время ее больше всего поражала убогость этой жизни: сколько вечеров бессмысленно провела она в мрачных залах, освещенных голыми лампочками. Правое крыло политических деятелей (как она тогда рассказывала) ничем не отличалось от левого в устройстве таких встреч, разве что правые изредка украшали стол букетом цветов, часто искусственных, и ставили рядом цветную фотографию королевы. Но если Гарри и помнил высказывания Сильвии, он ничем себя не выдавал, а Сильвия считала, что сейчас не время о них вспоминать.

У Сильвии было уже девять учеников. Она разбила их на группы — по трое в каждой — и давала два урока днем и один вечером, поэтому Гарри часто приходилось самому разогревать себе обед, пока Сильвия вела занятия в гостинной, а иногда, приходя домой, он заставал ее в кухне, где она уже кончала обедать, уткнувшись в книгу, подпертую вазой с фруктами. Их вполне устраивала такая жизнь — устраивали свобода и близость, согретые общностью домашнего очага. Но в привязанности Сильвии к Гарри многое определялось сознательно принятым решением, практическими соображениями, диктовалось чувством долга, как некогда этим же чувством диктовалось ее стремление разделить год пополам. У Гарри все было по-другому: она вошла в его жизнь так же естественно и просто, как Гарри — в жизнь страны, где родился; Сильвия восхищалась Гарри, завидовала ему, но ничего не могла с собой поделать.

Сильвия никогда не участвовала в выборах, но на этот раз ей пришлось зарегистрироваться и явиться на избирательный пункт. В тот день, сгибаясь под порывами западного ветра, она шла по улице и думала, много ли таких же невежд, как она, в этой стране, где все обязаны участвовать в выборах. Заполняя избирательные бюллетени в соответ-

ствии с указаниями в листовке лейбористов, которую дал ей Гарри, она вспомнила, как часто Молли добродетельно восклицала, что всегда голосует, как ей велит муж. Сильвия злилась, что вынуждена проявлять такую же покорность, и больше всего ей хотелось просто сложить наполовину заполненные бюллетени и бросить их в урну.

Приговор Молли в чем-то облегчил жизнь Сильвии, и все-таки она не могла смириться с тем, что мать даже видеть ее не хочет, и постоянно жаловалась Стюарту. Обида оказалась сильнее, чем она думала. Сильвия предпочла бы поддерживать с Молли хоть какие-то отношения, терпеть ее нелепые выходки, ее вздорные придирки, лишь бы сохранить надежду на возвращение прежней близости, пусть даже на миг. Мысленно она ни на минуту не разлучалась с Молли, снова и снова перебирала все обстоятельства ее жизни с Кеном и становилась в тупик, вспоминая о ее внезапной привязанности к Гаю. Сильвия расспрашивала Стюарта, но он отделялся ничего не значащими словами. Она стояла на своем с таким упорством, будто, неотступно думая о матери и расспрашивая о ней, могла заставить Молли изменить решение.

Совершенно неожиданно после поражения лейбористов к Сильвии обратилось больше учеников, чем она могла принять, и, к своему великому изумлению, она узнала, что все они хотят эмигрировать.

— Неужели вы думаете, что политические деятели Италии честнее и благороднее австралийских? — спрашивала она.

Ответ одной из женщин показался ей вполне убедительным:

— Конечно, нет, но в Италии мне это будет безразлично. Там меня это не касается. Я не могу оставаться в Австралии и не интересоваться австралийскими делами, а жить здесь и принимать участие в том, что делается, слишком больно.

Сильвия не верила самой себе и все-таки постепенно начала понимать, что у нее есть что-то общее с этими несговорчивыми сиднейскими патриотами. Несмотря ни на что, она чувствовала себя дочерью этого города,

как, несмотря ни на что, чувствовала себя дочерью Молли. Разве мог задеть ее до глубины души поступок какого-нибудь толстого лживого римлянина, разве стала бы она горевать о судьбе чьей-то чужой матери, если речь и впрямь не шла о трагедии? Сильвия долго прятала и душила в себе желание считать людей своей страны лучше других, считать свою мать мудрой, зрелой женщиной, но ей это так и не удалось.

Молли могла бы научить Сильвию одолевать тоску. Юридические формальности требовали времени, и когда Молли заявила, что возьмет деньги в банке под залог своих будущих доходов, Кен предложил одолжить Молли пятьсот долларов под те же проценты, какие выплачивала ему строительная компания, хранившая его сбережения. Кейт Бертеншоу подготовил соответствующий документ, на чем крикливо настаивали Кен и Молли, и таким образом Молли получила возможность играть на скачках, а Кен уже не считался неумолимым тираном.

В субботу, в день выборов, как только Кен ушел в бар, Молли отправилась на ипподром. По дороге она зашла на избирательный участок. Молли что-то небрежно нацарапала на бюллетенях (как поступала всю жизнь на всех выборах), аккуратно сложила их и с почтительным видом опустила в массивную, запертую на замок и тщательно охраняемую урну.

В такси Молли села рядом с шофером, она то и дело поправляла шарфик, шляпку, теребила новые бусы и рассказывала, как ей везет на скачках.

— Знаете, по-моему, в чем тут дело? Только не смейтесь.

— Не буду, — сказал шофер.

— Я недавно овдовела, и мне все кажется, будто удача перешла ко мне от мужа, а уж ему везло так везло, было такое времечко, и я все думаю, что он сам отдал мне свою удачу.

— Как же он ухитрился это сделать? — спросил шофер.

— В нашем мире происходит многое, чего мы не понимаем.

— Что правда, то правда.

— Мой муж твердит, что все это глупости, но прежде-то

я всегда была из невезучих.

— Вы вроде сказали, что овдовели.

— Я снова вышла замуж.

Шофер искоса взглянул на Молли.

— Что ж, почему не выйти? Вид у вас что надо.

Гай ждал Молли у ворот. Она успела незаметно окинуть его быстрым взглядом. На прошлой неделе Гай явился без пиджака и без галстука, но несколько выигрышей позволили Молли нарядить его в легкий костюм, розовую муслиновую рубашку и галстук от Диора. В перерывах между забегами Молли расспрашивала Гая о Грете. Продала она дом? Сколько за него получила? Что покупает? Почему не красит волосы? Гай отвечал скупно.

Здороваясь с Молли, он чмокнул ее в обе щеки, и все, кто видел эту сцену, прекрасно поняли, что Гай сознает комичность своего положения. Молли взвизгнула, захихикала, поиграла новыми бусами и расцвела.

— Как я выгляжу?

Гай уже знал, какие словечки доставляют ей удовольствие: — Блеск! Загляденье!

Они снова выиграли, но на этот раз сумма оказалась скромнее, чем в славные три первых дня, и Молли уходила с ипподрома в тревоге.

— Не в том дело, сколько мы выиграли. Хорошенько запомни это, Гай. Главное, удержать свое счастье. Не сойти со счастливой дорожки.

— Вот именно. Пока она не кончится.

— А зачем ей кончаться? Они, эти дорожки, обязательно кончаются. Одну такую я знаю — так и не кончилась. Мы еще на волне, мы еще можем истратить кучу денег. В пятницу встречаемся как обычно, порадуемся еще разок. Да? Встречаемся в пятницу? Да, Гай?

Домой Молли возвращалась с тремя другими пассажирами, и шофер попался угрюмый. Когда машина свернула на ее улицу, Молли сняла новые бусы и положила в сумочку. Но Кен не видел, как она вошла в дом. Молли незаметно проскользнула к себе в спальню и надела домашнее платье и шлепанцы, зная, что это верный способ смягчить Кена. Кен постепенно возвращал себе главенствующее

положение в доме. Одолжив Молли деньги, он рассчитывал удержать ее дома, но, хотя выигрыши на скачках, казалось, помогли Молли вырваться из его силков, Кен зря беспокоился: привычка работала на него. Привычка, созданная пятьюдесятью годами собственной семейной жизни и детскими впечатлениями от семейной жизни родителей, каждый день отвоевывала новый крошечный плацдарм в сердце Молли и надежно охраняла благополучие Кена. Продолжай Молли выигрывать, Кен все равно остался бы главой семьи. Полоса невезения только ускорила победу Кена, которая, как сказала бы Розамонда, была ему суждена.

На первых порах сыновья Кена с женами и детьми стали реже бывать в его доме. Но решимость Молли «сказать им в лицо всю правду» уступила место более скромному желанию: Кен должен объяснить детям, что Молли нужно немного передохнуть. К несчастью, встречи с Гаем и скачки оставляли Молли слишком много свободного времени, и вскоре оказалось, что при всех своих деньгах она, как прежде, большую часть дня сидит перед телевизором, только уже без Кена: так как дети не могли прийти к нему, он уходил к ним. Поэтому мало-помалу, делая вид, что она страшно недовольна, Молли снова впустила в свой дом сыновей Кена с чадами и домочадцами.

— Значит, она опять ухаживает за кучей младенцев? — расспрашивала Сильвия брата.— И готовит на всю эту ораву?

— Сейчас ей все-таки легче,— рассказывал Стюарт.— Старшим детям приказано поменьше расслаиваться и помогать бабушке. К ней относятся куда почтительнее. Деньги — это деньги.

По случаю новоселья Стюарт преподнес Гарри и Сильвии подарок — огромный ковер. Когда они втроем стояли по краям узорного поля и Гарри с Сильвией ахали, охали и благодарили Стюарта, Гарри внезапно спросил:

— Стюарт, почему у тебя такой безутешный вид все эти дни?

Гарри редко встречался со Стюартом, их мнения и взгляды почти никогда не совпадали, но им было хорошо вместе, как бывает хорошо людям, когда-то дружившим и не со-

хранившим от прошлого ничего, кроме былой привязанности друг к другу.

— Не знаю,— сказал Стюарт.— Безутешный — это человек, не находящий утешения. Впрочем, пожалуй, ты прав: я безутешен.— От неожиданности он рассмеялся.— Неужели правда? Безутешен, кто бы подумал, я — безутешен!

— Из-за отца? — спросила Сильвия.

— Как тебе сказать, отец всегда был для меня врагом, с которым я должен сражаться. Пока он ходил по земле и раздавал тумачи направо и налево, мне не нужна была цель в жизни. И вдруг — хлоп! — сражаться не с кем, а тут еще я теряю женщину, которая могла бы сделать мою жизнь осмысленной. Я безутешен, потому что прежде добывал деньги с радостью, а теперь радости не стало. Выкипела. До дна.

Как-то вечером в начале ноября Стюарт проводил очередного покупателя, подошел к телефону и набрал номер Розамонды:

— У меня в конторе уходит девушка. Нужно уметь печатать, но главное — телефон: мило отказать, мило заинтересовать, приглядываться к посетителям, рассказывать мне, что за люди, и всякое такое.

— Конечно...— задумчиво проговорила Розамонда.

— Конечно, что?

— Конечно, будет очень неловко, если тебе придется меня прогнать.

— Риск неизбежен. Надеюсь, через некоторое время ты начнешь немного разбираться в нашем деле, тогда я смогу поручить тебе работу с клиентами: показывать дома, вести предварительные переговоры, а сам буду заниматься только продажей. Потом сдашь экзамены и встанешь на ноги.

— Я просто ошеломлена.

— Чем?

— Твоей верой в меня.

— Так что скажешь?

— Давай оба еще подумаем. Я позвоню тебе завтра утром. Независимо ни от чего, Стюарт, большое спасибо.

— Минутку!
— Да?
— Как твой сын?
— Какой, Метью или Доминик?
— Тот, кто был на похоронах.
— Метью собирает спаржу в Маджи.
— Каникулы вроде кончились?
— Гарри говорит, что надо постараться вернуть Метью в школу, хотя бы через год. Ему всегда хотелось заниматься биологией моря.

— А что слышно про другого?
— Доминик очень меня беспокоит.
— Я так и думал,— сказал Стюарт с удовлетворением.— Значит, поговорим завтра.

Розамонда вышла в сад за домом, где Грета медленно шла за газонокосилкой. Она пристроилась рядом и пошла в ногу с матерью.

— Стюарт предложил мне работу у себя в конторе,— прокричала Розамонда.

Грета выключила мотор: — Сколько тебе будут платить?

— О господи, я забыла спросить.

— Неважно. Какое-то жалованье будет. Стюарт не станет мелочиться. Соглашайся.

— Конечно. Это значит, мама, что я смогу от тебя уехать.

— Не стоит спешить, родная. Бумаги пока не подписаны. Продажа может еще сорваться.

— Но если я не перееду, мне придется каждый день совершать такое длинное путешествие,— сказала Розамонда, поживаясь и глядя в сторону.

— Ну что ж,— проговорила Грета,— мы не так плохо жили вместе. Если учесть...

— Совсем неплохо,— рассмеялась Розамонда.— Если учесть...

Они со смехом обнялись и расцеловались.

— Так или иначе, хорошо, что ты побыла здесь,— успокоившись, сказала Грета и снова занялась газонокосилкой.

Но как только Розамонда уехала, Грета спряталась за такими глухими стенами, что достучаться до нее не мог

уже никто из детей. Розамонда и Гермiona неотступно звонили матери, Гарри и Гай то и дело приходили к ней, и все-таки, хотя Грета отвечала на вопросы, разговор обычно не клеился: Грета вдруг выключалась из беседы, будто переносилась в другой мир.

Она больше не произносила шепотом бесконечные монологи наедине сама с собой. Когда дети оставляли ее в покое, маска спадала, и Грета обретала свое истинное лицо: лицо одинокой женщины с глазами, полными животной тоски, и плотно сжатыми губами, изогнутыми плавной дугой, как у Джека Корнока в последние месяцы жизни. Во всех углах ее дома валялось незаконченное шитье. Теперь Грету привлекал только сад. Она работала без перчаток, ее одежда и волосы все обильнее пропитывались потом, так как погода становилась все жарче, но Грета яростно и упорно выпалывала сорняки, завладевшие газонами и клумбами, и, глядя на нее, никто бы не подумал, что эта женщина способна возродиться и что ее возрождение примет такую неожиданную форму. Тем не менее возрождение совершалось. По вечерам, когда длинные тени стремительно съеживались на траве и, как белки, прятались в гуще листьев, Грета иногда вдруг поднимала голову и пристально смотрела куда-то в сторону. В такие минуты ее лицо дышало спокойствием, и прежде чем снова приняться за работу, она поправляла на носу очки костяшкой перепачканного в земле большого пальца.

Но детям, видевшим только, как она тоскует, как подавляет клокочущую в груди ярость, поражение Греты казалось окончательным и бесповоротным. Розамонда и Гермiona переговаривались по телефону.

— Стивен считает, что мама сделала одну ужасную ошибку,— сказала Гермiona,— и я с ним согласна. Она надеялась получить подтверждение, что ее страдания не прошли даром.

Розамонда стояла у телефона-автомата в подъезде своей квартиры. Зеленые пластиковые мешки для мусора, набитые до краев, подпирали стену у ее ног.

— По-твоему, она ожидала, что мы станем для нее вознаграждением,— сказала Розамонда.

— Или один из нас. Она надеялась, что один из нас окажется «стоящим всего этого». А потом, когда оказалось, что все мы далеки от совершенства, она перенесла свои упования на внуков.

— Может быть, ты и права. Не знаю.

— Я тебе сказала, что мы ждем еще одного ребенка? Гермiona всегда сообщала важные новости невпопад, но очень обижалась, если ей тоже отвечали невпопад.

— Правда? — воскликнула Розамонда.— Ох, Мин, это чудесно!

— Мы решили, что в состоянии позволить себе такую роскошь,— бесцветным голосом проговорила Гермiona.— Теперь уже ясно, что мы еще на это годимся, и у Имоджин будет с кем поиграть. Мальчик или девочка, трех спален все равно хватит.

— К рождеству переедете?

— Нет, все-таки не успеем. Наверное, в самом начале января.

— Мама говорила с тобой про рождество?

— Нет. Я сама с ней заговорила, но она ничего не ответила.

— А мне заявила, что еще рано об этом думать.

— Рано? Осталось всего две недели.

— Мы всегда справляли рождество в саду,— сказала Розамонда.— Даже представить себе не могу рождества без цветущей жакаранды.

— Не понимаю, где еще мы можем справлять рождество.

— Уж конечно, не в моей так называемой квартире. Да и Метью это вряд ли понравится.

— А с кем будет Доминик?

— Сначала с Тедом, потом со мной. Он очень скучает о Метью.

— Просто ужасно! Роза, я думаю, у мамы нет никаких причин возражать. Нужно только, чтобы она услышала.

— Ты сказала ей, что снова ждешь ребенка?

— Нет, и не хочу говорить, пока она в таком состоянии. Знаешь, что я подумала? Во вторник я повезу Имоджин делать первую прививку. По дороге заеду за мамой и попрошу поехать со мной. Имоджин пока еще ее радуется.

Как твоя работа, Рози?

— Честно говоря, вполне ничего. Стюарт вводит меня в курс дела. Мы задерживаемся после работы, приносим из кафе что-нибудь поесть и пьем пиво.

— В жизни не поверю!

— И правильно сделаешь. Пьем вино. Но если уж речь идет о еде на вынос, пиво как-то уместнее.

— А ноги, конечно, кладете на стол?

— Стюарт кладет. Я нет. У меня слишком толстые ноги.

Наступила одна из привычных пауз. Розамонда уперлась рукой в бок, поставила ногу на мешок с мусором.

— Рози, почему ты считаешь, что непременно должна кому-то нравиться? — нарушила молчание Гермiona.

— Ты меня спрашивала об этом еще двадцать лет назад. Я до сих пор не знаю, что тебе ответить.

— Прости, Рози, мне пора. Имоджин.

Через несколько дней Грета и Гермiona стояли в клинике и разговаривали, ожидая, пока сестра сделает Имоджин прививку.

— Мама, мы с Рози не знаем, как быть с рождеством.

Грета разглядывала сквозь стеклянную стену стоянку машин.

— Вы всегда приходили ко мне, — проговорила она, будто с трудом вспоминая, о чем идет речь.

— Значит, ты до тех пор не переедешь.

— Нет, не перееду. Переезд назначен на одиннадцатое января.

— Никто из нас еще не видел твоей новой квартиры.

— Квартира как квартира. Чисто и удобно.

— Какой смысл снимать и выбрасывать деньги на ветер, если можно купить квартиру.

— Слишком много хлопот. Не хочу возиться.

— Не хочешь — не надо, всегда успеешь. Зато будешь пока жить совсем близко от Сильвии и Гарри, это тоже приятно. Так что с рождеством? У тебя, как всегда?

— Разумеется, — сказала Грета, продолжая разглядывать сквозь стекло стоянку машин. Больших машин почти не было. А солнце палило так нещадно, что на маленьких тесно прижатых красных, желтых и ядовито-зеленых

крышах ослепительно сверкали бесцветные круги.

— Еду и вино мы принесем. Тебе ни о чем не надо беспокоиться. Мы с Розы и Сильвией все устроим. Рождественский пикник. Вот идет сестра. О времени договоримся.

Семейная пара, купившая дом Греты, пришлось не по вкусу обитателям Орландо Роуд, как когда-то пришлось не по вкусу Грета и Джек Корнок, с той только разницей, что с новой парой все хотели познакомиться. Мало того, что хозяин дома оказался известным дипломатом, его жена была автором детских книг, которые, как утверждали соседки, все они в детстве «читали и перечитывали». Эти слова повторяли даже женщины почти одного с ней возраста, хотя жена дипломата начала писать, когда ей было уже за тридцать. Во всяком случае, писательница и ее достойный и очень приятный муж предпочли не заводить новых друзей, поэтому соседи говорили про них ровно то же, что говорили когда-то про Джека и Грету Корнок (хотя с другой интонацией):

— Они, кажется, милые люди, но мы, правда, с ними незнакомы.

Андерсон Д.
А65 Лицедей: Роман/Пер. с англ. Ю. Родман. М.: Известия, 1990.— 224 с. (Библиотека журнала «Иностранная литература»)

Роман Джессики Андерсон «Лицедей» — это отнюдь не примитивное «обличение нравов» капиталистического общества, просто героям его часто приходится оказываться в ситуациях, требующих «игры».

А 4703000000-007 67-90
074(02)-90

ББК 84.82
И(Австрал)

**ДЖЕССИКА АНДЕРСОН
ЛИЦЕДЕИ**

Художественный редактор *С. Мухин*

Технический редактор *И. Клыкова*

Корректор *Л. Шмелева*

ИБ № 1411

Сдано в набор 15.11.89. Подписано в печать 23.02.90. Формат 70 × × 100/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 9.1. Усл. кр.-отт. 9,4. Уч.-изд. л. 11,20. Тираж 50 000 экз. Зак. № 851. Цена. 1 р. 20 к.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР»
103791, Москва, Пушкинская пл., 5.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Джессика Андерсон принадлежит к числу наиболее известных современных австралийских писателей. Она — автор нескольких романов и пьес. Ее роман "Лицедеи" в 1980 году удостоин высшей литературной премии Австралии. Андерсон не углубляется в психологические подробности и изыскания — она пишет легко, бегло, но при этом умеет высветить нечто особенно важное в облике и поведении персонажей. Ее диалоги — это яркая современная речь, прекрасно передающая особенности определенных социальных групп и различных характеров.
